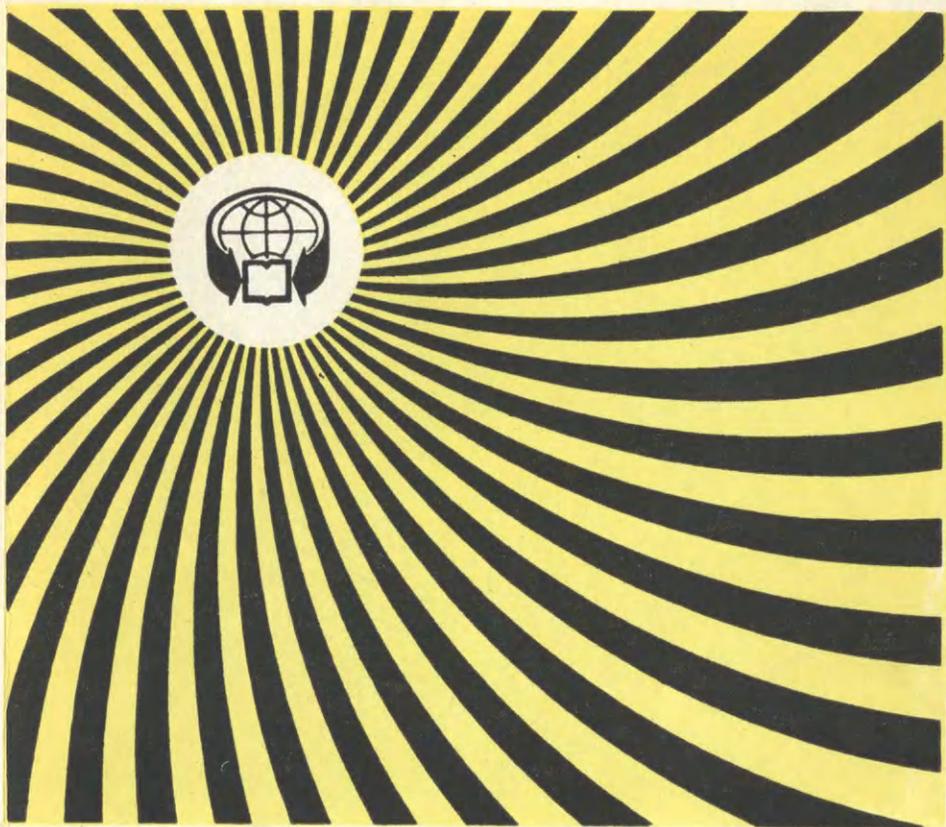

УЗР
Аутентичу

РС

Для служебного пользования

Экз. № 000649

**АВСТРОМАРКСИЗМ.
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Для служебного пользования

Экз. №

АВСТРОМАРКСИЗМ.
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ

РЕФЕРАТИВНЫЙ СБОРНИК

Москва · 1984

**Серия: КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ.
РЕФОРМИЗМА И РЕВИЗИОНИЗМА**

**Сборник подготовлен
Отделом капиталистических стран Европы и
Северной Америки**

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Б.С.ОРЛОВ (ответственный редактор), кандидат экономических наук Г.Б.АРДАЕВ (научный редактор), кандидат исторических наук В.Я.ШВЕЙЦЕР, А.А.АМПЛЕЕВА (редактор)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Особенности формирования австрийского социал-реформизма	5
Австромарксизм в трактовке различных идейных течений СПА. (Обзор)	40
Кулеманн П. Пример австромарксизма	94
Маррамао Дж. Австромарксизм и левый социализм между двумя мировыми войнами	133
Боттомор Т. Австромарксизм. Введение	165
Мерхав П. Австрия	174
Отто Бауэр и "евролевые". Материалы симпозиумов. (Обзор)	185
Шарза М. Малоизвестная традиция: Отто Бауэр и австромарксизм	200
Виммер Э. Австромарксизм и "третий путь"	204

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа Социал-демократической рабочей партии немецкой Австрии. Принята 3 ноября 1926 г. на партийном съезде в Линце	213
Бауэр О. Между двумя мировыми войнами? Кризис мировой экономики, демократии и социализма	225
Адлер М. Политическая или социальная демократия	237
Реннер К. Пути осуществления: Размышления о политической демократии, экономической демократии и о социализме, в особенности о задачах кооперативов и профсоюзов	253

ВВЕДЕНИЕ.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АВСТРИЙСКОГО СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА

В настоящее время в западной, прежде всего в социал-демократической, литературе проявляется большой интерес к тому течению в социал-реформизме, которое общепринято называть австромарксизмом. Издан ряд работ, посвященных основоположникам концепции австромарксизма, проведен ряд международных конференций. Многие авторы, рассматривая австромарксизм как левое крыло социал-демократии, пытаются установить связь между ним и так называемым еврокоммунизмом.

Интерес к австромарксизму совпал, и далеко не случайно, с мировым экономическим кризисом, разразившимся в 70-е годы, глубина, широта охвата и продолжительность которого оказались беспрецедентными. Длительное, сравнительно спокойное, прерываемое незначительными по масштабам кризисами послевоенное развитие в странах Запада привело к распространению иллюзий о возможности относительно бесконфликтного поступательного движения капитализма. Казалось, что в теории, наконец-то, найдено безотказно действующее средство, а экономическая практика сумела его применить. Но реальная действительность выявила иное. Кризис, сравнимый лишь с "великой депрессией" 30-х годов, в различной степени затронул различные страны буржуазного мира.

Однако оказалось, что в системе современного капитализма существует небольшое государство, вроде бы ничем принципиально не отличающееся от других капиталистических стран,

не огражденное от них какими-либо барьерами, где проявления кризиса сказались минимально. По всем основным экономическим показателям – уровню безработицы, инфляции, объему производства Австрии удалось сохранить относительную стабильность. Ее практически почти не коснулись экономические потрясения, острые политические битвы, социальные конфликты и массовые общественные движения последних лет. “При Второй республике, – писал член Политбюро Коммунистической партии Австрии Эрнст Виммер, – Австрия, течение трех десятилетий оказалась в значительной степени или полностью не затронутой рецессиями, потрясавшими подавляющее большинство капиталистических стран”¹⁾.

В глазах западных наблюдателей этот феномен стал объектом самого пристального внимания. На фоне общей ситуации в капиталистическом мире Австрия предстала неким базисом. Отсюда стремление осмыслить теорию и практику австрийской экономической и социальной политики послевоенных лет, и особенно последнего десятилетия, с позиций их использования в других развитых капиталистических странах. Исследователи задаются вопросом, имеет ли австрийский опыт международное значение или он был и остается специфически австрийским явлением, применимым только лишь в этой стране? Для выяснения проблемы в первую очередь анализируется возникновение австромарксизма как идейно-политического течения, его историческое развитие с конца XIX в. и по сегодняшний день, особое внимание уделяется его практике.

При этом обнаруживается, что общепринятого определения австромарксизма не существует, даются его различные, иногда противоречивые, характеристики. Это прежде всего связано с тем, какие задачи ставят перед собой авторы.

Ответ на вопрос, что из себя представляет австромарксизм, следует искать не в сегодняшнем и не во вчерашнем дне, а в довольно глубокой истории. Как известно, всякая социал-демократия является в большей или меньшей степени реформист-

---

¹⁾ Wimmer E. Sozialpartnerschaft aus marxistischer Sicht. – Wien, 1979, S.12.

ским течением в рабочем движении. Основу реформизма составляет та или иная степень и форма компромисса с буржуазией. В этом смысле австромарксизм исторически представляет собой особую и, пожалуй, наиболее последовательную форму реформистского компромисса.

В истории Австрии, по меньшей мере в последние 150 лет, компромисс играл значительно большую роль, чем в любой другой стране. Нередко говорят, что склонность к компромиссу и умение найти к нему путь даже в самых сложных обстоятельствах стали наиболее типичными чертами австрийского национального характера, свойственными в той или иной мере всем слоям общества, что эта склонность унаследована от Австрийской империи как Первой, так и Второй республики.

В качестве отчасти интуитивной, но по большей мере осознанной политики компромисс явился порождением многосложной структуры общества и государства, представлявшей собой почти беспрецедентное переплетение различных противоречивых сил, интересов и тенденций. Практически ни одна из них никогда не обладала достаточной мощью, для того чтобы одержать верх и стать на более или менее длительный срок определяющим, господствующим фактором развития.

Длительное время эта страна была субъектом экспансии, но по мере ослабления монархии она потенциально могла стать ее объектом. Если этого не произошло, то не потому, что Австро-Венгрия не была, как Турция, "большим человеком" Европы, а потому что слишком много острых конфликтных проблем вызвал бы ее раздел в европейском концерте держав.

Во внешней политике Австрия пользовалась своим средним положением на европейском континенте, умело играя на противоречиях между великими державами, расширяя границы и удерживая захваченные территории. Позднее целью стало сохранение всеми силами сложившегося статус-кво.

В огромной Австрийской империи, как ни в одной другой стране Европы, затянулся переход к капитализму, практически продлившийся вплоть до революции 1918 г. А это означало борьбу, подчас довольно острую, между докапиталистическими и капиталистическими формами хозяйства. Причем в отличие от иных стран эта борьба происходила не в рамках свободной конкуренции, а реализовывалась через посредство государства.

Ф.Энгельс писал, что Габсбургская монархия накануне революции 1848 г. опиралась на два класса — на феодальных землевладельцев и на крупных денежных воротил, уравновешивая в то же время влияние и силу каждого из этих классов влиянием и силой другого, чтобы у правительства, таким образом, оставалась полная свобода действий¹⁾.

В дальнейшем по мере развития капитализма монархия маневрировала между феодальными классами и буржуазией. Корона выступала как бы арбитром в этом развитии, опосредствовала его в форме законодательных рескриптов, всегда представлявших собой компромисс, подчас весьма эклектический, между классами, каждый из которых искал поддержку у государства.

Австро-Венгрия представляла собой конгломерат экономически плохо связанных между собой высокоразвитых промышленных районов (Чехия, Вена и ее окружение, некоторые части Венгрии и Польши), областей с крупным помещичье-капиталистическим землевладением (Венгрия, часть Польши) и экономически отсталых окраин, населенных в основном южнославянскими народами. В ней не существовало единого рынка.

Как в Австрийской империи, так и позднее в Австро-Венгрии не было имперской феодальной знати, а впоследствии буржуазии. Существовали аристократия и дворянство, венгерское, немецкое, итальянское, польское, хорватское, каждое со своими интересами, общими лишь в том, что касалось эксплуатации крестьян и сохранения своих привилегий. Точно так же, когда появился капиталистический класс, он состоял из буржуазии немецкой, чешской, венгерской, польской.

Понятно поэтому, сколь широкое поле деятельности в области маневра и компромисса открывалось перед короной. Если, например, хорватские феодалы поднимались на борьбу за независимость от Вены, последняя оказывала помощь хорватским крестьянам. Когда в Венгрии выступали крестьяне, корона приходила на помощь венгерским феодалам.

---

¹⁾ Маркс К., Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. — Соч., 2-е изд., т.8, с.30.

Острейшей проблемой был многонациональный характер государства, раздираемого противоречиями, потрясаемого непрерывной борьбой славянских народов за независимость. И здесь монархия использовала противоречия и шла на компромиссы ради сохранения своего господства и целостности империи.

Уникальным явлением была структура государства, отражавшая наличие двух равноправных частей – Австрии и Венгрии и фактически полуколониальной периферии.

Наконец, многонациональная Австро–Венгрия в отличие от многонациональной России никогда не была централизованным государством. Вена являлась бюрократической и культурной столицей, но не экономическим центром. Она никогда не обладала всей полнотой власти на территории всей империи. Практически имел место полицентризм – экономический, классовый, национально–классовый и отчасти политический. Рано сложившаяся, многочисленная, непомерно разросшаяся бюрократия обладала огромным влиянием в центре и подчас неограниченной и бесконтрольной властью на местах, ибо управление подобной империей без нее было бы невозможным.

Отсюда пристекала и еще одна особенность Австро–Венгрии. Ее политика внутри империи представляла собой уникальное сочетание внутри– и внешнеполитических черт. Поскольку центробежные силы превалировали над центростремительными в борьбе за сохранение империи, вырабатывалась немалая ловкость, способность к интригам, готовность к уступкам, которые, в конечном счете, содействовали сохранению империи.

Австрийскую политику Энгельс характеризовал как колеблющуюся, трусливую, грязную и коварную, вынужденную постоянно идти на уступки, боящуюся решительных шагов, грозивших переменами внутри страны или у граничащих с ней соседей¹⁾.

Все эти особенности истории классовых и национальных проблем не могли не оказать своего влияния на ход развития

---

¹⁾ Маркс К., Энгельс Ф. Начало конца Австрии. – Соч., 2-е изд., т.4, с.473.

капитализма, а вместе с ним и на формирование и развитие рабочего класса и рабочего движения в стране.

Опять—таки в отличие от России в Австро—Венгрии формировался не австро—венгерский, а немецко—австрийский, чешский, венгерский, польский пролетариат.

Австрийская социал—демократия занимала едва ли не центральное положение в теоретической деятельности западной социал—демократии. Для некоторых из ее ведущих теоретиков Австрия оказалась слишком узким полем действия. К их числу относятся Рудольф Гильфердинг и Карл Каутский. Известно, что В.И. Ленин высоко ценил работу Гильфердинга "Финансовый капитал"¹⁾, хотя и указал на ряд содержащихся в ней ошибок. Он также высоко ценил Каутского до перехода его на оппортунистические позиции.

Резко критикуя идеологию и политику западноевропейских правых социал—демократов, Ленин отмечал, что такие из них, как Карл Каутский и Отто Бауэр в прежние времена "учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы...)"²⁾. Теоретические достижения Бауэра отмечал и видный деятель Коммунистической партии Австрии (КПА) Фридль Фюрнберг³⁾. Э.Виммер, член Политбюро ЦК КПА, подчеркивает, что австромарксизм был и остается наиболее теоретически оснащенной и в то же время противоречивой основой социал—реформизма⁴⁾.

Западногерманский исследователь П.Кулемани полемизирует с имеющей широкое хождение в литературе точкой зрения, что наиболее характерной чертой австромарксизма является противоречие между теорией и практикой: революциониза—

---

1)

Hilferding R. Das Finanzkapital. - Wien, 1910.- 477²⁾ S.

Ленин В.И. Детская болезнь "левизны" в коммунизме. - Полн. собр. соч., т.41, с.87.

3) См. Фюрнберг Ф. Влияние Октябрьской социалистической революции на Австрию. - М., 1967, с.51.

4) См. настоящий сб., с. 205.

ция общества на словах и реформизм, стабилизирующий буржуазную систему, на практике. Подобная позиция, по мнению автора, неверна, во всяком случае в период до первой мировой войны. Для австрийских социал-демократов было характерно большее соответствие теории и практики, чем для СДПГ¹⁾.

Представляется, что это замечание отвечает действительности. Помимо субъективных факторов сама жизнь требовала теоретического осмысления сложнейших проблем, вытекающих из самого положения Австро-Венгрии, прежде всего вопроса о том, каким должно быть рабочее движение: единым для всей территории страны или расколотым на национальные отряды.

Теоретический ответ на этот вопрос для немецко-австрийских социал-демократов неизбежно определял и центральный вопрос практической политики: должен ли быть отдан приоритет немецко-австрийским или общепролетарским интересам?

В международном плане австромарксизм дал однозначный ответ: общепролетарские интересы стоят выше национальных. Во внутреннем плане ответ был иным: австрийские теоретики выступили за автономию наций внутри страны, а это неизбежно вело не только к признанию национальной автономии социал-демократических партий Австро-Венгрии, но и предполагало возможность компромисса с буржуазией своей нации. Обосновывая такое решение, австромарксисты полагали, что в каждом из национальных парламентов буржуазия и пролетариат будут представлены отдельно и потому в общегосударственных рамках буржуазии так же будет трудно объединиться.

В.И. Ленин, принципиально признавая возможность компромиссов для социал-демократии, данную австрийскую попытку считал неудачной, тем более что она потерпела в конечном счете полный крах, приведя к сепаратизму и отказу чешских социал-демократов следовать такому курсу²⁾.

Тезис о национальной автономии содержал в себе и еще один существенный элемент. Коль скоро социал-демократиче-

---

1) См. настоящий сб., с. 97.

2) Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу. - Полн. собр. соч., т.23, с.314-322.

ская партия замыкается в национальных рамках и рассчитывать ей на поддержку со стороны других социал-демократов Австро-Венгрии по тем же причинам особо не приходится, то на передний план выступает проблема единства партии. Любой раскол может привести партию к политической гибели или ослабить до такой степени, что она станет политически небоеспособной.

Единство партии стало фетишем, а символом единства на протяжении 30 лет вплоть до смерти в 1918 г. был Виктор Адлер. В партии мирно сосуществовали, несмотря на возникавшую нередко острую полемику, различные идейно-политические течения, теоретическая и практическая деятельность осуществлялась как бы в отрыве одна от другой. Правые были представлены В.Адлером и К.Реннером, левые – О.Бауэром и М.Адлером, теоретики – О.Бауэром и И.Зейцем, практики – В.Адлером и К.Реннером. Можно было бы назвать и другие имена, но важна суть. Она состоит в том, что все внутривнутрипартийные группировки всегда находили общую компромиссную платформу на почве практической деятельности независимо от идейно-теоретических разногласий.

Вполне справедливо замечает П.Кулеманн, что для австромарксистов характерно совпадение политических действий при различии мировоззрения лидеров. Реннер не был сторонником марксистской диалектики, В.Адлер вообще не интересовался философией, Ф.Адлер был махистом, М.Адлер пытался сочетать Канта и Маркса. Бауэр эволюционировал от кантианства к махизму. Но общим для всех была позиция, согласно которой между философией и практической политикой нет прямой связи ¹⁾.

Вместе с тем теоретические взгляды австрийской социал-демократии давали все основания считать ее находящейся на левом крыле П Интернационала. С таким историческим наследством и идейно-политической репутацией партия подошла к первой мировой войне. Как целое австрийские социал-демократы выступили на стороне своего правительства в поддержку войны.

Эту позицию партия объясняла и оправдывала необходимостью обороны от русского царизма. Руководство партии утверждало, что страх перед победой царизма охватил все клас-

---

1) См. настоящий сб., с. 97-98.

сы немецкой Австрии, в том числе рабочие массы. Как писал Бауэр, "социал-демократия без всяких оговорок встала на сторону центральных держав. Она предоставила без всяких оговорок все свое влияние на массы в распоряжение военного командования"¹⁾.

Но даже, если лидеры партии пошли "на поводу" у настроений масс немецко-австрийского происхождения, то примечательно полное игнорирование мнения масс остальных частей Австро-Венгрии.

Вместе с тем ряд особенностей отличал позиции австрийских социал-демократов от позиции таких партий П Интернационала, как германская или французская.

Во-первых, лидеры партии дистанцировались от правящих кругов в вопросе о нападении на Сербию, чего не сделали германские социал-демократы в отношении Бельгии. Бауэр писал: "Даже в самый день объявления войны Сербии социал-демократия снимала с себя всякую ответственность за нее. Войне она противопоставила свое требование: "Австрия должна быть федерацией свободных народов"²⁾. Партия вновь оказалась перед проблемой компромисса.

Во-вторых, влиятельная группа лидеров и функционеров практически с самого начала выступила против позиции руководства партии по отношению к войне. Правда, эта группа во главе с Ф.Адлером и при участии М.Адлера, Р.Даннеберга и др. направила острие своей критики не столько против поддержки партией якобы "оборонительной войны", сколько против формы, в какой эта поддержка была оказана. Компромисс на сей раз проявился внутри группы левых.

В-третьих, уже в марте 1915 г. левая оппозиция осудила в печати отношение партии к войне, но на партийной конференции в мае того же года не решилась выступить с собственной резолюцией. Австрийские левые не приняли участия в Циммервальдской конференции социал-демократов-интернацио-

---

1) Бауэр О. Австрийская революция 1918 г. - М.; Л., 1925, с.52.

2) Бауэр О. Указ. соч., с.5.

налистов, но приветствовали ее решения¹⁾. И здесь налицо компромиссная позиция.

В-четвертых, после того как экономический кризис в стране обострился, антивоенные настроения масс стали усиливаться, военный режим начал практиковать террористическую политику на заводах, социал-демократическая партия, опять же с позиций компромисса, формально не выступая против правительства, на деле перестала оказывать ему поддержку.

В-пятых, все это время, несмотря на острые разногласия, правые, центристы и левые оставались в одной партии, не помышляя о расколе.

В-шестых, переход австрийской социал-демократии в оппозицию начался до поражения Австро-Венгрии в войне, а не после него, как в Германии. Австрийские социал-демократы раньше почувствовали настроения масс, чем их германские единомышленники. Правда, этому способствовал тот факт, что после крупного военного поражения Австро-Венгрии под Луцком Германия взяла в свои руки военное командование над всем Восточным фронтом, подчинив себе австро-венгерскую армию.

В стране назревала революционная ситуация. "Осенью 1916 г., - пишет Бауэр, - исчезла всякая надежда на близкий мир. Голод стал до того невыносим, что, несмотря на суровые законы военного времени, в милитаризованной военной индустрии началось брожение... Раздражение против абсолютистской политики правительства Штюргка охватило все классы"²⁾.

В этих условиях достаточно было какого-то толчка, чтобы разразился политический кризис. Таким поводом, по мнению многих историков, явилось убийство 21 октября 1916 г. Ф.Адлером министра-президента К.Штюргка.

---

¹⁾ Hautmann H. Die verlorene Räterepublik: Am Beispiel der Kommunistischen Partei Deutschösterreichs. - Wien, 1971, S.21-22.

²⁾ Бауэр О. Указ. соч., с.55.

Последующее затем смягчение военного режима ряд историков ставит в прямую зависимость от террористической акции Адлера, хотя сам он на процессе заявил, что не задумывался над возможными последствиями своего поступка. Фюрнберг, однако, пишет, что покушение и особенно смелая обвинительная речь Адлера "против монархии, войны и руководства социал-демократической партии на суде нашли глубокий отклик в народе"¹⁾. Бауэр высказывается еще более определенно, заявляя, что этот акт стал поворотным пунктом в истории рабочего движения Австрии²⁾. Современный австрийский историк А.Вандрушка полагает, что убийство премьера "дало левым конкретную ближайшую цель, лозунг борьбы и своего героя"³⁾.

Но В.И. Ленин, откликнувшись на это событие, подчеркнул, что большевики считали и считают "индивидуальные террористические покушения" "нецелесообразным средством политической борьбы"⁴⁾.

Примечательна, однако, реакция самой партии. На конференции, состоявшейся 4-6 ноября 1916 г., социал-демократы воздержались от какой-либо оценки покушения, однако в практических действиях воспользовались ситуацией, потребовав созыва парламента. Одновременно началась активизация деятельности партии. Таким образом вновь была занята двойственная, компромиссная позиция.

Какую же можно дать общую оценку отношения австрийской социал-демократии в целом к войне и ее практической политике в этот период.

Сохранение единства партии любой ценой привело к тому, что ее политический курс состоял из цепи компромиссов. Однако если в начале войны компромиссы реализовывались пре-

---

1) Фюрнберг Ф. Указ. соч., с.20.

2) Бауэр О. Указ. соч., с.55.

3) Geschichte der Republik Österreich. - Wien, 1954, S.439.

4) Ленин В.И. Ф.Коричнеру: (Письмо). - Полн. собр. соч., т.49, с.312.

имущественно в пользу правых, то по мере поражения Австро-Венгрии и нарастания экономического кризиса позиция левых стала играть все большую роль. Оценивая ретроспективно эту ситуацию, Бауэр писал в 1936 г.: "В начале войны в австрийской социал-демократии также одержали верх патриотические течения... Однако патриотические устремления в многонациональном государстве, нации которого стремились разойтись, не могли столь сильно охватить и долго сохраняться, как в Германии и Западной Европе. В ходе войны партия постепенно приспособилась к требованиям марксистской "левой... которая стала руководствоваться антивоенным настроением масс. Тем самым партия избежала грозившего ей раскола" ¹⁾.

Следует также отметить (на это меньшее внимание обращено в литературе), что немалую роль в сохранении единства любой ценой сыграли отчетливо выразившиеся в конце войны центробежные силы в Австро-Венгрии и вызванный этим страх оказаться партией, расколотой, беспомощной и безоружной, без союзников в других частях монархии.

Иной вопрос, какую цену пришлось заплатить за это единство в ходе последовавшей революции и как отразилось это на ее характере. Тем не менее следует констатировать, что к концу войны австрийская социал-демократия оказалась наиболее левой из реформистских партий социал-демократического толка Западной Европы.

К концу 1916 г. голод в стране достиг такой степени, что широкие массы единственное спасение от него видели в мире, дать который правительство было не в состоянии.

Однако во внутренней политике правящие круги под влиянием Февральской революции в России пошли на определенные уступки. Верхи предприняли попытки править "по-новому" и осуществили некоторые меры в области социально-политического компромисса. Решимость же низов не жить "по-старому" во многом зависела от степени и форм их организованности, от идейно-политического знамени, под которым они шли.

---

¹⁾ Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Br., 1936. - 355 S.

В этот период лидеры австрийской социал-демократии видели свою главную задачу в том, чтобы максимально сохранить свое влияние в массах, не допустить никаких иных группировок и партий к руководству пролетариатом. И им удалось не только предотвратить раскол в партии, но и политический кризис в стране, т.е. открытую конфронтацию рабочего класса с буржуазией и самой партией. Во многом это было достигнуто переходом правых на позиции центра, а центра – на позиции левого крыла, усилившегося тем самым количественно и политически, но оставшегося составной частью реформистской или теперь уже левореформистской партии.

Февральская революция в России революционизировала рабочие массы в Австрии и ускорила вызревание революционной ситуации в стране. В этих условиях определяющими факторами становились: 1) поведет ли социал-демократия рабочий класс на революцию; 2) если же нет, то вспыхнет ли и в каких масштабах стихийное восстание; 3) как в последнем случае поведет себя социал-демократия, возглавит ли его или попытается приглушить.

Все это были вопросы не столько теории, сколько практической политики. В принципе австрийская социал-демократия выступала за революцию. Однако за какую? Левый Ф.Адлер писал: "В Австрии и России еще не может быть речи о социальной революции. Здесь еще не победила даже буржуазная революция, в этих странах прежде всего предстоит задача ликвидации абсолютизма и осуществления демократии"¹⁾.

Однако в конце 1917 г. – начале 1918 г. вопрос о революции социал-демократии пришлось уже решать на практике, ибо массы были готовы к ней. Но не готова оказалась социал-демократия. Она не желала перерастания революционной ситуации в революцию прежде всего потому, что не готова была взять в свои руки государственную власть и, следовательно, не знала, как удержать ее.

17 января 1918 г. "Арбайтерцайтунг" (Arbeiterzeitung, Wien) писала: "Никто не советовал рабочим начинать стачку, никто ее не организовывал, она со стихийной мощью"

---

¹⁾ Бауэр О. Указ. соч., с.54.

возникла из возмущения масс, и никакая сила не была в состоянии помешать ее возникновению и распространению" ¹⁾. Когда же забастовка началась и достигла огромного размаха, социал-демократы возглавили ее, но с целью не допустить перерастания в революцию. "Мы выдвигали забастовку как большую революционную демонстрацию, - писал позже Бауэр, - Превращения ее в революцию мы желать не могли" ²⁾.

В сложившейся обстановке руководство партии направило меморандум премьер-министру Зайдлеру, в котором содержались требования информировать рабочих о ходе мирных переговоров, реорганизовать снабжение продовольствием, отменить законы о милитаризации предприятий и т.п. Таким образом, социал-демократические лидеры и на этот раз вновь применили политику компромисса, взяв на себя, по существу, обязательство помешать перерастанию забастовки в революцию, а правительству дать возможность отступить без существенных политических уступок и без применения против рабочих вооруженной силы.

Обосновывая свою позицию, лидеры партии ссылались на то, что революция неизбежно вызовет оккупацию Австрии германской армией, которая в конце 1917 - начале 1918 г., казалось, достигла вершины своей мощи. Кроме того, лидеры партии считали, что и австро-венгерская армия все еще сильна для подавления революции, а влияние социал-демократов в ней недостаточно.

Под влиянием Октябрьской революции в России в Австрии в конце декабря 1918 г. стали стихийно возникать Советы рабочих депутатов. Социал-демократы не были сторонниками их создания, но как только они начали появляться, тотчас же взяли в свои руки руководство избирательной кампанией и в ходе выборов получили большинство. Выборы в Советы показали, что рабочие массы в подавляющем большинстве продолжали доверять социал-демократии, считая ее своей партией.

---

¹⁾ Цит. по: Турок В.М. Очерки истории Австрии, 1918-1929 гг. - М., 1955, с.28.

²⁾ Бауэр О. Указ. соч., с.63.

И не только доверяли, но и рассчитывали, что при ее посредничестве правительство пойдет на уступки и выведет Австрию из войны.

В некотором смысле ситуация напоминала обстановку в России в первые послефевральские месяцы 1917 г., когда Советы находились под влиянием мелкобуржуазных партий, а рабочие и солдаты надеялись на то, что война будет прекращена. Сходство состоит еще и в том, что как в России началом конца Временного правительства было бессмысленное, стоившее огромных потерь июльское наступление 1917 г., так и в Австро-Венгрии наступление, предпринятое в июне 1918 г., купленное ценою громадных человеческих жертв, стало преддверием Ноябрьской революции.

Сходство с кануном российского Октября состояло еще и в том, что в результате этого наступления начался развал армии.

В этот период стали складываться условия, при которых социал-демократия могла встать на путь взятия власти. Политика буржуазии потерпела банкротство и потеряла доверие городских масс. На этот раз уже не социал-демократия обратилась к ней, а буржуазия к социал-демократии, видя в сотрудничестве единственный шанс удержать страну от революции.

Австрийские социал-демократы согласились на сотрудничество с буржуазными партиями, поставив ряд условий, из которых главным было право немецкой Австрии на самоопределение и создание немецко-австрийского государства.

Однако время уже было упущено. Революция началась. 6 ноября 1918 г. В.И. Ленин говорил, выступая на У1 Всероссийском чрезвычайном съезде Советов: "Пролетариат Западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии. Тамашнее правительство отличается той же бескомпромиссностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время, к концу февраля 1917 г. правительство Николая Романова"¹⁾.

В последние дни октября 1918 г. начавшийся ранее процесс распада Габсбургской монархии завершился. Депутаты

---

¹⁾ Ленин В.И. У1 Всероссийский чрезвычайный съезд Советов. - Полн. собр. соч., т.35, с.135-168.

райхсрата от немецких избирательных округов объявили себя временным национальным собранием, провозгласившим 12 ноября 1918 г. создание Австрийской республики. Оно также избрало Государственный совет, правительство, в которое на пропорциональных началах вошли все партии. Социал-демократы были представлены сначала двумя министрами. В этом смысле ситуация также напоминала послефевральскую Россию.

16 февраля 1919 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. Из 159 мандатов социал-демократы получили 69, христианские социалисты – 63, пангерманисты – 24¹⁾). Было образовано коалиционное правительство из социал-демократов и христианских социалистов. Канцлером стал К.Реннер. Ключевые министерства и ведомства – военное, внутренних и иностранных дел, социального управления, юстиции и комиссии по социализации – возглавили социал-демократы. Правительство Реннера просуществовало до 10 июня 1920 г. 7 июля 1920 г. было сформировано коалиционное правительство из трех партий во главе с христианским социалистом Майром.

По какому же пути повела социал-демократическая партия австрийскую революцию?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что социал-демократы практически на всем протяжении революции оставались единственной влиятельной силой, за которой шли рабочие массы.

Коммунистическая партия Австрии была создана 3 ноября 1918 г. и насчитывала в тот момент 50 человек. 1 съезд партии (9 февраля 1919 г.) представлял 3 тыс. коммунистов. В декабре 1919 г. КПА насчитывала 10 тыс. человек²⁾). Партия была не только слаба, но и находилась во многом под влиянием сектантских иллюзий. В.И. Ленин писал в феврале 1920 г.: "В Австрии коммунизм пережил тяжелейший период, кажется, не вполне еще конченный: болезни роста, иллюзию, будто, объявив себя коммунистами, группа может стать силой без глубокой борьбы за влияние среди масс, ошибки в выборе

---

1) Бауэр О. Указ. соч., с.123.

2) Hautmann H. Op.cit. S.123.

лиц (ошибки, неизбежные вначале для каждой революции; у нас таких ошибок был целый ряд)*1).

Численность членов социал-демократической партии накануне войны составляла 92 тыс. человек, а в 1919 г. - 322 тыс. Находящиеся целиком под ее влиянием профсоюзы насчитывали в 1913 г. 253 тыс. членов, а в 1919 г. - 722 тыс.²⁾. Социал-демократы на протяжении всего этого периода сохраняли полный контроль в Советах рабочих, в Советах солдатских депутатов и в производственных советах. Февральские выборы 1920 г., которые компартия бойкотировала, принесли социал-демократии свыше 40% голосов.

Лидеры различных течений партии по-разному расценивали характер революции. Наиболее радикальную оценку дал О.Бауэр. Он считал, что революция в Австро-Венгрии началась как национальная революция славянских народов - чехов, славян и поляков, после победы которых она распространилась на немецкую Австрию и Венгрию, где вышла за пределы национальной и приняла формы социальной, пролетарской революции. Бауэр писал, что рабочий класс Австрии считал возможным осуществление диктатуры пролетариата. Социал-демократия, однако, по мнению Бауэра, обязана была смотреть вперед и исходила из того, что, если пролетариат возьмет в свои руки государственную власть, революция погибнет, хотя бы потому, что этого не допустит Антанта и ее войска оккупируют страну. Другое соображение - подавляющая часть крестьянства, а аграрные области целиком настроены решительно враждебно к пролетариату, не в последнюю очередь в результате реквизиций продовольствия. Наконец, экономика Австрии после распада хозяйственных связей империи оказалась в состоянии полного развала, населению грозила петля голода и спастись можно было только при продовольственной помощи со стороны. Но такую помощь могли оказать лишь Соединенные Штаты.

Поэтому, делал вывод Бауэр, немецко-австрийский пролетариат не смог бы, взяв государственную власть, сохранить

1) Ленин В.И. Заметки публициста. - Полн. собр. соч., т.4, с.136.

2) Бауэр О. Указ. соч., с.180.

ее. В этих условиях задача социал-демократии состояла в том, чтобы удержать от восстания рабочий класс и Народную армию, которые стремились вывести классовую борьбу за рамки буржуазной демократии. Отсюда вытекала также необходимость союза с представлявшими крестьянство христианскими социалистами, что гарантировало бы от гражданской войны.

Суждения Бауэра подтверждают, что социал-демократия Австрии сознательно отказалась от пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Но в таком случае она неизбежно переходила на позиции буржуазной революции со всеми вытекающими отсюда последствиями в практической политике. Австромарксисты были подготовлены к этому всем ходом своей истории, теоретической и политической деятельности.

Если сформулировать кратко позицию социал-демократии, то она состояла в следующем: лучше добиться максимума в буржуазной революции, чем потратить все в революции пролетарской. Как подчеркивает К.Чернец, партия с самого начала выступала "за самоограничение революции и строительство демократической республики"¹⁾.

Результатом явился отказ от борьбы за власть и ликвидацию капитализма, с одной стороны. С другой же стороны, оказалось возможным проведение буржуазно-демократических реформ в наибольшей степени, чем в какой-либо иной стране Западной Европы. Рабочий класс Австрии добился буржуазно-демократических политических свобод, закрепил восьмичасовой рабочий день, право на отпуска, обеспечил современную для того времени систему социального страхования. В мае-июне 1919 г. было принято три закона о производственных советах, которые предоставляли последним заключение и осуществление коллективных договоров на предприятиях, частичный контроль над наймом и увольнением, рабочим временем, формами и размерами зарплаты и жалованья, осуществление на практике социального законодательства, посредничество в трудовых спорах, управление жилищным фондом, столовыми и медицинской помощью на предприятии. В области контроля над

---

¹⁾ См. настоящий сб., с. 56.

деятельностью предпринимателей производственные советы получили право ревизии политики заработной платы, балансов и калькуляции. Аналогичное законодательство было принято и в Германии после Ноябрьской революции 1918 г., но в Австрии производственные советы получили больше прав.

29 июля 1919 г. был принят Закон о предприятиях общественного хозяйства, согласно которому в полную государственную собственность перешли шесть и в частичную – семь предприятий. По масштабам огосударствление было небольшим, в экономическом плане никакой роли не сыграло и уж, конечно, не шло ни в какое сравнение с обширными планами "социализации", декларированными партией в 1918 – начале 1919 г. Однако как прецедент покушения на безграничное господство частнокапиталистической собственности в буржуазной стране этот факт заслуживает быть отмеченным.

4 ноября 1919 г. была сформирована Центральная паритетная комиссия из представителей предпринимателей и профсоюзов для трудоустройства демобилизованных и оказания им помощи. На практике эта комиссия особой роли не сыграла, но ее создание отражало готовность социал-демократии и руководящих ею профсоюзов к партнерству с предпринимателями, что в будущем стало одним из краеугольных камней политики Социалистической партии Австрии (СПА).

1 октября 1920 г. Учредительное собрание утвердило конституцию – одну из самых демократических в Западной Европе до второй мировой войны. Принятие конституции означало практически полное исчерпание задач буржуазно-демократической революции.

В литературе, в том числе и представленной в данном сборнике, недостаточно внимания обращено на то, что цели, поставленные австрийскими социал-демократами в ходе революции, были в основном осуществлены. Думается, что помимо других факторов, переход социал-демократии в оппозицию летом 1920 г. не в последнюю очередь обусловлен именно этой причиной. Принеся программную цель – социализм – в жертву промежуточной задаче – возможно полному осуществлению буржуазной демократии, социал-демократия, в конечном счете, утратила инициативу. На весь оставшийся межвоенный период

на ее долю выпали лишь арьергардные бои, в каждом из которых она вновь и вновь терпела поражение.

Примечательно, что в 20-е годы классовые противоречия и классовая борьба проходили в Австрии в значительно более острых формах, чем в других странах, доходя до массовых вооруженных выступлений пролетариата. Однако ни одного раза австромарксисты не призвали рабочий класс к наступательной борьбе, они лишь защищались.

В феврале 1923 г. СДПА прибегла к беспрецедентному для рабочей партии в мирное время шагу. Она создала свои партийные вооруженные отряды – шуцбунд, в буквальном переводе – союз защиты. Численность шуцбунда достигла 100 тыс. человек. Правда, крайне правое крыло буржуазии также имело свои вооруженные отряды – хаймвер (союз защиты родины), созданные весной 1919 г. Позднее были созданы национал-социалистские подразделения штурмовиков.

В 1927 г. реакция перешла в генеральное наступление на рабочий класс и его партии. Одной из первых ее акций была конфискация спрятанного в свое время от Антанты оружия в цитадели социал-демократии – венском арсенале. Несмотря на сопротивление рабочих, лидеры партии уступили.

Летом 1927 г., когда в ответ на оправдание судом убийц социал-демократа М.Гмареца и девятилетнего мальчика вся рабочая Вена включилась в митинги, демонстрации и забастовки, требовала применить силу шуцбунда, руководство социал-демократии сначала вывело его отряды из центральных районов столицы, а затем даже направило часть из них в помощь полицейским, расстреливавшим рабочих.

Любой ценой сохранить классовый мир, ни в коем случае не дать повода для обвинения в стремлении к открытому столкновению – такова была позиция социал-демократических лидеров. И это было менее, чем через год после принятия Линцской программы, которая провозглашала возможность прибегнуть к применению средств насилия в случае подрыва демократии со стороны контрреволюции.

Потерпев сокрушительное политическое поражение, лидеры партии все еще искали пути к сотрудничеству с буржуазными партиями. В частности, депутаты парламента от СДПА проголосовали за конституцию 1929 г., которая узаконила режим

Дольфуса. Проблема ликвидации завоеваний пролетариата и разгрома рабочего движения стала теперь вопросом времени и выбора момента. Один за другим правительство издавало чрезвычайные декреты. 4 марта 1933 г. был распущен парламент. В ответ рабочие Вены подготовили на 15 марта выступление в защиту парламента. Но руководство социал-демократии вновь отступило.

В феврале 1934 г. австрофашизм развязал гражданскую войну, но уже на благоприятных для себя условиях. События начались с выступлений хайвера, опираясь на который полиция произвела массовые обыски, конфискацию оружия шуцбунда и аресты его руководителей. 28 февраля состоялось последнее заседание правления СДПА, после чего она вынуждена была уйти в подполье. Запоздалое решение руководства социал-демократии о всеобщей забастовке даже не дошло до рабочих.

Одним из последних решений правления СДПА была мобилизация шуцбунда, однако с условием вступать в бой лишь в тех случаях, когда его отряды подвергнутся нападению. Одно это уже предопределяло будущее поражение. Бои начались наступлением полиции 12 февраля 1934 г. Отряды шуцбунда были к этому времени обезглавлены, не имели связи между собой. Оборона практически приняла стихийный характер. Из 20 тыс. шуцбундовцев Вены, успевших собраться и готовых к борьбе, лишь 10 тыс. смогли принять участие в сопротивлении, остальные даже не успели получить оружие. Против шуцбунда было брошено 30 тыс. солдат, 30 тыс. полицейских и жандармов, 25 тыс. хайверовцев. Они были вооружены броневидами, орудиями, минометами, пулеметами. Бои закончились победой правительства 15 февраля, хотя в отдельных местах сопротивление продолжалось до 17-го.

Таким образом, поражение было предопределено всем ходом политики социал-демократии после революции. Но это никак не отменяет того факта, что рабочий класс Австрии, прежде всего Вены, был единственным отрядом международного рабочего движения в Европе, оказавшим открытое вооруженное сопротивление наступлению фашизма.

Левореформистский курс австромарксистов в значительной

степени определял их отношение к Октябрьской революции в России, Советскому Союзу. Через два года после Октября, "Арбайтерцайтунг" писала: "Наши страстные желания – быть сегодня с нашими русскими братьями! Если они победят в борьбе, которую они столь храбро начали, откроется новая эпоха освободительной борьбы международного пролетариата"¹⁾.

Австромарксисты занимали двойственную позицию в данном вопросе, и эта двойственность проявлялась также в позиции ее правого и левого крыла. В качестве целого партия признавала пролетарский характер Октябрьской революции, однако отрицала приемлемость большевизма для Западной Европы. Левые австромарксисты признавали возможность социалистического развития в России в форме диктатуры пролетариата, правда, этой точки зрения они придерживались недолго.

М. Адлер писал в 1932 г. по поводу индустриализации в СССР: "Цель второй пятилетки – ликвидировать классовые противоречия ... указывает на правильный и победоносный путь первой пролетарской социалистической революции"²⁾. Бауэр в своей последней работе "Между двумя мировыми войнами?" все надежды на поражение фашизма связывал с СССР. Ничего даже близкого к подобным оценкам невозможно встретить, скажем, у правого австромарксиста Реннера. Правые австромарксисты изначально отрицали социалистический характер Советского государства.

В международном рабочем движении левореформистский курс австромарксистов привел их на позиции, которые они сами рассматривали как компромиссные между правым реформистским и революционным марксизмом. Именно по инициативе австромарксистов в феврале 1921 г. был создан П¹/₂ Интернационал, который, однако, оказался нежизнеспособным и в 1923 г. воссоединился со П Интернационалом. Единственная конференция трех Интернационалов, состоявшаяся в апреле 1922 г., завершилась провалом.

---

¹⁾ Arbeiterzeitung, Wien, 1917, 9. Nov.

²⁾ Kampf, Wien, 1932, N 7. Приведено и цит. по: История СССР, М., 1958, № 6, с.204.

Наиболее характерным для австромарксизма как течения в международном рабочем движении периода между двумя войнами является стремление найти свою собственную дорогу, отличную как от революционного марксизма, так и от реформизма в его классическом варианте. Н.Лезер, не отличающийся особыми симпатиями к австромарксизму, в частности к его левому крылу, весьма точно характеризует его сущность: "Идея австромарксизма как политического движения заключалась в попытке поиска промежуточного пути между реформизмом и большевизмом, в том, чтобы не удовлетворяться борьбой за отдельные реформы и улучшения, но в то же время не идти на революционные действия, совершаемые ценой человеческих жертв"¹⁾.

В истории существовало немало идейных и политических течений, игравших в свое время значительную роль, но основательно забытых и интересующих ныне главным образом исследователей. Можно ли сказать, что австромарксизму уготована подобная судьба? Анализ литературы, вышедшей по данному вопросу, свидетельствует об обратном. Исследователи обращают при этом внимание на три группы вопросов: в какой мере восприняла СПА наследство австромарксизма; какую связь с австромарксизмом имеет социально-экономическое развитие Австрии в послевоенные годы, и особенно в последнее десятилетие; каково международное значение опыта австромарксизма сегодня.

1. Если говорить о преемственности СПА и австромарксизма первых послевоенных лет, то она проявилась главным образом! в персональном плане. Не говоря уже о том, что Реннер был первым послевоенным канцлером, многие лидеры социал-демократии довоенного периода вошли в руководство СПА. Сохранилась определенная склонность к теории. При этом программные документы австрийских социалистов были учтены при разработке программ другими социал-демократическими партиями Центральной и Северной Европы. Далекую не последнюю роль играла СПА в Социнтерне. Применительно к 1945-1947 гг. эту партию, правда, с определенными оговор-

---

¹⁾ См. настоящий сб., с.55.

ками, можно охарактеризовать как левореформистскую. Позднее, вплоть до 70-х годов, она занимала центристские позиции.

СПА во многом извлекла уроки из ошибок той политики, которую проводили австромарксисты ранее. Изменилась и обстановка внутри и вне страны. Ослабление сил на мировой арене капитализма дополнилось в Австрии тем, что ее правящие круги несли определенную ответственность за участие в войне на стороне гитлеровской Германии. Австрийская буржуазия была ослаблена, таким образом, не только политически, но и экономически, поскольку она несла на себе вину за сотрудничество с германскими монополиями. Поэтому она была вынуждена отступить в большей степени, чем в 1918–1919 гг.

В сложившихся условиях СПА имела возможность пойти значительно дальше, чем после революции. В течение первых 15 послевоенных лет она вела за собой около половины избирателей, а после 1970 г. завоевала абсолютное большинство в парламенте. Австрия – одна из немногих западноевропейских стран, где существует единство профсоюзного движения, в котором доминируют представители СПА. Ни в одной другой стране профсоюзы не объединяют столько трудящихся, как в Австрии (до 70%). Таким образом, австрийские социалисты имеют прочную базу среди организованных рабочих и служащих и довольно постоянную базу среди электората.

СПА является также практически единственной из социалистических и социал-демократических партий, у которой существует материальная основа для проведения своей политики. В стране проведена национализация, беспрецедентная по своим масштабам для капиталистического государства. Доля частной собственности в крупной промышленности меньше, чем в любой другой западной стране (20–25% акционерного капитала). То же относится и к банкам (7–10%). Одним из крупнейших финансовых центров страны является Рабочий банк, принадлежащий профсоюзам.

Другую основу влияния СПА образуют производственные советы. В Австрии принято наиболее далеко идущее законодательство в области соучастия. Правда, подлинное участие в управлении не имеет места. Однако роль производственных со-

ветов в социальной деятельности и трудовых отношениях, по крайней мере по закону, значительна.

Сказанное объясняет, почему в условиях правительственной коалиции с буржуазной Австрийской народной партией (АНП) в 1947-1970 гг. СПА имела возможность во многом сохранять свои позиции. Это тем более относится к периоду единоличного правления партии (начиная с 1970 г.), когда увеличилась возможность использовать указанные выше рычаги.

Что СПА полностью унаследовала от австромарксистов — так это способность и готовность к компромиссу. Правда, нынешняя политика СПА, означая подчас серьезные уступки буржуазии, не доводится до компромисса любой ценой, до капитуляции. Партия сохраняет свое реформистское лицо.

Компромисс проявляется прежде всего в проводящейся уже почти 30 лет политике социального партнерства¹⁾. Сущность ее состоит в том, что все проблемы, касающиеся заработной платы и цен на общенациональном уровне, регулируются в рамках постоянной Паритетной комиссии, в которой поровну участвуют представители организаций предпринимателей и лиц наемного труда. На деле социальное партнерство выходит за эти рамки и представляет собой сотрудничество предпринимательских организаций и профсоюзов, СПА и АНП фактически во всех основных областях социально-экономической политики страны.

Эта сугубо специфическая австрийская система пристально изучается в других странах. Однако исследовательская западноевропейская группа, созданная для изучения данного вопроса, пришла к выводу, что "эта система может функционировать в Австрии, но не может быть перенесена на другие европейские страны"²⁾.

---

1) Подробно см.: Идеологи СПА о теории и практике социального партнерства. — В РС: Социалистическая партия Австрии: ИНИОН АН СССР. М., 1979, с.49-92.

2) Nemschak F. Österreichs Wirtschaft an der Jahreswende, 1970-1971. — Wien, 1971, S.10.

Другой элемент, унаследованный СПА от австромарксизма, — безусловный приоритет постепенного продвижения в сфере социального законодательства над коренным преобразованием в сфере экономики. В сугубо узком смысле Австрию называют иногда самым социальным государством Запада. Вместе с тем в экономической области не было сделано ни одного шага, который даже в социал-демократическом понимании можно было бы охарактеризовать как шаг в направлении социализма. По существу социально-экономическая политика СПА является модернизированным вариантом бауэровской концепции "социальной демократии".

2. Важнейшими чертами социально-экономического развития послевоенной Австрии являются высокие, сравнительно с другими странами, темпы экономического роста, относительная устойчивость к экономическим кризисам, один из наиболее низких уровней безработицы в капиталистическом мире, практическое отсутствие открытых форм классовой борьбы, в том числе и забастовочной.

Экономической основой стабильности австрийского народного хозяйства является государственный сектор в промышленности и финансовом деле. Его доля в промышленном производстве составляет 20–25%, а в экспорте — около 30%. Однако реальная роль его выше, так как он доминирует в крупной, в первую очередь тяжелой, промышленности. Из 120 крупных компаний страны 53 принадлежат государству, а доля их в обороте составляет 57%. Таким образом, через государственный сектор представляется возможным воздействовать на частное хозяйство. Огосударствление **банков** позволяет в широких пределах регулировать кредит и инвестиции в масштабах страны.

Экономическая политика Австрии в западной литературе получила название австрокейнсианства. Австрийский экономист К. Зохер характеризует ее как антициклическую бюджетную политику в сочетании с жесткой валютной политикой и специфически австрийской политикой доходов¹⁾.

---

¹⁾ Socher K. Vom Austro-Keynesianismus Zum Austro-Monetarismus. — Wirtschaftspolit. Blätter, Wien, 1982, Jg. 29, N 3, S. 43.

Австрийские экономисты считают, что последовательное проведение австрокейнсианства (с 1952 г.) стало возможным вследствие сотрудничества предпринимателей и профсоюзов, СПА и АНП, т.е. вследствие социального партнерства. Наивысшим приоритетом в этой экономической политике пользуется принцип полной занятости. Предприниматели считают это выгодным для себя, поскольку профсоюзы готовы идти на весьма умеренные требования в области повышения зарплаты. Профсоюзы идут на это, потому что обеспечиваются высокая занятость и умеренный рост цен.

В результате Австрии удалось с меньшими, чем в других странах, трудностями преодолеть экономический кризис 1974–1975 гг. Значительно тяжелее сказывается в стране кризис 80-х годов. Многие австрийские и иностранные наблюдатели полагают, что это происходит вследствие экспорта кризиса, переживаемого Западом, прежде всего в результате внешне-торговой зависимости австрийской экономики от ФРГ.

3. Возрождение интереса к австромарксизму в левореформистской части международного рабочего движения, а также в некоторых западноевропейских компартиях связано с поисками так называемого третьего пути между реальным социализмом и буржуазной демократией.

Левые социал-демократы ищут идейное обоснование собственной стратегии, опирающейся на исторический опыт, в австромарксизме. Они полагают, что это – путь освобождения социал-демократического рабочего движения от влияния буржуазной идеологии и возвращения к марксизму. В практической деятельности австромарксисты рассчитывали на создание широкого союза лиц наемного труда, крестьян, интеллигенции, учащихся, мелких предпринимателей против крупного капитала. Левые социал-демократы видят здесь возможность установления гегемонии лиц наемного труда, что, с их точки зрения, откроет пути постепенного мирного преобразования капитализма в социалистическое общество.

Все, вместе взятое, дает основание для вывода, что австромарксизм представляет собой самобытное явление и не только лишь в историческом плане. Отсюда – необходимость как ознакомления с ним, так и его анализа с марксистских позиций.

Из этих соображений и исходили составители сборника при подборе материалов, сосредоточивая главное внимание на работах, позволяющих составить представление о современной трактовке австромарксизма авторами, относящимися главным образом к левым кругам западноевропейского рабочего движения. Реферируемые работы отнюдь не исчерпывают тот поток литературы об австромарксизме, который заполнил книжные рынки Запада в 70-х – начале 80-х годов.

Например, в 1970 г. близкие к левoliberalным кругам ФРГ политологи Г.-Й.Зандкюллер и Р. де ла Вега выпустили в свет сборник "Австромарксизм"¹⁾, в котором, помимо авторского введения, содержатся работы О.Бауэра, М.Адлера, К.Реннера, а также программные документы СДПА. В 1975 г. в ФРГ вышла книга греческого социалиста И.Кацулиса "Социализм и государство. Демократия, революция и диктатура пролетариата в австромарксизме"²⁾. Наконец, в 1979 г. научно-исследовательский центр ИСПП (Институт им. П.Игlesiаса) опубликовал работу М.Гарсиа-Палейо, посвященную вкладу О.Бауэра в проблематику национального вопроса³⁾. К этому списку можно добавить множество работ австрийских исследователей различной политической ориентации, прямо или косвенно посвященных теории и практике австромарксизма⁴⁾.

---

1) Austromarxismus / Sandkuhler H. - J., de la Vega R. (Hrsg). - Frankfurt a.M., 1970. - 408 S.

– 2) Katsoulis J. Sozialismus und Staat: Demokratie, Revolution und Diktatur des Proletariats im Austromarxismus. - Meisenheim/Glan, 1975. - 448 S.

3) Garcia-Pelayo M. El teme de las nacionalidades: La teoria de la nacion en Otto Bauer. - Madrid, 1979. - 68 p.

4) См., напр., Pfabigan A. Max Adler: Eine polit. Biographie. - Frankfurt a. M.; New York, 1982. - 343 S.

Вполне естественно, что наибольшее внимание своему идейно-политическому наследию уделяют функционеры, теоретики СПА, а также тесно связанные с партией публицисты и ученые различного профиля. Их позиции отражены в первом материале сборника - обзоре "Австромарксизм в трактовке различных идейных течений СПА".

Обзор начинается с изложения позиции по данному вопросу официального руководства партии, главным образом взглядов на австромарксизм председателя СПА Б.Крайского. Лидер социалистов, оценивая австромарксизм как таковой, делает упор на те аспекты теорий 20-30-х годов, которые в той или иной степени вписываются в послевоенную теорию и практику "демократического социализма". В частности, Крайский подчеркивал, что М.Адлер заострил внимание на соотношении между демократией и социализмом. О.Бауэр, по мнению председателя СПА, выдвинул в период экономического кризиса 30-х годов идею о необходимости участия США в подъеме хозяйственной жизни Европы, которая спустя полтора десятка лет нашла свое воплощение в плане Маршалла. В целом же Крайский рассматривает как положительный факт стремление СПА к "принципам, методу и способу мышления австромарксизма" ¹⁾. Одновременно он указывает на переходящее значение многих сторон теории межвоенной СДПА.

Среди теоретиков правосоциалистической ориентации наиболее плодотворным является Н.Лезер, автор крупнейшей из вышедших на Западе работы об австромарксизме - "Между реформизмом и большевизмом. Австромарксизм как теория и практика" ²⁾.

Лезер критикует левореформистские позиции австромарксизма, особенно те из них, которые мешали сотрудничеству межвоенной СДПА с буржуазией. Среди теоретиков того пе-

---

1) Kreisky B. Zum Geleit. - In: Rote Markierungen '80. Wien, 1980, S.11.

2) Leser N. Zwischen Reformismus und Bolschevismus: Der Austromarxismus als Theorie u. Praxis. - Wien, 1968. - 600 S.

риода он безоговорочно отдает приоритет "реалисту" К.Ренне-ру, осуждая как "центриста" О.Бауэра, так и "революционного романтика" М.Адлера.

Среди многочисленных теоретиков и функционеров левосоциалистического толка наибольшее внимание австромарксизму уделяет Й.Хиндельс. Если для Крайского характерен "выборочный метод" в подходе к проблеме актуальности австромарксизма, а Н.Лезер пытается "подверстать" его прежде всего под послевоенный курс социального партнерства, то Хиндельс видит в австромарксизме идейную основу для деятельности левых как в США, так и в рабочем движении Запада в целом. Такое широкое толкование проблемы актуальности австромарксизма объясняется для Хиндельса тем, что О.Бауэр смог в 30-е годы заложить основы теории перехода от капитализма к социализму, способствовал преодолению раскола рабочего движения. Хиндельс считает, что левые в США, сохранив "верность принципам", действуют в духе Отто Бауэра, что, в частности, "продемонстрировала дискуссия 1977-1978 гг. вокруг новой партийной программы"¹⁾.

В обзоре освещаются также новейшие работы связанных с США публицистов и ученых; среди последних выделим Р.Лёва, создавшего труд "Отто Бауэр и русская революция"²⁾, а также Э.Глазера - автора фундаментальной монографии "В сфере австромарксизма"³⁾. Лев детально проанализировал одну из важнейших сторон бауэровского австромарксизма - отношение к русским революциям 1917 г., к гражданской войне и к послевоенному строительству социализма в СССР. Он особо выделил тот позитивный поворот, происшедший во взглядах

---

1) Hindels I. Austromarxismus und SPÖ-Linke: Verändern Staat Bewahren. - In: Roter Anstoss. Wien, 1980, S.29.

2) Löw R. Otto Bauer und die russische Revolution. - Wien, 1980. - 340 S.

3) Glaser E. Im Umfeld des Austromarxismus. - Wien, 1981. - 591 S.

Бауэра в 30-е годы в отношении Советского Союза, который Лев, как и многие другие авторы, объясняет прежде всего реальной угрозой буржуазной демократии со стороны фашизма. Э.Глазер показал, что австромарксизм оказал существенное влияние не только на идеологию и политику австрийского рабочего движения, но и на культуру, искусство и науку межвоенной Австрии.

Среди работ неавстрийских авторов фундаментальным исследованием австромарксизма является монография близкого по своим взглядам к левым кругам СДПГ политолога П.Кулеманна¹⁾. Реферат на книгу "Пример австромарксизма" позволяет читателю составить представление о различных сторонах исторического пути СДПА с конца XIX в. до середины 30-х годов XX в.

Следующие два материала сборника представляют собой публикации, подготовленные соответственно итальянским историком-социалистом Дж.Маррама²⁾ и британскими социологами - Т.Боттомором и П.Гудом³⁾. Отметим, что и итальянский исследователь, и ученые из Великобритании предпослали публикуемым ими наиболее крупным австромарксистским произведениям пространные вводные статьи, позволяющие, в большей или меньшей степени, судить об их собственном отношении к австромарксизму.

Дж.Маррама видит в австромарксизме попытку найти "третий путь" между традиционным социал-демократическим реформизмом и ленинизмом. Он против как полной апологетики австромарксизма, так и против его неприятия. Историк ИСП согласен и с рядом ленинских оценок, адресованных О.Бауэру. Маррама критически относится к пангерманизму этого деятеля

---

1) Kulemann P. Am Beispiel des Austromarxismus. - Hamburg, 1979. - 507 S.

2) Austromarxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre / A cura di Marramao G. - Milano, 1977. - 359 p.

3) Austromarxism / Ed. by Bottomore T., God P. - L., 1978. - 308 p.

ля СДПА, указывает на его постоянные колебания между парламентской деятельностью и внепарламентскими методами борьбы. В качестве заслуги О.Бауэра Маррамао отмечает разработанную им стратегию "интегрального социализма", направленную на преодоление раскола рабочего движения. Укажем также, что Маррамао высоко оценивает бауэровский анализ фашизма, находя в этом анализе сходство с соответствующими положениями произведений А.Грамши и П.Тольятти.

Т.Боттомор и П.Гуд более академично подходят к предмету своего исследования, отмечая, однако, актуальность австромарксизма в современных условиях, применимость и сегодня австромарксистской методологии анализа политических событий. В отличие от Маррамао британские авторы не заостряют внимание на личности и концепциях О.Бауэра, уделяя, в частности, значительное место в своем введении Р.Гильфердингу. Отметим, что вопреки мнению большинства исследователей Боттомор и Гуд считают австромарксистский тезис о "насилии в целях обороны" (т.е. тезис о диктатуре пролетариата. - Авт.) вполне актуальным и в современных условиях.

Австромарксизму как левому течению в межвоенной социал-демократии посвятил специальную главу своей книги ныне покойный теоретик Партии труда Израила П.Мерхав¹⁾. Автор считает, что австромарксисты страдали от двух "комплексов неполноценности": национального, что выражалось в их стремлении к аншлюсу с Германией, и классового - ибо им не удавалось привлечь на свою сторону крестьянскую массу. Мерхав выдвигает и другую, оригинальную, по сравнению с остальными пишущими об австромарксизме авторами идею. По его мнению, в австромарксизме было два левых крыла, одно из которых ориентировалось на М.Адлера, а другое - на О.Бауэра. Мерхав считает М.Адлера своего рода "еврокоммунистом" в социал-демократии, а О.Бауэра - носителем традиционных левосоциалистических взглядов. Непреходящую ценность австромарксизма Мерхав усматривает, во-первых, в сочетании готов-

---

¹⁾ Merchav P. Linkssozialismus in Europa zwischen den Weltkriegen. - Wien, 1979. - XXVI, 129 S.

ности к революционным действиям при каждодневной ориентации на реформы и, во-вторых, в принципе "критической солидарности" с СССР, когда заслуги последнего не заслоняют от рабочего движения "имеющиеся в Советском Союзе недостатки".

Если вопросы бауэровского "интегрального социализма" и отношения австромарксистов к СССР занимали в большинстве вышеназванных работ важное, но отнюдь не доминирующее место, то именно эти проблемы стояли во главе угла выступлений некоторых деятелей части западноевропейского рабочего движения, опубликованных на страницах сборников, включающих материалы состоявшихся в 1978 и 1979 гг. в Вене конференций, посвященных О.Бауэру¹⁾.

О взглядах Д.Альберса (СДПГ), Дж.Гардончини (ИСП), Л.Ломбардо Радиче и П.Инграо (ИКП), а также некоторых других участников дискуссии читатель сможет составить представление из материалов обзора, посвященного этим симпозиумам.

На другом международном симпозиуме, состоявшемся в 1980 г. в Париже, организованном СЕРЕС, также была затронута австромарксистская проблематика. О значении австромарксизма говорил, в частности, французский социалист М.Шарза. По его словам, актуальность австромарксистских планов перехода к социализму прослеживается в программе ФСП 1980 г., которая является продолжением "не столько программы Народного фронта, сколько программы австромарксизма 20-х годов"²⁾.

Основную часть сборника завершает реферат главы "Австромарксизм и "третий путь", содержащейся в книге, подготов-

---

1)

См. Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt a.M.; New York, 1979. - 32 S.; Perspektiven der Eurolinken. - Frankfurt a.M.; New York, 1981. - 182 S.

2)

Charzat M. Une tradition mal connu: Otto Bauer et les austromarxistes. - In: La social-démocratie en questions. P., 1981, p.159.

ленной марксистами Австрии и ФРГ. Ее автор - член Политбюро ЦК КПА Э.Виммер¹⁾. Он дает не только оценку австромарксистских работ 20-30-х годов, но и нынешнего "ренессанса австромарксизма". По его словам, правые в социал-демократии апеллируют к австромарксизму для маскировки своего реформистского курса, тогда как левые социалисты пытаются с помощью австромарксизма найти "третий путь" - между реформизмом и реальным социализмом. Объективной основой "ренессанса австромарксизма" является, по мнению Виммера, глубокая теоретическая оснащенность концепций, имевших хождение в межвоенной СДПА. Давая резко негативную оценку взглядам К.Реннера, автор находит некоторые позитивные моменты в воззрениях М.Адлера. Что касается О.Бауэра, то его политическая тактика во многом умаляла значимость верных теоретических позиций этого австромарксиста. Заслугой Бауэра, полагает Виммер, являются отказ последнего в 30-е годы от антисоветизма, резкая критика им фашизма. Именно этого "позднего", неудобного им Бауэра обходят сейчас молчанием правые социал-демократы.

В приложении к сборнику даются рефераты тех документов и произведений австромарксизма, которые в настоящее время наиболее актуальны в левых кругах западноевропейского рабочего движения. Это прежде всего Линцская программа 1926 г. - единственный в межвоенной социал-демократии документ, содержащий тезис о диктатуре пролетариата²⁾. Это - находящаяся в центре дискуссий исследователей австромарксизма одна из последних работ О.Бауэра - "Между двумя мировыми войнами?"³⁾, где автор поставил, по общему мнению,

1) Wimmer E. Austromarxismus und der "Dritten" Wege. - In: Plädoyers für einen wissenschaftlichen Humanismus. Wien, 1981, S.93-114.

2) Programm der Sozialdemokratische Arbeiterpartei Deutschösterreichs. - In: Bauer O. Werkausgabe. Wien, 1976. Bd.3, S.1017-1039.

3) Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Ibid., Bd 4, S.51-326.

ряд проблем, выходящих за рамки того периода. О взглядах М.Адлера можно судить по его наиболее крупному произведению политического характера "Политическая или социальная демократия?" (1926)¹⁾. Наконец, для ознакомления со взглядами К.Реннера небезынтересен его капитальный труд "Пути осуществления" (1929)²⁾, в котором этот австромарксист развил идеи, ставшие в послевоенный период основой многих позиций, имеющих в "демократическом социализме".

В целом материалы предлагаемого читателям сборника дают, на наш взгляд, представление не только об австромарксизме как одной из страниц истории рабочего движения, но и о тех сторонах этого идейно-политического явления, которые актуальны и в современный период³⁾.

Г.Б. Ардаев,
В.Я. Швейцер

---

1) Adler M. Politische oder soziale Demokratie.-
In: Adler M. Ausgewählte Schriften. Wien, 1981,
S.163-216.

2) Renner K. Wege der Verwirklichung. - В.,
1929. - 111 S.

3) Первая часть вступительной статьи написана Г.Б.Ардаевым, вторая - В.Я.Швейцером. - Прим.ред.

АВСТРОМАРКСИЗМ В ТРАКТОВКЕ РАЗЛИЧНЫХ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЙ СПА (Обзор)

В 70-х – начале 80-х годов теория и практика австромарксизма стала объектом особого внимания в кругах Социалистической партии Австрии (СПА). Проблемы идеологии, а также политической деятельности австрийской социал-демократии периода до второй мировой войны обсуждаются на страницах журнала СПА "Цукунфт", в статьях, публикуемых в отдельных сборниках, в монографиях, авторами которых являются руководящие деятели СПА, партийные идеологи, функционеры, ученые-социалисты. Представители различных идейных течений полемизируют по поводу феномена австромарксизма, актуальности его отдельных сторон для современного рабочего движения Западной Европы.

х   х
                  х

Позиция официального руководства СПА наиболее полно отражена в речах, статьях и интервью председателя партии Б.Крайского.

Констатируя повышенный интерес к идейному наследию австрийской социал-демократии, Крайский считает невозможным дать этому какое-то однозначное объяснение. По его словам, ренессанс австромарксизма может быть связан и с длительным пребыванием современной СПА у власти, и со

стремлением нынешнего рабочего движения лучше изучить феномен "третьей силы", и с желанием перепроверить историческую взаимосвязь между социал-демократией первой трети нашего века и современной социал-демократией. Что касается собственной позиции в отношении австромарксизма, Крайский отмечает, что он очень многим обязан теоретикам австромарксизма, хотя сегодняшний мир не похож на тот, в котором они разрабатывали общественно-политические концепции. "Тем не менее многое в наследии австромарксистов актуально, и прежде всего метод их мышления" (20, с.9). Считая австромарксизм одним из наиболее радикальных течений социал-демократии, Крайский в то же время не отождествляет его с практической деятельностью Социал-демократической партии Австрии как в Австро-Венгерской монархии, так и в межвоенной Первой республике. По его словам, "...австромарксизм не был политической практикой, а являлся в действительности попыткой социал-демократической интерпретации марксистского учения" (21, с.52).

Будучи школой политической мысли, австромарксизм объединял теоретиков, стремившихся развить учение Маркса, отталкиваясь при этом от специфических условий многонациональной Австро-Венгрии. В 20-30-е годы он оставался "грандиозным дальнейшим развитием аналитического метода Маркса и Энгельса" (20, с.9).

Ведущими австромарксистскими теоретиками Крайский называет таких деятелей, как Карл Реннер, Отто Бауэр, Макс Адлер, Рудольф Гильфердинг. Последний начал свою деятельность как австромарксист, хотя в межвоенный период оказал значительное влияние не на австрийскую, а на германскую социал-демократию. Особенно значителен вклад Гильфердинга, полагает Крайский, в развитие марксистской политической экономики. Продолжая исследования, начатые Марксом, он дал дифференцированный анализ различных стадий капиталистического общества. Его "Финансовый капитал"¹⁾, "возможно, был в

---

¹⁾ Hilferding R. Das Finanzkapital. Wien, 1910. - 477 S.

научном отношении наиболее значительным трудом всей австромарксистской школы" (25, с.27-28). Другим "хранителем марксизма" был М.Адлер - автор книги "Марксистское представление о государстве"¹⁾. Хотя этот философский труд, написанный с неокантианских позиций, во многом утратил свою значимость, однако многие этические взгляды Адлера вполне актуальны и для настоящего времени, в частности чрезвычайно важно утверждение Адлера о том, что ход истории определяют не какие-либо экономические законы, а люди (23, с.4).

И все же наиболее крупными теоретиками, вышедшими из австромарксистского кружка, были Реннер и Бауэр. Как указывает Крайский, ему особенно дорог Бауэр, хотя Бауэра-политика очень трудно любить не только из-за сложности его воззрений, но и тех неудач, которые его преследовали (25, с.30).

На противоречивость личности Бауэра указывает также ближайший соратник Крайского Э.Ланц - министр внутренних дел в правительстве СПА. Он подчеркивает, что Бауэр, совмещая в себе мыслителя-марксиста и ведущего социал-демократического политика, постоянно находился на распутье между созданными им самим идейными конструкциями и практикой руководимой им партии. "С одной стороны, Бауэру была присуща ясность мысли, а с другой - склонность представлять события как фатальные, исходя при этом не столько из их анализа, сколько из стремления выдавать желаемое за действительное" (29, с.9).

Министр по делам науки и исследований Х.Фирнберг в правительстве СПА менее склонна делать упор на противоречивость фигуры Бауэра, "теория и политическая деятельность которого далеко вышли за рамки Австрии" (7, с.9). Бауэр был не только ведущим политиком и теоретиком СДПА межвоенного периода, но также блестящим парламентарием, оратором и публицистом. Он считал, что социал-демократы должны

---

¹⁾ Adler M. Die Staatsauffassung des Marxismus: Ein Beitrag zur Unterscheidung von soziologischer u. jur. Methode. - Wien, 1922. - 316 S.

не просто завоевывать людей на свою сторону, но также и убеждать их в правильности социалистических идей. По мнению Фирнберг, Бауэр был учителем рабочего движения и боролся, "за нового человека" (7, с.10).

Что касается Реннера, то его основным вкладом в австро-марксизм были работы, посвященные национальной проблематике, прежде всего "Борьба австрийских наций за государство" (вышедшая под псевдонимом Р.Шпрингер. - Реф.)¹⁾. Этот труд был австроцентричен, ибо Реннер хотел решить проблему преобразования раздираемой национальными противоречиями Габсбургской монархии в сохраняемое как целое, но политически жизнеспособное общество. Однако взаимная вражда народов Австро-Венгрии помешала осуществлению реннеровских представлений о федеральном государстве. Реннер, полагает Крайский, был "великим, но одержимым человеком". Он считал, что победа Германии и ее союзников в первой мировой войне послужит делу социализма, что социализм может возникнуть из экономики, переведенной на военные рельсы (25, с.12, 27, 33).

После образования независимой Австрийской Республики Реннер потратил много усилий для того, чтобы доказать возможность построения социализма в созданном посредством аншлюса едином австро-германском государстве. Темным пятном в биографии Реннера было одобрение им в апреле 1938 г. аншлюса, совершенного Гитлером. Правда, здесь сыграл свою роль и тот факт, что Реннер хотел тем самым завоевать расположение новых властей и уговорить их освободить из тюрьмы лидеров СДПА Хельмера и Даннеберга. Кроме того, Реннер указывал, что присоединение Австрии к Германии произошло не так, как он это себе представлял. И тем не менее выступление Реннера за аншлюс было, по мнению Крайского, "актом оппортунизма" (25, с.32).

Кроме Реннера проблемы национальных отношений активно исследовал Бауэр. Еще в своей первой крупной работе "На-

---

¹⁾ Renner K. Der Kampf der österreicherischen Nationen um den Staat /Springer R. (Pseud.) - Wien; Leipzig, 1902. - 274 S.

циональный вопрос и социал-демократия"¹⁾, гораздо менее австроцентричной, чем исследование Реннера, он попытался совместить национальный вопрос с проблематикой социалистической революции. После распада Габсбургской монархии позиции Бауэра и Реннера сблизились. Они оба были одержимы идеей аншлюса, при этом Бауэр представлял его как элемент социал-демократической революции. От этой идеи Бауэр не отказался и после эмиграции из Австрии в феврале 1934 г. Однако в новой обстановке, связанной с приходом к власти в Германии национал-социалистов, он видел революцию не столько социал-демократической и проавстрийской, сколько антигитлеровской. Эта идея, отмечает Крайский, оказалась неосуществимой. Однако в целом и Бауэр, и Реннер были не пангерманистами, а "заядлыми австрийцами", более того — Бауэр был "великим австрийцем" (25, с.30).

Э.Ланц считает, что работа "Национальный вопрос и социал-демократия" сыграла в развитии марксистского понимания этой проблемы роль, аналогичную роли "Капитала" Маркса в развитии марксистской политэкономии. Эта работа отражала марксистскую трактовку национального вопроса в условиях умирающей Австро-Венгерской монархии. "Едва ли какая-либо другая работа Бауэра, — подчеркивает Ланц, — столь актуальна для современных проблем, как эта" (29, с.10). Поясняя свою точку зрения, Ланц ссылается на положение каринтийских словенцев в нынешней Австрии, которые получили от государства возможность развивать свою национальную культуру, что ослабило среди них центробежные тенденции. Однако в целом национальные проблемы сегодняшнего мира еще далеки от своего разрешения. По-прежнему остается актуальной дилемма "какие механизмы могут, с одной стороны, способствовать сохранению культурно-национальной идентичности меньшинства, а с другой — обеспечить единство национального характера, как это понимал Бауэр?" (29, с.15).

По мнению Крайского, австромарксисты поставили на рубеже 20–30-х годов проблему, которая стала весьма актуаль-

---

1) Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. — Wien, 1907. — 576 S.

ной для современной социал-демократии: о системообразующих и системоохраняющих реформах. В свое время М.Адлер вообще не брался предсказывать функциональную значимость реформ, считая что системоохраняющие реформы в одной ситуации могут стать реформами, преобразующими систему, в другой (22, с.194). Бауэр утверждает, что противоречия между реформизмом и революционным социализмом являются надуманными. По мнению "великого австромарксиста", полагает Крайский, классовая борьба за мелкие повседневные реформы и революционная борьба за преобразование всего капиталистического общества есть две стороны рабочего движения, которые нельзя противопоставлять друг другу. Следовательно, делает вывод Крайский, Бауэр и другие руководители социал-демократии были не только приверженцами либеральных идей, но и хотели совместить их с решением революционных задач (20, с.7-8).

Крайский рассматривает как значительный вклад исследования австромарксистов, прежде всего М.Адлера, в постановку проблемы соотношения между демократией и социализмом. В работе "Марксистское представление о государстве"¹⁾ он, с одной стороны, подчеркивал необходимость объединить понятия "демократия" и "социализм", а с другой – в самой демократии различать политическую и социальную демократию. Можно не соглашаться с другими выводами М.Адлера, подчеркивает Крайский, но в данном случае он прав, ибо создание социальной демократии является непрерывным диалектическим процессом. Будущее общество, как говорил в свое время Маркс, станет результатом целого ряда исторических процессов, которые совершенно изменят как самих людей, так и условия их жизни (16, с.28).

С точки зрения Крайского, М.Адлер пытался внести ясность в такой "чрезвычайно запутанный вопрос", как диктатура пролетариата. С ним, утверждает Крайский, можно и сегодня согласиться относительно оценки той диктатуры, которую установили большевики России, той диктатуры, которая, по

---

¹⁾ Adler M. Die Staatsauffassung des Marxismus. – Wien, 1922. – 316 S.

словам этого австромарксиста, якобы не имела ничего общего с марксистской проблематикой диктатуры (18, с.619). Об этом Адлер писал еще в 1919 г. в работе "Демократия и система Советов"¹⁾. С другой стороны, по мнению Крайского, сегодня "вызывают лишь горькую усмешку" попытки Адлера придать понятию "диктатура пролетариата" демократический характер. От теоретических рассуждений подобного рода, подчеркивает председатель СПА, социал-демократия уже давно отказалась (25, с.28).

Однако в конце 20-х годов этот вопрос был весьма актуален в связи с тем, что СДПА включила тезис о диктатуре пролетариата в свою Линцскую программу²⁾. Нашедшее в ней место положение о диктатуре, под которой подразумевалось крайнее средство, применимое лишь в случае сопротивления буржуазии социальным преобразованиям, было, как считают сейчас многие, не позитивной целью социал-демократии, а лишь неудачной попыткой запугать буржуазию громкими словами. Этот тезис компрометировал социал-демократию еще длительное время после съезда в Линце. Однако гораздо важнее то, что "демократические социалисты" смогли решительно отбросить это наследие. "Куда бы мы зашли, - заявляет Крайский, - если бы считали вечными тезисы полустолетней давности" (18, с.622).

Фирнберг дает иную, чем Крайский, оценку Линцской программы 1926 г. Она считает ее "важнейшим документом партии времен Отто Бауэра", многие положения которой написаны этим австромарксистом (7, с.10). Бауэр был убежден, что он верно поставил перед партией как стратегические, так и тактические задачи. Он был убежден в том, что новое общество будет создано, что в конечном итоге демократия, социализм и прогресс восторжествуют.

Крайский, напротив, считает, что Линцская программа прежде всего отражала отношение лидеров СДПА к австрийской буржуазии. Они полагали, что сила партии основана на

---

1) Adler M. Demokratie und Ratesystem. - Wien, 1919. - 40 S.
2) См. настоящий сб., с.222.

ее прочных позициях в парламенте, а также на уверенности, что социал-демократы всегда смогут противостоять своему классовому противнику (15, с.707-708). Стремясь к абсолютному большинству в парламенте, австромарксисты в то же время исходили из изложенной в Линцском документе концепции "равновесия классовых сил" и не исключали возможности заключения с буржуазией временных коалиций. Однако на практике у них ничего не получилось. После событий 15 июля 1927 г. в партии началась абсолютно несвоевременная дискуссия о коалиции. Такой вопрос "никогда нельзя обсуждать после поражения", ибо буржуазия в этих случаях не идет на сколько-нибудь существенные уступки. По мнению Крайского, коалиция с буржуазными партиями была действительно необходима в начале 30-х годов.

Допуская ошибки в тактике, австромарксисты не смогли правильно ориентировать рабочий класс в вопросах стратегии. Еще в начале 30-х годов был популярен тезис о "межреволюционной паузе", который отстаивали Бауэр и его молодой соратник О.Поллак. Теория "паузы" явилась следствием анализа тогдашнего экономического кризиса, который Бауэр в отличие от многих в партии, в частности от М.Адлера, не считал последним кризисом капитализма. Однако из кризиса выросла не революция, а фашизм, ибо обнищание масс создало питательную среду для фашизации политически дезориентированных масс (17, с.5).

Была очевидна как стратегическая, так и тактическая беспомощность социал-демократии, ибо она не смогла выработать никакой антикризисной политики. Бауэр выдвинул в начале 30-х годов идею, реализация которой могла бы изменить ход событий. Он предлагал договориться с США о предоставлении ими кредита Западной Европе, что должно было облегчить бремя ее экономических тягот и тем самым обеспечить миллионы безработных людей - потенциальных сторонников фашизма - работой. Идея Бауэра не нашла тогда понимания даже в кругах социал-демократии. Многие деятели Социалистического рабочего интернационала предпочитали стратегию пассивного выжидания. Лишь после второй мировой войны идея Бауэра об американском кредите была частично воплощена в

жизнь посредством плана Маршалла, спасшего Европу уже не от правой, а от левой опасности (26, с.146).

Прав был Бауэр и в том, что связывал три важнейшие проблемы начала 30-х годов: кризис, фашизм и буржуазную демократию. Социалисты, по его мнению, должны были перед опасностью фашизма временно снять вопрос о революции, решая как главную проблему защиты буржуазной демократии. Эта мысль, высказанная Бауэром в речи на съезде СДПА в ноябре 1932 г., была абсолютно логична, ибо, полагает Крайский, "кризис не только не усилил готовность рабочего класса к борьбе, а, наоборот, сделал людей не столько революционными, сколько осторожными и боязливыми" (15, с.710). И хотя в сегодняшней кризисной ситуации Запада расстановка сил иная, все же предупреждение Бауэра сохраняет известную актуальность (28, с.832).

Правильная постановка Бауэром проблемы преодоления фашистской опасности не подкреплялась, однако, соответствующими практическими действиями. В партии вместо подготовки к борьбе с наступающим фашизмом шли бесконечные дискуссии, только ослаблявшие ее. В результате выступление шуцбундовцев в 1934 г. против австрофашизма оказалось неподготовленным, хотя, по мнению Крайского, нанести удар "зеленому фашизму" лучше было бы годом раньше, когда степень мобилизованности СДПА была значительно выше (15, с.709). По мнению Крайского, шуцбунд был "важнейшей организацией австрийской социал-демократии", и он не должен быть забыт, хотя "политика современной СПА в своей основе отличается от социал-демократической политики времен Первой республики" (24, с.9).

Возражая тем, кто считает февраль 1934 г. "исторической ошибкой" СДПА, Крайский приводит следующий контраргумент. Благодаря тому, что социал-демократы вышли тогда на баррикады, коммунисты не смогли укрепить свои позиции в австрийском рабочем движении. "Радикализм социал-демократии являлся одной из причин слабости коммунистов... Если бы было иначе, то сегодня в Австрии возможно насчитывалось бы 20% коммунистов" (25, с.48). То, что в 1945 г. СПА отождествляла себя с февральскими борцами, помогло

восстановлению ее позиций в рабочем движении. "1934 год был нашим годом, и хорошо, что СПА не забывает об этом. Нельзя эту страницу истории уступить коммунистам" (25, с.51).

По мнению Фирнберг, поражение в 1934 г. было как бы запрограммировано в австромарксизме. В частности, Бауэр не был готов вести рабочий класс на "безнадежную гражданскую войну". Однако оказавшись после февральских боев в эмиграции, он сделал все от него зависящее, чтобы избежать дальнейших катастрофических последствий для социал-демократического движения. В частности, Бауэр поддерживал тесные связи с "революционными социалистами", действовавшими в Австрии в подполье (7, с.10). По мнению Крайского, основной заслугой Бауэра в 30-е годы было то, что он спас единство СДПА, не допустив расширения рядов коммунистов за счет социал-демократов, как это имело место в Чехословакии и Франции. Единство партии явилось залогом не только ее успешного воссоздания в 1945 г., но и ее прихода к власти в 1970 г. "На базе единства партии нам удалось достичь в 1970 г. заветной мечты О.Бауэра - завоевать в парламенте абсолютное большинство мест" (19, с.18).

Крайский отмечает, что в 30-е годы у Бауэра, как и в предшествующий период, имелись известные теоретические издержки. В частности, тезис о "паузе между революциями" вел к другому, еще более ошибочному тезису об "интегральном социализме", некоем объединении социал-демократов и коммунистов (22, с.194-195). Ланц также считает этот тезис типичной для Бауэра ошибкой, иллюзией, согласно которой угроза войны с фашизмом должна была сблизить Социалистический рабочий интернационал и Коминтерн (29, с.9).

Руководители СПА сходятся на том, что австромарксизм сохраняет свою актуальность для современной австрийской социал-демократии. Стремление австрийского рабочего движения к единству теории и практики, считает Крайский, соответствует "принципам, методу и способу мышления австромарксизма" (27, с.11). Центральный секретарь СПА К.Блеха полагает, что от австромарксизма "исходит импульс к изменению общества" (1, с.2). Фирнберг убеждена, что идеи Бауэра сохраняют свою силу и в настоящее время, помогая социал-

демократам решать их историческую задачу – “осуществить свободу, равенство, справедливость и солидарность во всем мире” (7, с.10).

х х
х

Австромарксистская проблематика привлекает внимание теоретиков правосоциалистической ориентации, и прежде всего Н.Лезера – профессора Венского университета. Он является автором ряда работ, в том числе труда “Между реформизмом и большевизмом. Австромарксизм как теория и практика” (36).

Прослеживая эволюцию австромарксизма в период Габсбургской монархии, Лезер отмечает, что на рубеже XIX–XX в. это течение попало в полосу бурь, вызванных деятельностью Э.Бернштейна и его последователей. Причиной появления в СДПА ревизионистских тенденций было противоречие между теорией и практикой (36, с.221). Определенное улучшение социально-экономического положения пролетариата вызвало необходимость пересмотра ряда устоявшихся марксистских положений. Поэтому неудивительно, что в партии все более отчетливо начинает проявляться оппозиция тактике лидера СДПА В.Адлера, его лавированию между теорией и практикой, попытке доказать, что грань между революцией и реформой подчас стирается. Эта тактика, отмечает Лезер, не была для Адлера некоей самоцелью, стремлением как-то сгладить внутрипартийные разногласия, а отвечала главной задаче – сохранению единства партии (33, с.161–162).

Ревизионисты в СДПА стремились добиться пересмотра всей проблематики “реформа – революция”, прежде всего отношения партии к парламентаризму. Основная полемика между ревизионистами и марксистами развернулась на Венском съезде 1901 г., на котором в Хайнфельдскую программу 1888–1889 гг. были внесены изменения. Венская программа продемонстрировала стремление австромарксистов сочетать в своей деятельности элементы реформы и революции, поддерживая между ними равновесие. В новой программе было ясно указано, что СДПА занимает особую позицию в вопросе о парламенте и парламентаризме. Отмежевавшись, в известной сте-

пени, как от анархизма, так и от классического марксизма, Венская программа указала, что СДПА "подчиняет классовую борьбу парламентской дисциплине, ибо последняя дает моральную основу для деятельности представителей социал-демократии" (36, с.223). Существо программных изменений могло быть понято лишь с учетом того, что однозначная приверженность ревизионизму ограничила бы возможности лидеров СДПА для лавирования. По существу же в партии времен монархии только говорили о революции, никогда не предпринимая попыток претворить ее в жизнь.

Лезер приводит одно из высказываний Бауэра, относящееся к 1912 г., в котором он отмечал, что дух ревизионизма в рабочем движении Австро-Венгрии ощущается уже более десяти лет. В то же время, согласно Бауэру, в партии было мало настоящих ревизионистов, лишь некоторые исповедовали бернштейнианство, а большинство относили себя к марксистам, что сочеталось, правда, с реформистскими иллюзиями. Однако в своих более поздних трудах, в частности "Между двумя мировыми войнами?"¹⁾, Бауэр, по словам Лезера, признал, что предвоенная политика СДПА, равно как и других европейских социалистических партий, была чистейшим реформизмом (36, с.234).

Рассматривая позиции СДПА периода первой мировой войны, Лезер подчеркивает, что во многом они вытекали из ошибочного прогноза австромарксистских лидеров, считавших реальной идею предотвращения войны. Этот прогноз основывался не на анализе истинного соотношения сил и объективных возможностей рабочего движения, а на романтике, вступившей в противоречие с действительностью. СДПА находилась во власти иллюзий, имевших хождение в кругах П Интернационала, где считалось непреложной истиной мнение, что интернационализм пролетариата сильнее милитаристских амбиций буржуазии. События августа 1914 г. показали ошибочность тезиса, согласно которому "общность интересов рабо-

---

¹⁾ Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Br., 1936. - 355 S.

чих всех наций сильнее общности интересов различных классов одной нации" (36, с.266). В связи с этим Лезер приводит многочисленные высказывания В.Адлера и Ф.Адлера, а также О.Бауэра, в которых отмечается неподготовленность социал-демократии к мировой войне. Много позже Бауэр писал, что война доказала тщетность иллюзий о ней как о катализаторе всемирной пролетарской революции (36, с.268).

По мнению Лезера, действия австромарксистских лидеров в последние годы существования монархии Габсбургов были направлены не на подрыв империи, а на ее спасение. Он оспаривает то положение Линцской программы, где говорится, что СДПА "свергла монархию". Напротив, империя развалилась, потому что власть имущие не смогли понять смысл проимперских действий лидеров СДПА того периода. Поэтому можно лишь сожалеть о том, что "большие усилия для оздоровления и спасения Габсбургской монархии, предпринимавшиеся теоретиками "австромарксизма", не были оценены и игнорировались" (36, с.289).

Лезер считает, что именно в период первой мировой войны в среде австромарксистов произошло резкое размежевание по поводу осуществления на практике положений, разработанных в свое время Марксом. Наиболее четко это прослеживалось в работе Реннера "Марксизм, война и Интернационал"¹⁾ Считая войну народов тем обстоятельством, которое не мог предвидеть Маркс, Реннер сделал вывод о необходимости сохранения в новых условиях только метода Маркса, переосмысливая выводы, относящиеся к капитализму прошлого века. При этом, однако, было очевидно, что Реннер отказывался и от политической теории Маркса в пользу концепций, совсем не обязательно связанных с Марксом и марксизмом.

Реннер тем не менее не упускал в своих работах, относящихся к более позднему периоду, возможности представить произведенную им очередную ревизию как результат применения метода Маркса. У Реннера взаимосвязь, существенная

---

¹⁾ Renner K. *Marxismus, Krieg und Internationale*. - Stuttgart, 1917. - 384 S.

для марксизма как политической стратегии, постепенно растворялась, и сам он приходил, в конце концов, к выводам, противоположным Марксовым. Однако вывод Лезера: "...Реннер, несмотря на его соприкосновение с определенными марксистскими элементами мышления, несмотря на декларированное им отрицание реформизма и ревизионизма, был по достоинству и реформистом, и ревизионистом" (36, с.92). Это так же очевидно, как несомненно и то, что Бернштейн, несмотря на его заявление о приверженности марксизму, на субъективно присущие ему добрые намерения, отошел от основных позиций марксизма.

Весь ход мышления Реннера как теоретика австромарксизма показывает, что он оспаривал принципиальные положения марксизма, отказывался от классических формулировок, предложенных Марксом. Однако в этой переоценке он не был одинок; более того, перепроверка "классических формул" была своего рода стержнем, связывающим всех австромарксистов. В частности, М.Адлер также считал, что для марксизма экономические теории как таковые не имеют никакого самостоятельного значения. Являясь "интерпретатором марксизма", Адлер развивал идею о подчиненности экономических теорий социологическому методу, которые при этом подчинены "инструментируемой политической воле" (36, с.89).

Лезер отмечает далее, что если для австромарксистов Австро-Венгрия служила основой осуществления их пути к социализму, то после победы большевистской революции в России и укрепления буржуазии в других странах Европы им пришлось искать уже не "второй" а "третий" путь. При этом они, верные заложенным еще В.Адлером принципам австромарксизма, высказывали и свое отношение к революции. Однако, говоря о революции, они предполагали "не физическое насилие а что-то новое, совершенно отличное от всего того, что понималось под этим термином ранее" (36, с.332). Лезер считает, что в этой позиции, занятой австрийской социал-демократией, "...скрывалось увлечение фразой, в которой не было истинной готовности к действию, никакого конкретного представления, при каких условиях защищаемая революционная перспектива станет актуальной, а решительные действия - необходимыми" (36, с.332).

Лезер подчеркивает, что хотя лидеры СДПА неоднозначно относились к Октябрьской революции, тем не менее все они считали ее не какой-то исторической закономерностью, а лишь результатом удачного стечения обстоятельств. Реннер в своем труде-завещании "Изменение современного общества"¹⁾, написанном уже в конце 40-х годов, четко выразил то, о чем он говорил еще в межвоенный период. По мнению Реннера, революция в России являлась не следствием удачно осуществленного плана, а лишь "эмпирическим нащупыванием" и "мастерским использованием" обстоятельств, единственных в своем роде (36, с.123).

С точки зрения Лезера, австромарксизм межвоенного периода стремился сочетать в себе то положительное, что ему виделось в русском большевизме и западноевропейском реформизме, пытаясь в то же время избежать многих отрицательных особенностей этих идейно-политических течений. "Идея австромарксизма как политического движения заключалась в попытке поиска промежуточного пути между реформизмом и большевизмом: не удовлетворяться борьбой за отдельные реформы и улучшения, но в то же время не идти на революционные действия, совершаемые ценой человеческих жертв" (32, с.49).

В поисках собственного "третьего пути" австромарксисты активно выступали за разумное сочетание интересов индивидуума и коллектива. Они уделяли большое внимание формированию личности социалиста, которой должны были быть присущи не только качества политического борца, но и черты знаменосца будущей социалистической культуры. Однако, говоря о "новом человеке" и его культурном облике, они отнюдь не имели в виду внедрение в общество идеалов "чисто пролетарской культуры", свойственной большевизму. Австромарксисты выступали за синтезированную культуру, включающую в себя многие культурные ценности, характерные для интеллигенции. В целом австромарксизм, по мнению Лезера, был

---

¹⁾ Renner K. Wandlungen der modernen Gesellschaft. - Wien, 1953. - 227 S.

"не только научной школой в рамках марксистских традиций, но также и политическим движением с собственными жизненными и культурными идеалами" (35, с.103).

Лезер утверждает, что именно гуманизм, приверженность общечеловеческим ценностям и были тем водоразделом, который размежевывал австромарксизм и большевизм. В частности, Бауэр, при всех его порой разноречивых оценках большевизма, исходил из отсутствия в "русском опыте" столь необходимого для социализма гуманистического компонента. Это обстоятельство не позволяло ему "представить себе социализм в отрыве от движения за свободу, духовную эмансипацию, запрещало просто так жертвовать эмансипацией и правом на счастье людей в пользу будущего идеала" (36, с.120). В этом смысле наиболее характерен ответ Бауэра Дольфусу, в котором "великий австромарксист" хотя и оценил положительно большевизм, однако указал на его неприменимость в условиях Европы из-за "отсутствия в нем духовной свободы индивидуума".

Бауэровское представление о гуманизме исходило не только из концепции духовной свободы, а также признания необходимости эмансипации всего рабочего класса, открывающей пролетариату возможность творческого развития заложенных в нем способностей. В этой связи Лезер приводит выдержку из работы Бауэра "Австрийская революция"¹⁾. В ней Бауэр указал на то, что развитие к социализму предполагает прежде всего духовное развитие самого рабочего.

Концепция не только революционных, но и социально-педагогических функций социал-демократии была выдвинута Бауэром еще в период монархии в труде "Национальный вопрос и социал-демократия".

Бауэр отчетливо представлял себе, что социал-демократия сможет выполнить свою социально-педагогическую и демократическую функцию лишь при том условии, что пролетариат будет составлять большинство населения и что большинство пролетариата будет поддерживать революционный переворот. Этв

---

¹⁾ Bauer O. Die Österreichische Revolution. - Wien, 1923. - 294 S.

идею он отразил в работе "Путь к социализму"¹⁾. Ее ценность, по мнению Лезера, заключалась также и в том, что в своем эссе теоретик австромарксизма резко отмежевался от "бюрократического социализма", означающего "господство незначительного меньшинства над всем народом".

Австромарксизм со своей стороны образцово выполнил свою социально-педагогическую задачу, хотя этот успех был омрачен явно недостаточным решением политических задач. В частности, австромарксизм потерпел неудачу в попытках найти специфические для Первой республики формы правительственного сотрудничества с буржуазными партиями. Лезер считает, что выход СДПА из коалиции в 1920 г. был ошибкой и что вообще позиция Реннера о возобновлении коалиции в конце 20-х годов была "реалистичнее", чем ее упорное отрицание Бауэром. В начале 30-х годов СДПА не использовала "последний шанс" для коалиции. Причиной упорства Бауэра в этом вопросе была его фанатическая вера в возможность получения СДПА абсолютного большинства в парламенте.

Проблему взаимосвязи между австромарксизмом и марксизмом проанализировал видный деятель СПА правосоциалистического толка ныне покойный К.Чернец. В работе "Социалистический интернационал. Идея и действительность" (5) он подчеркивал, что австромарксизм основывался на применении научного метода Маркса и Энгельса. Именно в этом ключе следует, указывал Чернец, рассматривать работы Бауэра по национальному вопросу, Реннера - о государстве и экономике, Гильфердинга - о финансовом капитале, а также произведения М.Адлера, посвященные связи философии Канта с марксизмом.

Чернец, отмечая конкретные действия и побудительные мотивы, которыми руководствовалась СДПА в период австрийской революции 1918-1919 гг., подчеркивал нежелание австромарксистов установить в стране диктатуру, подобную большевистской. С самого начала партия выступила "за самоограничение революции и строительство демократической республики"

---

¹⁾ Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. - Wien, 1919. - 32 S.

(5, с.25). Она не хотела и не могла допустить, чтобы Австрия перенесла такую же кровавую трагедию, как ее соседи — Бавария и Венгрия.

Видный теоретик СПА Ф.Кленнер считает, что, несмотря на цепь политических поражений СДПА, австромарксистам все же удалось заложить в Первой республике основу будущих партнерских отношений с буржуазией. "Несмотря на то, что их принципиальной целью было создание общественной экономики, рабочие организации показали свою полную готовность к сотрудничеству с предпринимателями, что отвечало общим интересам" (14, с.41). Эта позиция была продиктована тем, что СДПА и руководимые ею "Свободные профсоюзы" стремились достичь своей цели демократическим путем. Однако их инициатива не была поддержана предпринимателями. Как только прошел первый шок, вызванный революцией, и обстановка несколько стабилизировалась, определенная часть буржуазии сделала все, чтобы обострить противоречия и ожесточить рабочих, находившихся в бедственном положении.

Социально-экономические достижения времен пребывания австромарксистов в правительстве, полагает Кленнер, неоспоримы. Особенно это касается законодательно закрепленных прав производственных советов, которые означали ликвидацию абсолютного господства предпринимателей на предприятии. Стремясь устранить завоевания пролетариата времен революции, буржуазия считала правомерным использовать любые средства. Подобную неумную позицию, считает Кленнер, нельзя недооценивать при анализе классовых битв в Первой республике, вплоть до окончательного крушения демократии в 1934 г. (14, с.41).

Особое внимание теоретики СПА правой ориентации уделяют анализу причин поражения шуббундовцев в феврале 1934 г. Чернец считает, что это было связано с целым рядом обстоятельств, решающим из которых является международная изоляция восстания. Кроме того, решение о выступлении было принято с запозданием, да и сами бои носили чисто оборонительный характер. Тем не менее героическая борьба австрийского рабочего класса была первым в мире вооруженным сопротивлением фашизму и тем самым выдающимся событием новей-

шей истории. Приобретенный социал-демократией, несмотря на поражение, политический капитал и моральные силы остались действенными в позднейшей борьбе против нацистского господства, а также в отражении угрозы со стороны "сталинского советского империализма" (5, с.27).

Лезер дает следующую оценку роли лидеров СДПА в восстании рабочих шуцбундовцев: "12 февраля - это отнюдь не лавровый венок для политического и военного руководства австрийской социал-демократии, это не подтверждение, а провал политики О.Бауэра и Ю.Дейча¹⁾". Когда Бауэр и Дейч позднее изображали эти события как доказательство величия и героизма австрийского рабочего класса и торжественно отмечали их, то в целом они были правы. Но личный их вклад состоял лишь в том, что они присоединились к движению, которым не руководили, и предоставили ему возможность идти своим путем" (36, с.483).

Лезер считает, что восстание шуцбунда не могло повернуть вспять колесо истории, ибо после прихода нацизма к власти в Германии победа его в европейском масштабе была предрешена. По существу же шуцбундовцы сражались за сохранение буржуазной демократии в отличие от части буржуазии, все больше проявлявшей склонность к установлению в Австрии авторитарного режима. Лезер опровергает мнение историков буржуазного лагеря, считающих, что именно это восстание привело к установлению диктатуры Дольфуса. В соседней Веймарской республике социал-демократы даже входили на рубеже 20-30-х годов в правительство, и тем не менее результат был такой же - установление фашистской диктатуры.

Лезер полагает, что в свое время Бауэр не понял подлинной сути грозившей опасности фашизма. "Слишком поздно Отто Бауэр осознал, что выбирать надо было уже не между капитализмом и социализмом, а между демократией и фашизмом..." (36, с.95). После провала своей политики, ставшего очевидным в 1934 г., Бауэр возлагал большие надежды на победу социалистических сил во главе с Советским Союзом

---

1) Ю.Дейч: - политический руководитель шуцбунда. - Прим. реф.

в будущей мировой войне; тем самым, считал он, можно будет наверстать упущенные революционные возможности. Однако жизнь опровергла Бауэра. После 1945 г. ни в странах-победительницах, ни в поверженных союзниках государствах дело не дошло до пролетарской революции. Лезер считает, что пророчества Бауэра были результатом своеобразного использования им марксистского метода. "Тот, кто сравнит фактический ход событий с мечтами Отто Бауэра, должен по меньшей мере прийти к тому выводу, что для Бауэра объективная проверка обстоятельств не являлась первоочередной задачей, а лишь средством, при помощи которого он проектировал желание и надежды на будущее и вносил их в свою схему" (36, с.96). Лезер аргументирует свой тезис ссылками на те места книги Бауэра "Между двумя мировыми войнами"?, где международное развитие прогнозируется исходя как из победы, так и из поражения СССР в грядущей войне с фашизмом.

Бауэр даже в теоретическом анализе никогда не мог абстрагироваться ни от осознания своей особой роли, ни от воздействия своих высказываний на реальности бытия. В нем постоянно присутствовал конфликт между интеллектом, с одной стороны, и волей - с другой, между его ролью учителя и функциями политического руководителя, между словом и делом (32, с.28-29). Разработанные Бауэром теории не были, однако, простым отражением его индивидуальных особенностей или простым отражением австромарксизма со свойственными ему положительными и отрицательными сторонами. Речь шла о том, чтобы сквозь призму австромарксизма вскрыть многие особенности марксистской теории. Давая общую оценку австромарксизма как идейного течения межвоенной социал-демократии, Лезер указывает на его главную негативную особенность - фатализм. Расчеты на автоматическую победу социализма, независимую от воли и действий людей, не только не облегчали решения этой проблемы, а, наоборот, ее чрезвычайно усложняли. В результате "австромарксизму, стремившемуся обойти узкие места реформизма и большевизма, прагматизма и догматизма, именно из-за его половинчатой стратегии и тактики недоставало возможности для преодоления трудностей, оказавшихся на его пути" (32, с.43).

Лезер не соглашается с мнением буржуазных историков, считающих, что австромарксизм "погиб на баррикадах 1934 г.". На самом деле австромарксизм исчерпал себя лишь как политическая практика Первой республики. Зато осталось действенным самое существенное в австромарксизме как "третьем пути" между капиталистическим развитием Запада и "тоталитарным развитием" Востока. Многие австромарксистские положения были отражены в послевоенных программах СПА. Прежде всего речь идет о таких основополагающих тезисах, как бесклассовое общество и обобществление основных средств производства.

Послевоенная СПА восприняла такой важный принцип австромарксизма, как необходимость внутренней сплоченности. Именно этой особенностью австрийские социалисты всегда отличались от социал-демократических партий (31, с.90). В результате многие молодые критически мыслящие австромарксисты, а не только такие признанные лидеры межвоенной СДПА, как К.Реннер, А.Шерф или О.Хельмер, нашли после 1945 г. свое место в рядах партии. О.Поллак и К.Чернец стали видными партийными публицистами. Й.Хиндельс, несмотря на свое несогласие с некоторыми аспектами идейно-политического курса партии, играет важную роль в сети политического просвещения СПА.

Опыт подтвердил жизненность одних австромарксистских идей и историческую ограниченность других. Например, некоторые идеи Реннера, казавшиеся в 20-30-е годы несостоятельными, обрели свое воплощение в политической практике Второй республики. Это в первую очередь относится к идеологически обоснованной им еще в австромарксистский период идее "институализации классовой борьбы в форме социального партнерства" (32, с.23).

Дальнейшее развитие получила и реннеровская концепция государства. После образования в 1970 г. однопартийного правительства социалисты еще больше утвердились в мнении, что австрийское государство является "их государством". Это, считает Лезер, полностью соответствует истине, ибо оно уже "не то государство, которое отвергалось австромарксистами бауэровского толка" (34, с.285).

По мнению Лезера, те, кто называют себя современными наследниками австромарксизма, должны глубже и всестороннее осмыслить многие проблемы современного общественного развития. Это чрезвычайно важно, ибо "вопрос, поставленный всемирной историей о победителе в борьбе, развернувшейся на Западе между капитализмом и социализмом... должен быть и в Австрии решен в пользу австрийского социализма" (31, с.96).

х х
х

В конце 70-х – начале 80-х годов проблематика австромарксизма становится одной из главных тем дискуссий среди представителей левого течения СПА. Стоящая в СПА на левых позициях организация "Социалистическая молодежь Австрии" явилась инициатором трех международных симпозиумов, состоявшихся в Вене в 1978–1982 гг., в центре внимания которых стояли вопросы актуальности теоретического наследия Бауэра. В них принимали участие видные деятели левых кругов рабочего движения ряда стран Западной Европы.

Наибольшее внимание данной проблематике уделяет известный деятель, представляющий левое направление в СПА Й.Хиндельс. Полемизируя в СПА с теми, кто считает австромарксизм "реликтом прошлого", он выдвигает следующие контраргументы. Если признать, что теория австромарксизма действительна исключительно для периода функционирования межвоенной австрийской социал-демократии, то как объяснить тот удивительный ренессанс австромарксизма в сегодняшнем рабочем движении ряда стран Западной Европы. В частности, итальянские коммунисты находят много общего в работах А.Грамши и О.Бауэра; левые в СДПГ участвуют в семинарах, посвященных Бауэру; даже левые католики частично признают совпадение своих взглядов с бауэровским подходом к религии. Глубинные причины этого ренессанса, считает Хиндельс, носят классовый характер. "Ныне, перед лицом глубокого кризиса капитализма в мировом масштабе и наступления буржуазного противника, в том числе и в Австрии, мы наблюдаем первые зачатки ренессанса взглядов Отто Бауэра" (13, с.27).

Председатель организации "Социалистическая молодежь Австрии" Й. Чап расценивает дискуссии об актуальности теорий межвоенного рабочего движения как результат процесса идеологической дифференциации, наблюдаемого ныне в рабочих партиях Западной Европы. "Следствием этого процесса является признание многими актуальности работ таких марксистских классиков, как О. Бауэр и А. Грамши" (4, с. 348). Другие функционеры молодежной организации СПА - М. Хойпль, М. Матцка и П. Пелинка - связывают обращение к австромарксизму бауэровского толка с проблемой пребывания социал-демократов у власти. В периоды своего правления, указывают они, социал-демократия должна обращать особое внимание на такие ключевые проблемы социализма, как теория государства, вопросы создания предпосылок для построения нового общества. В данном случае марксисты в СПА "не могут игнорировать дифференцированный подход Бауэра к господству буржуазии, ибо это может помочь в разработке позиции по основным вопросам социалистической стратегии" (9, с. 137).

Отвечая на вопрос о сущности австромарксизма, Хиндельс указывает, что какого-либо четкого определения этого явления в принципе не может быть, ибо австромарксизм никогда не был цельной, четко обозначенной философией общественного развития. Ему всегда были присущи различные тенденции, борьба течений; имея массу оттенков, австромарксизм изменялся в процессе своей исторической эволюции. Его ключевые положения подчас пересматривались, однако, никогда не подменялись голым прагматизмом. Австромарксизм основывался на определенных моральных принципах, ибо борьба за социалистическое общество не являлась для австромарксистов только результатом научного анализа; она виделась им также и моральной категорией (10, с. 16).

Хиндельс убежден в том, что австромарксизм был специфическим вариантом марксизма, развивающимся в особых условиях сначала многонациональной монархии Габсбургов, а позже - Первой республики (11, с. 8). Особенностью этой "школы марксистского мышления" было отсутствие догматизма, ибо австромарксизм рассматривал себя как не знающую застоя открытую науку. В австромарксизме критически усваивались и интегрировались не только учение Маркса и Энгель-

са, но также и взгляды других мыслителей, в частности Канта. При этом для австромарксистов решающим было не то или иное высказывание классиков, а их метод мышления, раскрытие исторических и общественных взаимосвязей. "Марксизм являлся для них не догмой, а учением об обществе и законах его развития, учением, которое должно постоянно подвергаться проверке, сопоставляться с действительностью" (13, с.14)

Наиболее видным представителем в когорте австромарксистов являлся несомненно Бауэр, для которого, отмечает Хиндельс, "был характерен точный, научно выверенный анализ общественных отношений" (10, с.16). Хотя Бауэр вырос в состоятельной семье, но уже в молодости он увидел нищету и бесправие окружавших его людей. Позже он нашел объяснение существующей несправедливости в трудах Маркса и Энгельса. Социализм стал для него синонимом общества без классов и привилегий, свободного от угнетения и эксплуатации. В период всей своей дальнейшей деятельности Бауэр придерживался положений, заложенных еще Марксом и Энгельсом, согласно которым "не может быть социалистической практики без социалистической теории". Сам он "мыслил категориями классовой борьбы. Методом его мышления был исторический материализм" (10, с.18).

Оценивая личность Бауэра, Хиндельс отмечает, что он был не только теоретиком и политиком, но и поистине народным трибуном. Он обладал великим искусством довести до масс в доступной форме существо многих сложных проблем. Диалектика прослеживалась во всех его статьях и речах. Бауэр говорил, что думал, вне зависимости от того, находился ли он в кругу друзей или врагов. Он был искусным оратором, а это качество чрезвычайно редко встречалось у тогдашних деятелей рабочего движения.

Наряду с Бауэром наиболее видными представителями австромарксизма периода до первой мировой войны были М.Адлер, К.Реннер, Р.Гильфердинг, Г.Экштейн, Ф.Адлер. Все они, по мнению Хиндельса, являлись "убежденными марксистами" (13, с.14). Это обстоятельство и определяло их позиции в международном рабочем движении. Они занимали противоположный по отношению к Бернштейну и его сторонникам в ЕДПГ фланг. Одновременно их взгляды отличались и от взгля-

дов представителей так называемой марксистской ортодоксии, наиболее видной фигурой среди которых был К.Каутский. Прежде всего они отличались от "каутскианцев" постоянной готовностью к дальнейшему развитию марксизма, используя при этом методы исследования, разработанные классиками марксизма.

Левые функционеры СПА считают, что на деятельность кружка австромарксистов оказала значительное влияние вся эволюция идейно-политического курса СДПА с момента основания партии на Хайнфельдском съезде в 1888-1889 гг. Как отмечает работающий в системе партийного просвещения В.Бурман, СДПА на рубеже веков придерживалась противоречивого политического курса. С одной стороны, лидер партии В.Адлер брал правильный курс на борьбу за всеобщее избирательное право; под влиянием русской революции 1905 г. социал-демократы смогли привести в движение массы и добились своей цели - участия в выборах (2, с.10). Но, с другой стороны, В.Адлер и его единомышленники всячески преуменьшали значение права наций на самоопределение, предоставления его населявшим Австро-Венгрию славянским народам. В результате социал-демократы Австро-Венгрии раскололись на отдельные самостоятельные партии.

Хиндельс отмечает, что в период первой мировой войны австромарксизм не избежал характерного для всей социал-демократии кризиса. СДПА встала на шовинистические позиции "защиты отечества", заключив гражданский мир не только с буржуазией, но и с "архиреакционной династией Габсбургов". Тем самым была нарушена активная стратегия, разработанная рабочим движением, и "все принципы социалистического интернационализма выброшены за борт" (13, с.15). Результатом этого стал раскол в рядах австромарксистов. В то время как К.Реннер безоговорочно защищал "социал-патриотизм", небольшая группа во главе с Ф.Адлером пыталась сохранить в партии дух социалистического интернационализма. Однако разуверившись в возможности изменить курс партии, Ф.Адлер пошел на террористический акт, застрелив в октябре 1916 г. министра-президента Австро-Венгрии графа Штургга.

Левых в СДПА возглавил вернувшийся осенью 1917 г. из русского плена Бауэр. Перед ним и другими левыми встал

вопрос принципиального значения: "Как должны поступить верные своим принципам социал-демократы, если руководство их партии оказывается исторически несостоятельным, отрекаясь от социалистических принципов?" (13, с.16). Хиндельс считает, что одним из ответов на этот вопрос являлась линия большинства тогдашней социал-демократии, считавшей необходимым при всех условиях поддерживать курс руководства. Другой ответ дала некоторая часть левых, прежде всего большевики-ленинцы: они пошли на организационный и идеологический раскол, считая, что революционеры обязаны при таких обстоятельствах отмежеваться от оппортунистов, создать собственную партию, стоящую на революционных принципах, придерживающуюся учения Маркса в чистом виде. Однако австромарксисты пошли своим, "третьим путем", идея которого была сформулирована О.Бауэром, И.М. и Ф.Адлерами так: "... оставаясь в рядах партии, не ставя под вопрос единство, необходимо бороться внутри нее за изменение социал-демократии в духе социалистических принципов" (13, с.16).

Хиндельс указывает, что "фатализм единства" у австромарксистов уходил своими корнями в период становления СДПА, объединения рабочего движения, расколотого в 70-80-е годы прошлого века на "радикалов" и "умеренных". Поскольку после Хайнфельдского объединительного съезда начался подъем социал-демократии, то исторический опыт прошлого прочно вошел в образ мышления австромарксистов, и, прежде всего самого Бауэра. Они считали, что "раскол рабочего движения в конечном счете идет на пользу классовому противнику" (13, с.17). Бауэр и его единомышленники исходили из того, что революционно настроенные силы рабочего класса, особенно недовольная молодежь, должны действовать внутри социал-демократии именно для того, чтобы создавать там противовес буржуазиванию и оппортунизму.

Левые и центристы в среде австромарксистов, ведя идейную борьбу с реформистами в рабочем движении, не стремились к их изгнанию из партии. Они никогда не считали, что реформистское течение является творением нескольких лидеров-предателей. Реформизм, по мнению Бауэра, был тенденцией, исходившей от самого рабочего класса и мелкой буржуазии, особенно усиливавшейся в период длительного экономиче-

ского подъема, когда посредством реформ удавалось повышать жизненный уровень масс. Бауэр полагал, что против реформизма, тесно связанного с таким ненавистным для Бауэра явлением, как омещанивание рабочего движения, бессилён любой раскол, ибо "в условиях отсутствия революционной ситуации такого рода реформизм до определенной степени неизбежен" (13, с.17).

Однако социалисты, по мнению Бауэра, не должны были в подобной ситуации сидеть сложа руки. Их задача заключалась в том, чтобы указывать на пределы реформаторской деятельности при капитализме. Реформизм должен был восприниматься как исторически обусловленная реальность, перед которой не следовало духовно капитулировать.

Хойпль, Матцка и Пелинка отмечают, что Бауэр, подчеркивая ограниченность, недостаточность реформаторской деятельности, по-марксистски подходил к возможностям использования в интересах рабочего класса буржуазного государства, парламента, законодательства. Он проводил четкое различие между реформами, способствующими сиюминутному улучшению положения рабочего класса в рамках буржуазной демократии, и реформами, создающими предпосылки для преодоления буржуазной демократии и перехода к демократии пролетарской. Последующий переход к социалистической демократии означал бы, по мнению Бауэра, переход к бесклассовому обществу, где господствует не только политическое, но и полное экономическое равенство (9, с.141).

Для того чтобы провести грань между реформизмом и взглядами Бауэра, указывают эти авторы, необходимо четко представлять себе и то, как он трактовал проблематику буржуазной демократии. Согласно взглядам Бауэра, буржуазия ставит себе на службу демократию прежде всего благодаря своей экономической власти, зависимости государства от банков и биржи, благодаря власти "господствующих идей", всегда являющихся идеями господствующего класса. Согласно Бауэру, демократическое государство также являлось классовым государством буржуазии. Однако буржуазная демократия как таковая не была, по его оценке, "безудержной диктатурой буржуазии", а являлась почвой для классовой борьбы, более того, - "самой выгодной формой буржуазного классового го-

сударства для освободительной борьбы рабочего класса" (9, с.139).

Левые социалисты Э.Мерц и Ф.Вебер, исследующие проблемы экономики, отмечают характерные особенности той "социал-демократической концепции революции", с помощью которой Бауэр пытался в 1918-1919 гг. сломить "анархистское острие" постоянно нараставшего радикализма рабочих. Первым этапом, в представлении Бауэра, должна быть "политическая революция", завершающаяся созданием демократически-парламентарного государства. Второй этап Бауэр обозначал как "социальный переворот" или собственно социал-демократическую революцию. При этом Бауэр считал, что присоединение Австрии к Германии могло бы играть роль связующего звена между двумя этапами - буржуазной и социалистической революциями (40, с.77).

По мнению Хиндельса, Бауэр надеялся, что аншлюс будет означать присоединение к социалистической Германии. Однако, указывает Хиндельс, это было его глубоким заблуждением, и оно "затруднило борьбу против германского национализма, а позже - против нацизма" (13, с.22). Все это нанесло огромный ущерб социал-демократии. Только после прихода Гитлера к власти СДПА исключила осенью 1933 г. это требование из своей программы.

Рассматривая роль социал-демократии в австрийской революции 1918-1919 гг., Хиндельс подчеркивает, что СДПА использовала в тот период весь свой авторитет для воспрепятствования революции, которая тогда была возможна. Действуя подобным образом, лидеры партии, и прежде всего сам Бауэр, были убеждены, что в голодающей, в военном отношении бесильной Австрии, к тому же экономически зависимой от границы, революция стала бы эпизодом, за которым должны были последовать военная интервенция и триумф кровавой контрреволюции. Хиндельс считает, что вопрос о правоте или неправоте Бауэра остается открытым. В то же время в отличие от других социал-демократических партий Западной Европы отказ СДПА от революции не означал для нее отказа "от социалистической целеустановки, от социалистического языка и идеологии" (13, с.20).

Хиндельс подчеркивает, что Бауэр рассматривал вступление СДПА в ноябре 1918 г. в коалицию с буржуазными партиями как временное явление. Именно по его настоянию партия весной 1920 г. вышла из правительства, где она находилась вместе с Христианско-социальной партией. В данном случае он опасался раскола СДПА в связи со стремлением буржуазии навязать рабочему классу крайне непопулярные в народе мероприятия. Но в принципе Бауэр считал, что в условиях "равновесия классовых сил" коалиция является тем институтом власти, который временно необходим рабочему движению. Однако, по мнению Бауэра, антагонистические классовые противоречия рано или поздно взрывают такие коалиции, и возникает либо господство буржуазии, либо господство рабочего класса.

На положение О.Бауэра и М.Адлера, считавших "равновесие классовых сил" в условиях буржуазной демократии чрезвычайно неустойчивым состоянием, обращают внимание также Хойпль, Матцка и Пелинка (9, с.144).

Исходя из этих обстоятельств, указывают они, Бауэр формировал свою центристскую линию, которая стала в середине 20-х годов преобладающей и была закреплена в Линцской программе (9, с.130). Со своей стороны Хиндельс указывает, что Линцская программа 1926 г., написанная Бауэром, пронизана непримиримостью к капитализму. Он выделяет следующие положения этого документа: власть в государстве должна быть завоевана мирным и демократическим путем, опираясь на волю большинства избирателей; социалистическое преобразование общества также должно осуществляться при строгом соблюдении демократических принципов; только в том случае, если буржуазия попытается посредством насилия воспрепятствовать развитию по пути социализма, социал-демократы будут защищаться методами революционной диктатуры. Защищая демократические свободы - великое завоевание революций прошлого - социал-демократы должны дальше развивать демократию: от формально буржуазной к социальной демократии.

Проблема демократизации экономики была поставлена социал-демократами на повестку дня еще в период австрийской революции. Останавливаясь на отношении различных политических сил к социализации, Мерц и Вебер подчеркивают, что

коммунисты требовали тогда полной социализации, буржуазия соглашалась на частичную, не нарушающую экономической жизни, точно так же представляли себе социализацию правые деятели СДПА, опасавшиеся анархии в экономике (40, с.75). Что касается австромарксистов бауэровского толка, то они, отмечает левый социалист П.-У.Ленер, видели в социализации равноправное участие в управлении и контроле над производством демократически избранных представителей государства, потребителей и предпринимателей. Социал-демократам казалось, что процесс социализации приведет лишь к формальному сохранению права собственности (30, с.237). С другой стороны, подчеркивают Хойпль, Матцка и Пелинка, Бауэр полагал, что пока средства производства остаются в собственности капиталистов и нет никакого иного способа производства, кроме капиталистического, пролетарское правительство вынуждено будет защищать капиталистическое производство и тем самым служить интересам капиталистов. В противном случае все производство развалится, рабочие станут безработными, а государство обанкротится (9, с.142).

Мерц и Вебер отмечают, что Бауэр, поставив в конце 1918 г. на повестку дня проблему социализации, шел дальше Каутского. Последний считал, что рабочий класс столкнется с социализацией не в период перехода к социализму, а гораздо позже. План социализации был изложен Бауэром в брошюре "Путь к социализму" (1919). Обосновывая его, теоретик австромарксизма опирался на концепции гильдейского социализма в Англии, а также на "первоначальные попытки большевизма в организации экономики". Помимо задачи, связанной с хозяйственными проблемами, "план Бауэра" имел, по мнению Мерца и Вебера, "большое политическое значение", ибо представлял собой попытку разработки "социал-демократической модели, противостоящей коммунистической стратегии" (40, с.82).

Мерц и Вебер подчеркивают, что, согласно взглядам Бауэра, постепенная, частичная социализация должна была коснуться сначала предприятий тяжелой промышленности, а затем и других отраслей экономики. Расходы по возмещению экспроприированной у частных владельцев собственности должен был нести весь класс капиталистов. Немедленной социализации под-

лежала горнодобывающая промышленность, включая угольную. Здесь Бауэр исходил из ее важного экономического значения, а также высокой степени концентрации в этих отраслях.

Отрасли промышленности, "не созревшие для социализации", должны быть организованы в некое "промышленное объединение, напоминающее картель. Осуществление руководства ими предполагалось по стереотипному образцу – представителями в равном количестве от производителей, предпринимателей и государственных чиновников. С целью расширения соучастия производителей Бауэр предлагал создать на тех предприятиях, где занято свыше 20 человек, специальные "рабочие комитеты". Последние, однако, не располагали правом вмешательства в коммерческое и техническое руководство предприятиями. Разрабатывая свой план, Бауэр исходил из того, что тотальная насильственная социализация собственности непригодна для решения проблемы "социализации производства". Он аргументировал необходимость лишь частичной социализации также и тем, что производственный аппарат в Западной Европе более чувствителен к различным помехам в его деятельности, чем, например, в отсталой России. Выступая за "постепенный и упорядоченный переворот" как составную часть революции, Бауэр растягивал его на многие десятилетия, в течение которых "рядом друг с другом будут сосуществовать капиталистические и социалистические предприятия. Бауэр полагал, что, подобно тому, как капитализм включил в себя феодализм, так и в социалистическом обществе будут наличествовать рудименты капитализма" (40, с.82).

Мерц и Вебер считают, что заслуга Бауэра в разработке проблемы социализации состоит в том, что он одним из первых подчеркнул недостаточность простого огосударствления для создания социалистической системы хозяйства. Он указал на необходимость постепенной социализации, в условиях которой государственный сектор должен доказать свое преимущество в конкуренции с народным хозяйством, организованным по капиталистическому способу производства. Прав был Бауэр и в том, что рыночные отношения нельзя отменить в один день с помощью декрета, ибо в этом случае все товарное производство будет подчинено плохо функционирующему абстрактному плану. Хотя элемент планирования создается благо-

даря государственному контролю над командными позициями в экономике, тем не менее Бауэр справедливо считал само введение планового хозяйства не началом, а завершением, т.е. целью социализации.

Однако план социализации Бауэра, считают Мерц и Вебер, не был свободен от недостатков. Например, он ошибочно предполагал, что экспроприация крупного финансового капитала должна быть заключительным актом социализации, ибо за время мировой войны этот капитал и так якобы утратил господство над промышленностью, которая перешла в руки государства. Но на самом деле это было не так. Кроме того, в бауэровских проектах ничего не говорилось о вертикальной социализации, т.е. об охвате этим процессом всего производства — от добычи сырья до конечного продукта. В этом нашло свое отражение противоречие, присущее всему плану социализации, который, с одной стороны, был рассчитан на Австрию, а с другой — исходил из неизбежности аншлюса, который привел бы к глубоким изменениям экономических структур.

Не ответил "план Бауэра" и на ряд проблем иного рода. Из него не вытекала какая-либо четкая концепция осуществления социализма в условиях сопротивления буржуазии. Не была решена проблема "бегства" капиталов и перевода предприятий в другие страны. Непроясненным оставался вопрос о том, какое воздействие на трудовой процесс в социализированном секторе окажет враждебный ему капиталистический сектор экономики.

Несмотря на все вышеуказанные недостатки, Мерц и Вебер положительно оценивают "бауэровский план". По их мнению, он был весьма неплох для своего времени и мог бы даже стать "моделью для социализации" в индустриальных государствах, особенно потому, что в нем содержалось описание "внутренней организации социализированных и охваченных профсоюзными организациями отраслей промышленности" (40, с.81).

"План Бауэра" был претворен в жизнь лишь частично. В марте 1919 г., Учредительное собрание приняло закон "О создании и подготовке Комиссии по социализации". В мае 1919 г. был принят Закон о производственных советах. Бауэр рассматривал их как необходимую предварительную ступень социали-

заци — “великой школы пролетарского самоуправления” в производственном процессе. Он видел также в этих органах тормоз на пути бюрократического государственного социализма. Однако, как пишут Мерц и Вебер, и этим ожиданиям Бауэра не суждено было осуществиться. Уже в середине 20-х годов производственные советы совместно с партией и профсоюзами ограничили “прозаическую задачу защиты социальных достижений австрийской революции” (40, с.86).

Давая оценку законодательству, принятому в рамках “плана Бауэра”, Ленер отмечает, что хотя производственные советы пользовались большими правами в области социальной политики, закон 1919 г. не предоставил им подлинного соучастия в управлении. Кроме того, члены производственных советов не обладали соответствующими знаниями и информацией для реализации своего участия в управлении частными предприятиями. Что касается более широких прав рабочих и служащих в управлении государственными предприятиями, то и они в период Первой республики не были реализованы (30, с.238).

Пытаясь ответить на вопрос, почему “план Бауэра” не был претворен в жизнь, а сама “социализация осталась долгосрочной программой социал-демократии” (40, с.84), Мерц и Вебер указывают на общий характер социал-демократической политики в тот период. Деятельность лидеров СДПА весной 1919 г., в период апогея революционного кризиса, преследовала двойную цель: направить “элементарную, устремленную к социализации силу рабочего класса на “возможное, достижимое и полезное” и посредством этой силы вынудить буржуазию к уступкам. Эта тактика, считает Мерц и Вебер, принесла большие успехи в области социального законодательства, но оказалась несостоятельной для осуществления социализации (40, с.85).

Левые социалисты отмечают, что Бауэр, уделяя значительное внимание социально-экономическим проблемам рабочего движения Австрии, рассматривал их во взаимосвязи со всей мировой экономикой. В этой связи публицист С.Вирландер обращает внимание на ряд выступлений Бауэра конца 20-х — начала 30-х годов, в которых он подробно рассматривал кризисные явления в капиталистической экономике. Из этих материалов следует, что Бауэр, изучая различные аспекты анти-

кризисной конъюнктурной политики, считал разработку такой политики важной задачей социал-демократии (45, с.52).

Хойпль, Матцка и Пелинка обращают внимание на то, что, уделяя большое внимание вопросам теории, Бауэр не всегда верно оценивал конкретную внутривнутриполитическую обстановку. Уже к концу 20-х годов его центристский курс становился все более несостоятельным перед лицом нарастающей фашистской угрозы. Колебания Бауэра между правым крылом во главе с Реннером, предлагавшим вступить в коалицию с буржуазными партиями, и требованием левых в СДПА о наступательных действиях фактически парализовали боевую силу партии и все рабочее движение. Часть буржуазии, ориентированная на австрофашизм, обнаружила, что руководство партии не предпринимает никаких мер для вооруженной защиты социал-демократии (9, с.132). Хиндельс также считает, что присущая австромарксизму слабость – стремление любой ценой избежать гражданской войны – обусловила роковые ошибки, допущенные руководством СДПА, прежде всего самим Бауэром. "Постоянное отступление перед противником не помогло избежать гражданской войны, но лишило мужества собственные ряды, деморализовало их" (13, с.22).

Хойпль, Матцка и Пелинка отмечают, что выступление рабочих-штурмовиков в феврале 1934 г. началось без одобрения Бауэра. Массы австрийского пролетариата, находившиеся под влиянием социал-демократов, не включились в борьбу. В результате, несмотря на героическое сопротивление нескольких тысяч активистов СДПА, рабочее движение было разгромлено. Февраль 1934 г. явился следствием очевидного противоречия между теорией и практикой. "Олицетворяемая Бауэром политика австромарксизма потерпела поражение не из-за собственных идеологических или программных недостатков, а из-за невыполнения требований Линцской программы" (9, с.132).

Левые социалисты отмечают, что Бауэр перед лицом поражения руководимой им партии проявил личное мужество, продемонстрировав свое человеческое и политическое достоинство. Хойпль, Матцка и Пелинка обращают внимание на то, что Бауэр готов был нести личную ответственность за разгром

февральского выступления шуцбундовцев. Только настойчивые просьбы товарищей по партии смогли убедить его эмигрировать в Чехословакию. Хиндельс указывает, что, находясь в эмиграции, Бауэр признал свои ошибки, подвергнув их беспощадной критике. Стремясь искупить свою вину перед рабочим движением, он установил связь с оставшимися в Австрии на нелегальном положении "революционными социалистами" и оказывал им всяческую помощь и поддержку. Бауэр считал, что "революционные социалисты" могут быть важным звеном в едином фронте борьбы с австрийским и германским фашизмом.

Хиндельс отмечает, что, находясь в эмиграции, Бауэр разрабатывал концепцию "интегрального социализма", целью которой являлось преодоление трагического раскола международного рабочего движения. Изложив ее в книге "Между двумя мировыми войнами?" он тесно связывал осуществление этой идеи с антигитлеровской революцией. Эта революция должна была стать одним из следствий второй мировой войны, которую Бауэр считал неизбежной. Основным тезис бауэровской концепции сводился к тому, что для достижения единства рабочего движения социал-демократы должны преодолеть свой оппортунизм, признать ограниченность реформистских возможностей при капитализме, переосмыслить их с точки зрения социалистических перспектив. В свою очередь коммунисты должны признать, что путь Октября не может быть слепо скопирован в высокоразвитых капиталистических странах, где возможно использование многих демократических завоеваний. Однако, замечает Хиндельс, жизнь показала несостоятельность надежд Бауэра на "интегральный социализм". Основной причиной этого, по-видимому, явился тот факт, что "германский фашизм был сокрушен не революцией, как того ожидал Бауэр, а вооруженной силой союзников" (12, с.47).

В последний период теоретической деятельности Бауэр, по мнению Хиндельса, несколько сместил акценты в отношении к СССР, хотя не изменил своей принципиальной позиции "критической солидарности" с русской революцией, исходя при этом из социалистических принципов, не имевших ничего общего с буржуазным антикоммунизмом (11, с.24). Его оценки большевизма всегда были противоречивы, однако эта противо-

речивость логически вытекала из неоднозначного развития событий в Советской России.

В работе "Большевизм или социал-демократия?"¹⁾ Бауэр характеризовал революцию 1917 г. в России как самое крупное и прогрессивное событие века. Бауэр называл выдающимися достижениями социализма, "находящегося в процессе становления", не только свержение царизма, но и обобществление средств производства, плановую экономику и т.д. В то же время Бауэр видел известную специфику "русского эксперимента": отсталость России, преобладание в ней крестьянства, изолированность революции на ее первом этапе. Именно эти обстоятельства особенно беспокоили Бауэра, и он видел их последствия: сужение советской демократии, запрещение всех партий, кроме большевистской. "Однако и тогда, — пишет Хиндельс, — Отто Бауэр выступил в защиту русской революции от международного капитализма" (11, с.24).

Исходя из дифференцированной оценки ситуации в России после 1917 г., Бауэр призывал к солидарности с "деспотическим социализмом", но не апологетической, а критической. Объясняя большевизм особыми историческими и общественными условиями России, он критиковал прежде всего отсутствие демократии в этой системе. Хиндельс отмечает, что бауэровская критика во многом совпадала с тем, что писала по этому поводу Р.Люксембург в своей незавершенной работе "Русская революция". Однако в отличие от Люксембург Бауэр пришел к выводу, что в отсталой России строительство социализма с помощью средств диктатуры является неизбежным.

Признание неизбежности диктатуры в СССР не означало, однако, согласия Бауэра со всем, что происходило в "эру Сталина" (11, с.24). Он отмечал "показательные процессы", депортацию и культ личности и все это Бауэр подверг острой критике. Однако в работе "Между двумя мировыми войнами?", используя Марксову диалектику, он пришел к выводу, что со-

---

1) Bauer O. Bolschewismus oder Sozialdemokratie? — 3.Aufl. — Wien, 1921. — 120 S.

ветское общество претерпит в дальнейшем процесс позитивных перемен. Возлагая надежды на постепенную демократизацию советского строя, Бауэр считал, что "искривления социализма" будут исчезать по мере ликвидации в СССР унаследованной от царизма экономической отсталости. Поэтому Бауэр приветствовал индустриализацию и коллективизацию. Одновременно он отклонял перенесение "русской модели" в страны Западной Европы, ибо последние имеют иные традиции как в области демократии, культуры и экономики, так и в рабочем движении. Хиндельс отмечает, что такая дифференцированная позиция "великого австромарксиста" в отношении СССР вызвала на него огонь со всех сторон: "Буржуазные противники называли его большевиком, в то время как коммунисты - агентом капитализма" (11, с.25).

Хиндельс подчеркивает, что хотя многие прогнозы Бауэра относительно СССР не оправдались, а "интегральный социализм" остался иллюзией, тем не менее некоторые особенности развития коммунистического движения подтверждают его предвидение. В частности, в рядах коммунистического движения происходит дифференциация, хотя и весьма неоднородная, результаты которой трудно предсказать. И все же очевидно, что некоторые компартии отказались от догм, опровергнутых историческим развитием, признав некоторые ценности западной демократии (12, с.47). Чап считает, что именно в свете известной эволюции коммунистического движения бауэровская концепция "интегрального социализма" как формы преодоления разобщенности европейского рабочего класса вновь вызывает интерес в левых кругах. Во всяком случае в этой концепции и сегодня имеется доля истины (3, с.18).

Хиндельс считает, что современное развитие капитализма показало также многим социал-демократам необходимость переоценки ценностей в духе Отто Бауэра. Такая переоценка, произведенная в 70-е годы, стала результатом осознания социал-демократией, что "путь к Годесбергу" ведет в тупик. Хотя многие выводы, сделанные Бауэром и его сподвижниками, имели исторически ограниченное значение, однако метод, которым они пользовались, - постоянная перепроверка теории практикой, сохраняет свою ценность для левых и в сегодняшней США. Вообще, замечает Хиндельс, "та социал-демократия,

которая выбрасывает свои традиции за борт, искусственно отмежевываясь от марксизма, забывая о накопленном за десятилетия опыте классовых боев, находится на пути к идеологическому самоубийству" (10, с.18).

Для современной социал-демократии, пишет Хиндельс, особое значение имеет разработка Бауэром теории перехода от капитализма к социализму. Ее ключевым элементом является завоевание власти демократическим путем. Следующим шагом в направлении к социализму Бауэр считает обобществление крупных производственных мощностей и разработку общезакономерного плана. Однако он никогда не говорил, что социализм станет лишь следствием изменения в сфере экономики. Важнейшее значение Бауэр придавал изменению характера отношений между людьми. Одной из главных помех на пути строительства социализма он считал бюрократизацию государственного аппарата, которая может охватить также чиновников - социал-демократов. Как средство борьбы с бюрократизацией он называл социализацию производства, т.е. передачу управления теми или иными предприятиями в руки всего коллектива (11, с.26).

Хойпль, Матцка и Пелинка разделяют мнения тех левых кругов, которые, как и Бауэр, считают, что социалистические партии, не видящие больше в обобществлении средств производства фундаментальной предпосылки для развития социалистического строя, находятся в тупике (9, с.149). Австромарксизм учит, как, используя возможности государственной власти, опираясь на функциональную демократию масс, можно экспроприировать крупные землевладения и крупный капитал приступив, наконец, к социализации средств производства.

По мнению Э.Мерца, "систематическое обобщение научных положений Бауэра, изложенных в его многочисленных книгах и статьях, является неотложной задачей, отвечающей потребностям дальнейшего развития марксистской теории кризисов" (38, с.310). С ним согласен Хиндельс, считающий, что важным выводом Бауэра, подтверждаемым современным развитием капитализма, является неизбежность цепи кризисов этой системы. Бауэр считал, что кризис капитализма продолжается даже в период высокой экономической конъюнктуры. В связи с

этим Хиндельс указывает: "Весьма символично, что в год, когда мы отмечаем 100-летие со дня рождения О.Бауэра¹⁾, капитализм переживает крупнейший с 1945 г. экономический кризис" (11, с.28). В этих условиях социалисты должны еще раз вспомнить заветы "великого австромарксиста", указывавшего, что переход к новому обществу сопряжен со многими трудностями и противоречиями общественного развития.

Левые в СПА отмечают, что учение Бауэра в послевоенный период длительное время находилось в тени. Факт предания бауэровского австромарксизма после 1945 г. забвению Хиндельс рассматривает как следствие деидеологизации австрийского рабочего движения. По мнению Хойпля, Матцки и Пелинки, это было связано также и с тем, что в те годы СПА возглавляли представители в основном правого крыла межвоенной социал-демократии. На попытки вернуться к идеям Бауэра, в частности к его концепции "интегрального социализма", это руководство ответило санкциями против таких функционеров, как Э.Шарф²⁾ и Й.Хиндельс (9, с.135). Буриан считает, что, действуя подобным образом, лидеры партии хотели не допустить образования в СПА сильного левого крыла. Поэтому "все, кто мог бы организовать в партии левое крыло, были изолированы. Лучший пример этому Й.Хиндельс - последний представитель реформистского австромарксизма" (2, с.60).

Однако, как пишет Хиндельс, жизнь опровергла надежды тех в СПА, кто считал, что в период абсолютной гегемонии социального партнерства в общественном сознании традиции австромарксизма не могут вновь обрести жизненную силу. Уже дискуссия, развернувшаяся в 1957-1958 гг. вокруг Венской программы СПА, показала известную живучесть этого

---

1) Юбилей отмечался в 1981 г. - Прим. реф.

2) Э.Шарф - один из лидеров "революционных социалистов". В 1945 г. стал Центральным секретарем СПА. В 1948 г. за попытки наладить сотрудничество с компартией был исключен из партии. Ныне он является одним из видных деятелей компартии Австрии. - Прим. реф.

идейного наследия социал-демократии. Большинство партии отвергло ключевые положения проекта, разработанные Б.Каутским, и они отразились, в конечном итоге, в программе в их австромарксистском толковании. Прежде всего социал-демократия сохранила свою основную целевую установку - построение бесклассового общества (10, с.29). Кроме того, в духе бауэровских концепций в программе было сформулировано положение о национализации, участии в управлении, о функциях обобществленной экономики. Мерц также придерживается позиции, что в Венской программе 1958 г. удалось благодаря усилиям левых сохранить ряд австромарксистских положений. Тем самым левые, даже не организованные во фракцию, смогли оказать влияние на партийную идеологию (39, с.36).

Хойпль, Матцка и Пелинка объясняют ренессанс австромарксизма в современной СПА "реидеологизацией", начатой в середине 70-х годов руководством СПА и явившейся следствием самого тяжелого с 1945 г. кризиса капитализма. Сейчас марксистские силы в СПА получили возможность обратиться к идейному наследию Бауэра (9, с.136). Представители марксистского течения ведут сегодня дискуссию с реформистским большинством, которое само все чаще ссылается на австромарксизм, и прежде всего на Бауэра. Однако, по мнению Чапа, эта тенденция руководства СПА связана не столько с идеологической переориентацией, сколько с тактикой взаимоотношений с различными партийными течениями. Б.Крайский объявляет себя одним из приверженцев О.Бауэра. Он признает его как историческую личность, считает себя продолжателем его дела, хотя, по его мнению, бауэровские концепции должны быть пересмотрены (4, с.348). Однако по существу Крайский хочет использовать учение Бауэра как некий интегрирующий фактор, как мостик, еще крепче соединяющий левых со всей партией. Тем не менее, считает Чап, этот метод Крайского действителен постольку, поскольку кризис еще не охватил Австрию в той мере, как ее соседей. Когда же он распространится и на Австрию, то процессы идеологической дифференциации приобретут более резкие, чем сегодня, очертания.

Хиндельс считает, что, действуя в традициях австромарксизма, левые не должны ни духовно, ни организационно отделяться от СПА. Основополагающее значение для них должны

иметь слова из работы М.Адлера "Левый социализм"¹⁾: "Подобно тому как левая рука может выполнять свои функции в единстве с телом, левый социализм должен действовать внутри партии" (10, с.29-30). Сегодняшние левые социалисты и те, кто придет им на смену, не должны оставаться в состоянии пассивности, ожидая часа "икс". Они должны постоянно выполнять свою главную функцию, которую Бауэр называл каждодневной революционной работой. В широких дискуссиях, в рамках партийных ячеек, а также в выступлениях на съездах и конференциях они обязаны давать отпор идеологическим нападениям, вскрывать противоречия капиталистического общества, указывать на необходимость общественных перемен.

Примером такой деятельности левых стала дискуссия вокруг принятой в 1978 г. новой партийной программы. В ней, подчеркивает Хиндельс, есть немало слабых мест, но "в целом и целом программа 1978 г. - это документ социалистической партии, обязующейся не просто осуществлять реформы (что нужно и полезно), но и коренным образом изменить общество" (10, с.29). Хиндельс отмечает также: "Программа СПА, в которой нет термина "социальное партнерство", должна стать оружием в борьбе социалистов, верных принципам, руководствующихся бесценным наследием австромарксизма" (10, с.29). Заслуга принятия последней социалистической программы именно в таком виде принадлежит двум поколениям австрийских социал-демократов: поколению, сформировавшемуся в классовых брях Первой республики, и поколению молодых социалистов, отклоняющих любой консерватизм, в том числе и социал-демократический.

Хиндельс заключает, что левые социалисты, как и представители других течений в СПА, должны внимательно изучать наследие классиков, извлекать из него выводы, важные для сегодняшнего рабочего движения: "Великие марксистские мыслители, в том числе и австромарксист Отто Бауэр, остаются вечно живыми. Даже в тех случаях, когда они ошибались

---

1) Adler M. Linkssozialismus. - Karlsbad, 1933. - 49 S.

или не могли предвидеть дальнейшего хода событий, их книги дали нам много ценных идей и поэтому стоят того, чтобы их читали" (12, с.44).

х х
х

В конце 70-х – начале 80-х годов в Австрии появился ряд книг, на страницах которых высказывали свое отношение к теории и практике австромарксизма близкие к СПА ученые: историки К.Штадлер, Р.Лёв, Ф.Вайсенштайнер, политологи В.Эрнст, Р.Шедиви, философ Э.Глазер, а также публицист В.Поллак.

В.Поллак обратил внимание на то, что хотя об австромарксизме идут дискуссии с начала XX в., однако до сих пор этот феномен не имеет научного определения. Когда говорят об австромарксизме, то обычно имеют в виду два отличавшихся друг от друга идейно-политических явления. В одном случае речь идет о рабочем кружке, образовавшемся в австрийской студенческой среде, членами которого были молодые деятели СДПА. Их и назвал австромарксистами американский публицист Л.Бюдин. Однако большинство говорящих об австромарксизме подразумевают под ним идеологию и политические действия, характерные для австрийской социал-демократии межвоенного периода (41, с.151–152). Поллак отмечает, что Реннер видел в австромарксизме своего рода идеологию, подверстываемую под практику, попытку привести в систему необходимость действий, сконструировать науку так сказать для "домашнего употребления" (41, с.164).

По мнению Э.Глазера, отношение австромарксистов к теориям, разработанным Марксом, нельзя подвести под какой-то общий знаменатель. Скрупулезный анализ позволяет установить, что подчас те представители данного течения, кто не прибегал к постоянному цитированию Маркса, придерживались взглядов, более близких классика, чем те, кто к нему весьма часто апеллировал. Однако и те и другие подходили к марксизму творчески, старались использовать это учение как для нужд практической деятельности австрийской социал-демократии,

так и для разработки стратегии межвоенного рабочего движения.

Глазер обращает внимание на полемику, происходившую в конце 20-х годов между О.Бауэром, К.Реннером и М.Адлером по вопросу о том, является марксизм идеологией или наукой. Реннер считал марксизм наукой, требующей, однако, постоянной перепроверки практикой. М.Адлер выделял в марксизме идеологические компоненты, считая верность принципам основной деятельностью социал-демократии. Однако с ними не был согласен Бауэр, полагавший, что нельзя быть ни догматиком-идеологом, ни ревизионистом, забывающим идеологические корни. По мнению Глазера, такая позиция Бауэра была связана с его ролью "примирителя" в социал-демократической партии (8, с.70).

Останавливаясь на роли этики в австромарксизме, Глазер отмечает, что в данном вопросе деятели этого направления ориентировались прежде всего на ранние работы Маркса. Развивая изложенные в них принципы, Реннер попытался сочетать моральные категории с правовыми, дав тем самым новую интерпретацию марксизму. Другие австромарксистские теоретики плодотворно работали над такими проблемами, как пролетарская мораль, интернационализм, пацифизм. В 20-е годы австромарксисты делали особый упор на толкование "социалистического идеала", существенными компонентами которого считали либеральные принципы свободы, равенства и братства. Глазер отмечает особые заслуги М.Адлера, считавшего этические нормы определяющими общественно-политическую деятельность каждого социал-демократа.

По мнению В.Эрнста, этические концепции австромарксизма во многом определяли его отличное от классического марксизма отношение к религии. Попытки М.Адлера примирить марксизм и идеализм, дополнить марксизм кантианством, равно как и бауэровский этический марксизм, стали теоретическим обоснованием практики СДПА в Первой республике. Отношения с церковью строились австромарксистами на принципе терпимости к религиозным убеждениям, которые, по их мнению, были частным делом каждого гражданина (6, с.78).

Особое место австромарксистская школа заняла в области экономических наук. В этой связи Глазер указывает прежде

всего на работу "Финансовый капитал" Р.Гильфердинга¹⁾, при-
мыкавшего одно время к австромарксистам. Труд это был
ценен потому, что в нем получили дальнейшее развитие неко-
торые положения Марксовой экономической теории, хотя орто-
доксы и клеймили "Финансовый капитал" как ревизионистское
извращение марксизма. Особенно резко выступал против Гиль-
фердинга В.И. Ленин, полемизируя с ним в своей работе "Импе-
риализм, как высшая стадия капитализма"²⁾. В рядах самих
австромарксистов пересмотр учения классиков встречал подчас
резкое сопротивление. В частности, левые критиковали тезис
Реннера о "государственном капитализме", считая его вполне
приемлемым для шовинистически настроенной буржуазии и
подрывавшим идею пролетарского интернационализма.

Поллак полагает, что теоретические споры в рядах австро-
марксистов восходят к периоду образования СДПА в конце
80-х годов XIX в. Тогда большое влияние на зарождавшуюся
австрийскую социал-демократию, на примирение "радикалов"
и "умеренных" оказал К.Каутский, бывший вместе с В.Адле-
ром одним из составителей Хайнфельдской программы. Позд-
нее, в начале XX в., он включился в споры по национальному
вопросу. Однако самого Каутского нельзя считать чистым
австромарксистом; по своим взглядам он находился где-то
на периферии австромарксистской школы (41, с. 151). Что же
касается В.Адлера, то он вообще не был теоретиком; для не-
го теория всегда была своего рода "подсобным инструментом"
в политике. Именно он выдвинул лозунг, ставший позднее пу-
теводной звездой австромарксизма: идти путем реформ, не
упуская из виду революционную цель (41, с. 155).

По мнению Поллака, хотя после смерти В.Адлера предсе-
дателем партии формально был до 1934 г. К.Зейц, однако ее
бесспорным лидером являлся О.Бауэр; это он вывел австро-
марксизм на международную арену. Однако в своей стране
Бауэра далеко не все считали благодетелем, а буржуазия его

---

1) Hilferding R. Das Finanzkapital. - Wien,
1910. - 477 S.

2) Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.27, с.299-426.

даже боялась. В самой партии Бауэр постоянно противостоял Реннеру; в известной степени они были антиподами (41, с.153).

Как пишет Ф.Вайсенштайнер, характерной чертой Бауэра, австромарксиста и человека был "трагический конфликт между волей и интеллектом, имевший тяжелые последствия как для него самого, так и для партии" (44, с.10).

Поллак характеризует австромарксизм Первой республики как "попытку найти свою собственную позицию между реформой и революцией" (41, с.156). Одним из следствий этого курса было стремление решить проблему социализации. Вайсенштайнер считает, что предпринятые СДПА меры по социализации и обобществлению некоторых частных предприятий являлись составной частью "основополагающих концепций экономической программы социал-демократии" (44, с.24). Глазер также считает, что экономические концепции австромарксизма были политически актуальны в период австрийской революции 1918-1919 гг. Однако, подчеркивает Глазер, бауэровский эксперимент потерпел неудачу, ибо политическая ситуация в стране явно не благоприятствовала социал-демократическому курсу в сфере экономики.

Поллак считает наиболее яркой страницей внутривнутрипартийной борьбы в СДПА процесс разработки и принятия Линцской программы, о формулировках которой спорили представители и радикального, и умеренного течений. М.Адлер, ранее не отличавшийся активным участием в жизни партии, полагал необходимым включить в программу тезис о том, что буржуазный противник, пытающийся силой воспрепятствовать социалистическим мероприятиям, должен быть остановлен также с помощью силы. Демократия рассматривалась им не как "высшая ценность", а как средство обеспечения окончательной победы рабочего класса. Такая интерпретация демократии, подчеркивает Поллак, "дала дополнительный аргумент в руки тех антимарксистских сил, политическим кредо которых был страх перед большевизмом" (41, с.174).

На Линцском съезде против М.Адлера резко выступил Ф.Аустерлиц, осудивший тезис об опасных для рабочего класса сомнениях в ценности демократии. Он утверждал, что основные достижения СДПА завоеваны в условиях демократии.

Для того чтобы примирить крайности, Бауэр произнес на съезде "драматическую речь", указав, что насилие не является для социал-демократии самоцелью и нельзя быть пленниками "теории насилия", а диктатуру пролетариата нельзя смешивать с террором. Показательно и то, что в заключительном слове Бауэр отмежевался от М.Адлера, подчеркнув "чисто оборонительный" характер программного тезиса о диктатуре пролетариата. Ему была ясна сложность нахождения общего знаменателя для столь острой проблемы. Тем не менее, считает Поллак, Линцкая программа оценивалась и социалистами, и их противниками как "программа захвата власти", ибо она "опиралась на классические категории теории классовой борьбы" (41, с.173).

По мнению Эрнста, Линцкая программа, несмотря на тезис о диктатуре пролетариата, не была революционной программой рабочего класса. Что касается австрийской буржуазии, то она в середине 20-х годов была напугана не только употреблением термина "диктатура" в партийном лексиконе, но и социальной политикой СДПА в Венском магистрате (6, с.91). Методы же насилия СДПА подчас применяла не столько против буржуазии, сколько против собственных сторонников. В частности, участие социал-демократов в разгоне демонстрации в июльские дни 1927 г. показало приоритет "профессиональной солидарности" полицейских перед солидарностью классовой (6, с.100).

Глазер считает, что дискуссии по проблемам стратегии и тактики приобрели в СДПА в конце 20-х годов большое значение. Это было связано с напряженной обстановкой, с обострением классовой борьбы. Неудивительно поэтому, что Т.Кёрнер – единственный среди социал-демократического руководства профессиональный военный – считал необходимым держать воинские формирования партии – шуцбунд – в состоянии повышенной боевой готовности. Такая позиция Кёрнера базировалась на характерном для марксистов признании классовой структуры общества и роли в нем классовой борьбы (8, с.192). Более умеренных взглядов по этому вопросу придерживался Бауэр, полагавший, что пролетариат, имея в своем распоряжении шуцбунд, не должен провоцировать буржуазию

на конфликт. Как пишет К.Штадлер, споры австромарксистов во многом оставались бесплодными, ибо шуцбунд по своей природе не был средством для установления диктатуры пролетариата, а всего лишь организацией с сугубо оборонительными функциями, возникшей в начале 20-х годов, когда буржуазия стала создавать собственные полувойсковые отряды (43, с.34).

Касаясь общих причин поражения австрийской социал-демократии, Р.Шедиви объясняет их противоречивой сущностью австромарксизма, искусственно объединявшего прагматиков и революционеров. В результате усиливался страх консерваторов перед объединенными левыми, ослаблялась возможность революционных действий и оказание сопротивления фашизму (42, с.218). Штадлер считает, что, несмотря на тяжелое поражение в феврале 1934 г., рабочее движение не было полностью разгромлено. Сила социал-демократии проявилась в том, что на ее основе возникла подпольная организация "революционных социалистов", начавшая антифашистскую борьбу. Следовательно, "из февраля 1934 г. австрийские социал-демократы в моральном отношении вышли победителями" (43, с.55).

В монографии Р.Лёва "Отто Бауэр и русская революция" (37) показано отношение лидера австромарксизма к Советской России в период свершения Октябрьской революции и до 30-х годов. Призванный в 1914 г. в австро-венгерскую армию, вскоре попавший в русский плен, а затем освобожденный Февральской революцией, Бауэр находился весной - летом 1917 г. в Петрограде. Там он сблизился с меньшевиками, прежде всего с их лидерами Л.Мартовым и Т.Даном. Он присутствовал на заседаниях Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, был свидетелем мощных рабочих демонстраций. Вернувшись в сентябре 1917 г. в Вену, Бауэр опубликовал несколько статей, в которых активно поддерживал революционные выступления масс в России. В этих статьях он писал о русской социал-демократии в целом, не дифференцируя ее на большевиков и меньшевиков. Анализируя ситуацию 1917 г. в России, Бауэр считал, что сугубо аграрный характер страны, многонациональный состав ее населения делают невозможным преодоление исторически неизбежного в этих условиях этапа буржуазной республики, пришедшей на

смену самодержавию. В передаче власти в руки Советов он видел не что иное, как путь "к демократической форме буржуазного классового господства" (37, с.23).

После Октябрьской революции в Петрограде Бауэр опубликовал ряд статей, в которых осуждал репрессивные меры большевиков против оппозиционных партий, их отрицательное отношение к созыву Учредительного собрания. У Бауэра постепенно складывалось мнение, что диктатура пролетариата будет иметь для России негативные последствия, но в то же время он выступал против усиливавшихся в среде международной социал-демократии открытых нападок на курс большевиков. Лёв считает, что отрицательное отношение Бауэра к некоторым действиям Советской власти объясняется не в последнюю очередь чисто личными причинами: среди гонимых было много его друзей-меньшевиков.

Опасения, что негативные стороны большевизма могут найти отражение в деятельности левых в Австрии, побудили Бауэра активно выступить против грандиозной стачки австрийского пролетариата, охватившей в январе 1918 г. почти всю страну. Как и многие другие деятели СДПА, он видел опасность в возможном развитии событий по русскому пути. В то же время Бауэр считал, что поражение большевиков в начавшейся гражданской войне будет иметь крайне нежелательные последствия как для русского, так и для международного пролетариата. В этом случае установится реакционный режим военной диктатуры, что приведет к сотням тысяч человеческих жертв. Кроме того, в Западной Европе могут поднять голову силы реакции и помешать социал-демократии осуществить те демократические и социальные реформы, за которые она выступает. В целом Бауэр пришел к выводу о правомерности большевизма как "специфически русского пути к социализму в отсталой, аграрно-феодальной стране" (37, с.35).

Как подчеркивает Лёв, Бауэр обращал особое внимание на процесс восстановления в Советской России промышленного производства, разрушенного империалистической и гражданской войнами, на создание новых профессиональных союзов. Он не одобрял укрепления дисциплины на предприятиях диктаторскими средствами. Особо резко он выступал против тезиса

Троцкого о милитаризации трудового процесса, полагая, что только профсоюзы, созданные на демократической основе, могут стать решающей силой восстановления промышленного производства, выразителями социально-экономических интересов трудящихся. Одновременно Бауэр считал, что нэп – это возврат России в лоно капитализма (37, с.71, 73), что хотя он и дает России известные экономические преимущества, но при этом усиливает тенденции к обуржуазиванию некоторых категорий населения, в том числе из рядов партийных функционеров. Он не видел исторической перспективы для такого развития, считая, что нэп рано или поздно вступит в противоречие с политикой диктатуры пролетариата. Следствием этого конфликта, по его мнению, станет обострение взаимоотношений различных классов, выходящее за пределы мирных конфликтов.

Показательно, однако, что в середине 20-х годов Бауэр изменил свой взгляд на нэп. В ряде речей и статей того периода он оценивал позитивно нэп – как верный путь решения экономических проблем России, как движение в направлении социализма.

Из анализа развития революции в первые годы существования Советской власти Бауэр сделал выводы, которые позднее легли в основу его общественно-политической концепции. В частности, хотя он и отрицал для Западной Европы ту форму диктатуры Советов, которая существовала в России, однако не считал нежизнеспособной в целом идею Советов. Диктатура, полагал он, является для России неизбежным этапом на пути к демократии. Более того, в неких драматических ситуациях европейский пролетариат также может прибегнуть к подобным методам борьбы.

Р.Лёв делает вывод: "Бауэр относился к числу тех политиков, кто, нацеливая рабочий класс на парламентский путь к социализму, не исключал в то же время возможности использования средств диктатуры" (37, с.88). Однако в противоположность большевистской диктатуре меньшинства он имел в виду "диктатуру демократии" с целью восстановления законности и порядка, а не установление режима анархии и произвола.

В конце 20-х годов Бауэр в своем анализе положения в Советской России делал все больший упор на необходимость демократизации общественной жизни. Он активно выступал против явлений, нашедших свое крайнее выражение в культуре личности Сталина. Тем не менее в отличие от Каутского и других видных социал-демократов он продолжал утверждать, что в случае нападения на Советскую Россию социал-демократия должна оказать ей интернациональную поддержку. По мнению Лёва, эта позиция Бауэра объяснялась, прежде всего, усилением в Европе фашистской опасности, которую, как считал теоретик австромарксизма, можно предотвратить, только опираясь на силу Советской России. В принципе Бауэр полагал, что "борьба против угрозы фашизма должна сблизить социал-демократов и коммунистов" (37, с.199). Однако, утверждает Лёв, начавшиеся во второй половине 30-х годов в СССР "показательные процессы", а также неуступчивость Коминтерна в отношении условий сотрудничества с социал-демократией не позволяли рассчитывать на реальность сближения обеих частей рабочего движения. Тем самым практика наносила удар по бауэровской теории "интегрального социализма", согласно которой отказ коммунистов и социал-демократов от взаимных упреков может содействовать созданию единого рабочего фронта в борьбе против фашизма.

Глазер считает, что нынешний ренессанс австромарксизма, выражающийся, прежде всего, в издании работ видных деятелей этого течения, в анализе теоретического наследия О.Бауэра, К.Реннера, М.Адлера, подтверждает жизненность их идей. При этом отношение к нему различное: "австромарксизм критикуется сегодня и справа – убежденными антимарксистами, и слева – теми, кто считает себя борцами за чистоту марксистского учения" (8, с.515). Но, занимая такую позицию, указывает Глазер, противники австромарксизма только подтверждают фундаментальность и непреходящую значимость этого учения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blecha K. Schon 1049 Anträge zum Programm.- Arbeiter Ztg, Wien, 1978, 16.Apr., S.2.
2. Burian W. Reform ohne Massen: Zur Entwicklung der Sozialdemokratie seit 1918. - Wien; München: Jugend u.Volk, 1974. - 72 S.
3. Cap J. Italien und die KPI. - Zukunft, Wien, 1976, Jg.30, N 11, S.10-18.
4. Cap J. SPÖ und "dritter" Weg: Zuckerbrot und Peitsche. - In: Roter Anstoß /Hrsg. von Hindels J. u. Pelinka P. Wien; München, 1980, S.348-358.
5. Czernetz K. Die Sozialistische Internationale: Idee u. Wirklichkeit. - Wien: Verl. der Wiener Volksbuchh., 1972. - 87 S.
6. Ernst W. Sozialdemokratie: Versuch einer Rekonstruktion. - Wien, etc., Böhlau, 1979. - 112 S.
7. Firnberg H. Eröffnungsreferat anlässlich des Otto Bauer-Symposiums am 10. Nov. 1978 in Wien. - In: Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt a.M., New York, 1979, S.9-10.
8. Glaser E. Im Umfeld des Austromarxismus: Ein Beitr. zur Geistesgeschichte des Österr. Sozialismus. - Wien: Europa-Verl., 1981. - 591 S.
9. Hüpl M., Matzka M., Pelinka P. Überholer, Austromarxismus?: Otto Bauers Bedeutung für Marxisten in der SPÖ. - In: Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt a.M.; New York, 1979, S.127-164.
10. Hindels I. Austromarxismus und SPÖ-Linke: Verändern statt Bewahren. - In: Roter Anstoß. Wien; München, 1980, S.15-30.
11. Hindels I. Otto Bauer ist jung geblieben. - Wien: Verl. Wiener Bildungsausschu der SPÖ, 1981. - 31 S.

12. Hindels I. Otto Bauer und die Gegenwart. - Zukunft, Wien, 1977, Jg.31, N 12, S.44-49.
13. Hindels I. Otto Bauer und die österreichische Arbeiterbewegung. - In: Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt a.M., New York, S.11-27.
14. Klenner F. Die Sozialpartnerschaft ein Austria-cum. - Europa Rundschau, Wien, 1976, Jg.4, N 4, S.41-55.
15. Kreisky B. "Der Beginn des neuen Österreichs". 7.März 1978. - In: Kreisky B. Reden. Wien, 1981, Bd 2, S.704-713.
16. Kreisky B. Brief vom 2.Mai 1972. - In: Brandt W., Kreisky B., Palme O. Briefe und Gespräche 1972 bis 1975. Frankfurt a.M., Köln, 1975, S.26-33.
17. Kreisky B. Eine wahrhafte Revolution ohne Tränen: Parteitag der Sozialistischen Partei Österreichs, Wien, 27. Okt. 1982. - Arbeiter Ztg., Wien, 1982, 29. Okt. S.5-8.
18. Kreisky B. Freiheit und Diktatur: Alpbach, 3. Sept. 1976. - In: Kreisky B. Reden. Wien, 1981, Bd 2, S.616-628.
19. Kreisky B. Gedanken über Otto Bauer. - In: Otto Bauer. Werkausgabe. Wien, 1975, Bd 1. S.17-21.
20. Kreisky B. Geleitwort. - In: Ernst W. Sozialdemokratie: Versuch einer Rekonstruktion. Wien etc., 1979, S.7-10.
21. Kreisky B. Rede : Parteitag der Sozialistischen Partei Österreichs. Wien, 11. Juni 1970. - In: Kriesky B. Reden. Wien, 1981, Bd 2, S.34-54.
22. Kreisky B. Rede : Parteitag der Sozialistischen Partei Österreichs, Villach, 19.Apr. 1972. - Ibid., S.192-220.
23. Kreisky B. Soziale Demokratie verwirklicht die humane Gesellschaft. - Wien, 1978, 8 S.- (Arbeiter Ztg; Beil., 1978, 20. Mai).

24. Kreisky B. Vorwort. - In: Stadler K. Opfer verlorener Zeiten. Wien, 1974, S.8-9.
25. Kreisky B. Die Zeit in der wir leben: Betrachtungen zur intern. Politik. - Wien etc.; Molden, 1978. - 207 S.
26. Kreisky B. Die Zukunft des Sozialismus: Autoren-Treffen des Econ. Verl., Salzburg, 3.Sept., 1971. - In: Kreisky B. Reden. Wien, 1981, Bd 2, S.144-153.
27. Kreisky B. Zum Geleit. - In: Rote Markierungen '80. Wien etc., 1980, S.9-11.
28. Kreisky B. Zur Lage der Sozialdemokratie in Europa: Parteitag der Sozialistischen Partei Österreichs, Wien, 16. Nov., 1979. - In: Kreisky B. Reden. Wien, 1981, Bd 2, S.828-840.
29. Lanc E. Otto Bauer und die Nationalitätenfrage. - In: Perspektiven der Eurolinken. Frankfurt a.M.; New York, 1981, S.9-16.
30. Lehner P.U. Mitbestimmung in Österreich. - In: Industrielle Demokratie in Westeuropa. Reinbek bei Hamburg, 1975, S.231-261.
31. Leser N. Die alte und die neue Partei. - In: Leser N., Berczeller R. Als Zaungäste der Politik. Wien; München, 1977, S.78-102.
32. Leser N. Im Banne der Titanen: Mein Verhältnis zum Austromarxismus. - Ibid., S.17-52.
33. Leser N. Die Odyssee des Marxismus. Auf dem Weg zum Sozialismus. Wien; Europa Verl., 1971. - 435. S.
34. Leser N. Sozialismus und Staat. - In: Rote Markierungen '80. Wien; etc., 1980, S.281-300.
35. Leser N. Was bleibt vom Gesamtanspruch des Austromarxismus? - In: Leser N., Berczeller R. Als Zaungäste der Politik. Wien; München, 1977, S.103-113.
36. Leser N. Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Der Austromarxismus als Theorie und Praxis. - Wien; Europa Verl., 1968. - 600 S.

37. Löw R. Otto Bauer und die russische Revolution. - Wien: Europa Verl., 1980. - 530 S.
38. März E. Einführung in die Marxistische Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. - Wien: Europa Verl., 1976. - 355 S.
39. März E. Linkssozialismus und Kommunismus.- Zukunft, Wien, 1973, Jg.27, N 5, S.34-37.
40. März E., Weber F. Otto Bauer und die Sozialisierung. - In: Otto Bauer und der "dritte" Weg. Frankfurt a.M., New York, 1979, S.74-98.
41. Pollak W. Sozialismus in Österreich: Von der Donaumonarchie bis zur Ära Kreisky. - Wien, Düsseldorf: Econ Verl., 1979. - 320 S.
42. Schediwy R. Das Dilemma der Sozialdemokratie. - In: Schediwy R. Empirische Politik. Wien etc., 1980, S.213-233.
43. Stadler K. Opfer verlorener Zeiten: Die Geschichte der Schutzbund-Emigration 1934. - Wien: Europa Verl., 1974. - 400 S.
44. Weissensteiner F. Wilhelm Ellenbogen: Menschen u. Prinzipien. Wien etc. : Böhlau Verl., 1981. - 195 S.
45. Wirlander S. Jahre des Aufstiegs und des Niedergangs, 1924-1934. - Zukunft, Wien, 1977, Jg.31, N 4, S.49-53.

В.Я.Швейцер

КУЛЕМАНН П.
ПРИМЕР АВСТРОМАРКСИЗМА

KULEMANN P.

Am Beispiel des Austromarxismus: Sozialdemokratische Arbeiter bewegung in Österreich von Heinfeld bis zur Dollfusdiktatur. - Hamburg: Junius Verl., 1979. - 507 S. - Bibliogr.: S.483-501.

П.Кулеманн – западногерманский историк и политолог, близкий по своим идейным убеждениям к левому крылу СДПГ.

х х

•

х

Кулеманн отмечает, что европейские левые в последнее время проявляют повышенный интерес к австромарксизму. Труды австромарксистских теоретиков, прежде всего О.Бауэра, издаются как в Австрии и ФРГ, так и в Италии, Испании, Франции, Великобритании. Причина этого – в поиске социал-демократическими левыми собственной, опирающейся на исторический опыт стратегии, а также в особом внимании к феномену "еврокоммунизма". "На связь между еврокоммунистической стратегией и австромарксистскими теориями справедливо указывают не только левые критики нынешних коммунистических партий, но и сами их представители" (с. 13). Близость позиций левых социалистов, "еврокоммунистов" и австромарк-

систов межвоенного периода не столько в совпадениях их текстовых положений, сколько в духовной общности представителей этих идейных течений.

Австромарксизм, указывает Кулеманн, не совсем верно трактуется как теория и практика австрийской социал-демократии. На самом деле какой-то единой теории австромарксизма никогда не было, поскольку видные теоретики Социал-демократической партии Австрии (СДПА) высказывали весьма разные общественно-политические взгляды. Наиболее видными представителями австромарксизма до 1918 г. являлись Виктор Адлер, а после его смерти — Отто Бауэр, "который в период Первой республики нес основную ответственность за формирование теории и практики СДПА" (с. 14). Австромарксистами были Карл Реннер, представлявший после первой мировой войны правое течение, а также Фридрих Адлер (сын В.Адлера) и их однофамилец Макс Адлер, отражавший взгляды левого течения. Иногда к австромарксистам причисляют уроженцев Австрии Густава Экштейна и Рудольфа Гильфердинга, однако они практически действовали в рядах германской социал-демократии. То же самое можно сказать и о Карле Каутском, в молодости эмигрировавшем из Австрии и впоследствии почти не оказывавшем никакого влияния на австрийскую социал-демократию. Хотя между каутскианством и австромарксизмом имеется определенное духовное родство и хотя все вышеупомянутые теоретики считали себя учениками Каутского, тем не менее автор согласен с Ф.Адлером, полагавшим, что австромарксизм формировался без непосредственного влияния Каутского.

Австрийская социал-демократия возникла в одном из крупнейших государств Европы. В 1918 г. Австро-Венгерская монархия Габсбургов распалась. Отныне СДПА действовала в небольшой, как показало будущее, экономически слабой стране. Тем не менее влияние этой партии в международном социал-демократическом движении не только не уменьшилось, а, наоборот, возросло. Она была общепризнанной "образцовой партией" международной социал-демократии и Социалистического рабочего интернационала (СРИ). В пору расцвета (1929) в рядах СДПА насчитывалось 718 056 человек; 25% мужского и 10% женского населения страны являлись ее членами. СДПА поддерживали профсоюзы, массовые и культурные организации. Руководимый

социалистами муниципалитет Вены считался в социал-демократическом движении эталоном социалистической коммунальной политики (с. 15).

СДПА рассматривали как левое крыло СРИ; это признавали даже представители Коминтерна. Перед второй мировой войной она осуществляла свою политику во взаимодействии с "марксистским центром" – Социал-демократической партией Германии. В первые годы после мировой войны СДПА активно участвовала в П 1/2 Интернационале. После его объединения со П Интернационалом лидеры СДПА, особенно Бауэр, стали играть в СРИ весьма заметную роль. Видный деятель Коминтерна Б.Кун называл Бауэра "слабым образованным вождем" европейской социал-демократии. Участие 12 февраля 1934 г. в вооруженном выступлении против диктатуры Дольфуса определенной части социал-демократии доказало левую ориентацию СДПА, а Бауэр сумел сохранить руководящее положение в образованном в эмиграции Заграничном бюро.

Отличительной особенностью СДПА было почти полное отсутствие в ее рядах центробежных тенденций. Рабочий класс межвоенной Австрии группировался в основном вокруг социал-демократии. Созданная в 1918 г. Коммунистическая партия Австрии лишь дважды в межвоенный период переживала подъем. В первый раз, когда на рубеже 1918–1919 гг. ей удалось вовлечь в свои ряды несколько тысяч безработных, и во второй раз, после февраля 1934 г., когда к коммунистам перешла некоторая часть членов СДПА.

х х

х

В главе "Взаимосвязь между теорией и практикой австрийской социал-демократии" Кулеманн отмечает, что СДПА активно внедряла свои взгляды в среду рабочего класса. Этой цели служили многочисленные газеты, книги и брошюры, выходящие в партийных изданиях; располагала партия сетью библиотек. Тем не менее "теоретические вопросы социал-демократического движения и даже вопросы, касавшиеся принципиальной линии политической стратегии и тактики партии, никогда не

становились достоянием широких масс" (с. 30). Большая часть членов партии такими вопросами не интересовалась и проявляла свою политическую активность лишь при чрезвычайных обстоятельствах.

Широко распространено мнение, указывает Кулеманн, что наиболее характерной чертой австромарксизма является противоречие между теорией и практикой: революционизация общества на словах и реформизм, стабилизирующий буржуазную систему, на практике. Однако это в корне неверно; такое утверждение справедливо лишь в отношении отдельных тенденций и проблем. В период до первой мировой войны "для СДПА было характерно большее соответствие теории и практики, чем для СДПГ" (с. 31). В межвоенный период, если не считать вооруженного выступления против диктатуры Дольфуса, политическая теория СДПА также не расходилась с практикой. Правда, в отдельных случаях теория как бы постфактум подверстывалась к уже имевшей место практике. Это особенно характерно для воззрений Бауэра, который после распада Австро-Венгрии внес коррективы по национальному вопросу, развивал после выхода СДПА в 1920 г. из правительственной коалиции теорию "равновесия классовых сил" и т.д.

Отдельные положения теории постоянно проникали в политическую практику, и их целевой функцией было не столько утверждение в массах уверенности в правильности стратегии, сколько подъем боевого духа рабочего движения. В целом лидеры австрийской социал-демократии ясно представляли себе известную ограниченность применения политико-стратегических теорий в конкретной практике. Наиболее характерна в этой связи мысль, высказанная В.Адлером в письме А.Бебелю (от 26.XI.1904 г. - Реф.), о том, что для него практические действия в интересах рабочих важнее соответствия или несоответствия этих действий теории. Реннер считал, что эмпирический метод является определяющим при выработке теорий. Что касается Бауэра, то объективистско-фаталистическое толкование им исторического процесса должно было наводить его на мысль об ограниченности его собственных теорий для практики (с. 33).

Для австромарксистов было характерно также совпадение

политических действий при различии их мировоззренческих позиций. Реннер не был приверженцем Марксова диалектического метода, для В.Адлера философские категории вообще не играли никакой роли, его сын Ф.Адлер был сторонником махизма, М.Адлер в своих произведениях пытался маневрировать между Кантом и Марксом, ранний Бауэр был сторонником кантианства, а впоследствии – Маха. Однако всех австромарксистов объединяло признание отсутствия взаимосвязи между философской наукой и политикой. Исходя из этой посылки, австромарксисты, каждый по-своему, рассматривали марксизм. Ф.Адлер, разделяя исторические концепции Маркса, совмещал их с махистским пониманием явлений природы. М.Адлер вообще не считал марксизм философским направлением. Бауэр писал о совместимости материализма и идеализма. Реннер и Бауэр обосновывали, каждый по-своему, разрыв между методом и наукой, методом и политикой. Вопреки Марксу оба ведущих теоретика и политика австрийской социал-демократии отстаивали взаимосвязь между методом и результатом исследования. И Реннер, и Бауэр были внутренне убеждены в том, что, расходясь с Марксом в мировоззренческих вопросах, они являются его последователями в политической практике.

х

х

х

В главе "Австрийская социал-демократия в период II Интернационала" Кулеманн обращает внимание на идеологические процессы, происходившие в СДПА на рубеже XIX-XX вв. Особое значение для партии имело отношение ее руководства к ревизионизму. Кулеманн приводит выдержки из писем В.Адлера к Э.Бернштейну. Критика лидера СДПА концентрировалась прежде всего вокруг толкования проблемы "реформа – революция". Адлер не считал, что конечная цель – ничто, как это понимал Бернштейн, он был против апологетики реформ, утверждая, что "каждая реформа лишь тогда чего-нибудь стоит, если она приближает революцию" (с. 112). Этот тезис Адлера вполне соответствовал радикальным взглядам левой социал-де-

мократии. Адлер считал, что умаление революционной идеи в рабочем движении ослабляет классовое сознание пролетариата, который должен думать не только о каждодневных проблемах, но и о будущем.

Кулеманн считает, что принятые в 1901 г. на Венском съезде СДПА дополнения к Хайнфельдской программе 1888–1889 гг. не были уступкой ревизионизму, как это полагают некоторые критики социал-демократии слева. Исключение из программы тезиса об абсолютном обнищании пролетариата, изъятие раздела, где парламентаризм характеризовался как форма классового господства, расширение перечня повседневных требований рабочего класса – не было “шагом к Бернштейну”. Возникшие по поводу этих изменений разногласия и полемика не помешали одобрению программы. Для австромарксистов вообще было характерно единодушие при решении программных вопросов (с. 117).

Важным элементом идеологии СДПА являлась проблематика национального вопроса. Партия, действовавшая в условиях многонациональной Габсбургской империи, не могла всерьез рассчитывать на достижение программных целей, не добившись в своих рядах согласия представителей разных национальностей. В конце 80-х годов XIX в. СДПА внешне была единым организмом, будучи практически своего рода “федерацией национальных партий с федеративным руководством” (с. 121). В 1897 г. социал-демократы приняли специальную Брюннскую программу по национальному вопросу, в которой СДПА определяла себя как партия, действующая в рамках монархии Габсбургов. В отличие от В.И.Ленина, считавшего необходимым право наций на самоопределение, на собственную государственность, австромарксисты, избрали иной путь. Они считали реальным только создание широкой автономии в рамках монархии, политические и социальные структуры которой следовало демократизировать. По-существу, Брюннская программа была весьма созвучна взглядам либеральной австрийской буржуазии. Она также желала известной демократизации, не порывая при этом с федеральным устройством империи.

Кулеманн полагает, что двумя характерными особенностями австромарксистского подхода к национальному вопросу яв-

лялось: во-первых, отсутствие взаимосвязи между решением этого вопроса и борьбой за социализм; во-вторых, отрицание права наций на самоопределение. Кроме того, наиболее сильная и организованная часть СДПА, действовавшая в немецкоязычной Австрии, апеллировала не столько к пролетариату Чехии, Венгрии и других частей империи, сколько к австрийской буржуазии, в лице которой искала союзника в борьбе с дворянством. Кулеманн считает, что такой постановкой национального вопроса СДПА не только не смогла вовлечь в свои ряды новых борцов за социализм, но даже не сумела остановить центробежные тенденции в самой партии, расколовшейся в конце первого десятилетия XX в. на ряд самостоятельных национальных отрядов. Усиление национализма в рядах социал-демократии привело к тому, что в 1914 г. СДПА поддержала Габсбургов. Важнейшая причина этого, считает Кулеманн, заключалась в том, что "социал-демократия совершенно не видела возможности революционной борьбы против Габсбургов как в национальном, так и в социальном смысле" (с. 126). Она настолько "вросла в режим", что была не в состоянии выйти за рамки существующего государства.

Кулеманн анализирует работы Бауэра и Реннера по национальному вопросу, написанные ими еще в предвоенные годы. Бауэр в труде "Национальный вопрос и социал-демократия"¹⁾, после появления которого он стал известным в международных кругах, выдвинул положение, что национальная борьба не является средством классовой борьбы для завоевания власти рабочим классом, а лишь средством возвышения всей нации - всех ее социальных слоев. Бауэровская концепция, по существу, не отличалась от официально принятой СДПА национальной программы. Что касается Реннера, то и он, подобно Бауэру, отрицал взаимосвязь между решением национального вопроса и борьбой рабочего класса за власть. Однако в отличие от Бауэра Реннера больше интересовала юридическая сторона этого вопроса, которую он связывал с проблемой государства.

---

1) Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. - Wien, 1907. - 576 S.

Поскольку Реннер рассматривал государство лишь как юридическую форму, каркас власти, а не как организацию господствующего класса, созданную для эксплуатации угнетенных, то разрушать это государство, в данном случае империю Габсбургов, он не считал нужным. Реннер выступал за культурно-национальную автономию, отрицая у пролетариата какие-то особые, отличные от всей нации, классовые интересы.

По мнению Кулеманна, теоретиков и лидеров СДПА в гораздо большей мере беспокоил вопрос о внутрипартийном единстве, чем проблема сохранения единства среди национальных отрядов социал-демократии. В идеологическом плане еще в период империи в СДПА сложилась традиция, согласно которой предполагалось существование в партии различных точек зрения, но высказываемых в позитивном плане, а не как критика инакомыслящих (с. 150). Эту линию партии направлял и осуществлял ее лидер В.Адлер, бывший в СДПА таким же непрекаемым авторитетом, как А.Бебель в СДПГ. В результате, хотя дискуссии в партии велись постоянно, до образования каких-либо фракций дело никогда не доходило.

Кулеманн подчеркивает, что "особенностью австромарксизма являлось отсутствие в СДПА стратегическо-политических разногласий, что объясняется условиями ее существования" (с. 152). Как указывал В.Адлер, по своему государственному устройству Австрия являлась чем-то средним между Германией и Россией, и задачи, которые ставила австрийская социал-демократия, представляли собой нечто среднее в сравнении с задачами, стоявшими перед русскими социал-демократами. В СДПА не было таких внутрипартийных разногласий, какие существовали в рядах русской и германской социал-демократии. Условия бытия положительно сказывались на деятельности партии. В сравнении, например, с Россией Австрия являлась передовой страной, с относительно многочисленным рабочим классом, аграрный вопрос не имел решающего значения, буржуазия была полностью интегрирована в государство. Рабочий класс не имел реальной возможности захвата власти и соответственно не был нацелен на революционную стратегию. Отсутствовали также условия для союза с либеральной буржуазией. Партия должна была в первую очередь завоевать право

участия в выборах. Исходя из этого, не существовало почвы для образования ревизионистского крыла, поскольку отсутствовал партнер, т.е. часть буржуазии, с которой можно было бы разделить власть. Не могло возникнуть и революционное крыло, ибо партия не ставила перед собой конкретной цели — захвата власти, а выдвигала лишь требования в рамках существующей системы, следовательно не было почвы для критики слева.

Подводя итоги, Кулеманн характеризует довоенную СДПА как реформистскую рабочую партию, ставившую перед своими сторонниками задачу борьбы за улучшение социального положения рабочего класса, за предоставление ему равных с другими слоями общества политических прав, превращение Австрии в "современное буржуазное социальное государство" (с. 155). Действуя в политическом плане по правилам игры, принятым в Габсбургской империи, СДПА с точки зрения своей идеологии оставалась приверженцем социалистической цели. Однако, поскольку реформизм воплощался в конкретных результатах (например, в завоевании в 1907 г. всеобщего избирательного права), постепенно большинство партии стало верить в возможность достижения социалистической цели не посредством революционного скачка, а с помощью кропотливой повседневной работы и укрепления организационной структуры партии. "В этом смысле для австромарксизма в период с 1888 по 1914 г. было характерно растущее стремление к реформизму..." (с. 156).

х х

х

В главе "Австромарксизм в период первой мировой войны" Кулеманн отмечает, что от отрицания социал-демократами права наций на самоопределение и до одобрения габсбургской политики аннексии был только один шаг. Этим в большей мере объясняется "социал-патриотический" настрой многих австрийских социал-демократов после убийства в Сараево эрцгерцога Фердинанда. Показательно, что вплоть до 1917 г. ру-

ководство партии отклоняло требование о мире без аннексий и контрибуций. Под влиянием хода мировой войны образовалось левое течение, в то же время активизировались правые, требовавшие от В.Адлера более активной поддержки правительства. К последним примкнул К.Реннер. В опубликованной в 1917 г. работе "Марксизм, война и Интернационал"¹⁾ Реннер "вышел за рамки чисто конъюнктурного обоснования политики гражданского мира и впервые развил в концентрированной форме свои политические теории" (с. 183).

Что касается левых в СДПА, то, как отмечает Кулеманн, их слабость в практических действиях являлась своего рода ключом для понимания тенденций развития австромарксизма как во время, так и после первой мировой войны. Во время войны они составляли совсем незначительную группу, придерживавшуюся взглядов циммервальдцев. Сохранение в рядах СДПА убеждения в необходимости сплоченности обеспечило партии единство и в последующие бурные годы, создав базу для проведения политики союзов с буржуазией в первые месяцы после окончания войны.

Из рядов левых вышел такой видный деятель австромарксизма, как Ф.Адлер. Он, как и некоторые другие функционеры СДПА, увлекался обсуждением проблем в кружках, не пытаясь довести до масс свои взгляды, расхоdivшиеся с мнением руководства. Неудивительно, что подобная тактика приводила к тому, что левые на съездах СДПА периода войны постоянно оставались в меньшинстве. Наиболее значительным их практическим шагом стало убийство Ф.Адлером в октябре 1916 г. министра-президента Штюргка. Этим преследовалась цель возбудить массы, искусственно создав почву для последующих революционных действий. Но если цель Ф.Адлера была марксистской, то метод явно противоречил традициям марксизма, считавшего применение силы в революционной борьбе явлением положительным, но категорически отклонявшего индивидуальный террор (с. 193-194).

---

¹⁾ Renner K. *Marxismus, Krieg und Internationale*. - Stuttgart, 1917. - 384 S.

В сентябре 1917 г. в Вену возвратился из русского плена Бауэр, и сразу же примкнул к левым. Лидеры СДПА, в первую очередь В.Адлер, восприняли это весьма положительно, считая, что рассудительный Бауэр воспрепятствует дальнейшей радикализации левых. Бауэр действительно сделал все, чтобы не допустить раскола СДПА, интегрировав в то же время некоторые справедливые, с его точки зрения, предложения левых в политическую тактику партии.

В 1917 г. положение рабочего класса в стране значительно ухудшилось. Свершившаяся в России Октябрьская революция показала, какими возможностями располагает рабочий класс. Мирные предложения правительства большевиков дали надежду на окончание войны хотя бы на одном фронте. Когда в декабре начались мирные переговоры с Россией, СДПА провела по всей стране массовые собрания, на которых выдвигалось требование к правительству заключить мир с Россией. Однако правление партии отклоняло массовые акции, выходящие за рамки требования мира. Так, январская (1918) стачка австрийского пролетариата, поводом для которой послужило сокращение норм выдачи муки, произошла помимо инициативы социал-демократической партии. Более того, партийное руководство опубликовало 17 января 1918 г. заявление, в котором подчеркнуло непричастность СДПА и профсоюзов к стихийному движению, и прилагало все усилия для локализации выступления рабочих. Кулеманн оценивает позицию СДПА в этом вопросе следующим образом: "Сотрудничая с правительством с целью прекращения стачки, социал-демократия обманула не только бастующих рабочих. Делая вид, что она предприняла все возможное, социал-демократия отказала в поддержке русской революции, с которой она на словах солидаризировалась" (с. 203).

Январская стачка послужила делу примирения левых и партийного руководства. Левые полагали, что революция и так идет своим ходом, а потому необходимо думать прежде всего о сохранении единства рядов социал-демократии. В период стачки левые хотя и говорили с массами на другом языке, чем партийное руководство, однако цель тех и других была одна. Исходя из этого, по мнению Кулеманна, причиной неудачи ян-

варской стачки было отсутствие в партии революционного ядра. Стачка же по своему характеру была направлена против той линии, которую проводило руководство партии, т.е. против политики сотрудничества с властями.

х х

х

В главе "Австрийская социал-демократия - основательница буржуазной республики" Кулеманн подчеркивает, что развал в ноябре 1918 г. Габсбургской монархии был следствием объективного хода истории: поражения в войне, движения негерманских наций Австро-Венгрии за независимость. Это не являлось какой-то революционной акцией. СДПА не имела к краху империи никакого отношения. Более того, "в то время социал-демократия пыталась сдержать массовое движение... предотвратить конфронтацию с остатками старых структур" (с. 216). Правда, республика оставалась целью социал-демократии. В таком смысле высказался В.Адлер в своей речи 21 октября 1918 г. на заседании Временного национального собрания. Однако практически ничего сделано не было. На съезде СДПА, проходившем 31 октября - 1 ноября 1918 г., лидеры СДПА призывали рабочий класс к бдительности, готовности к отражению наступления реакции, говорили о необходимости полной победы демократии. "Партийный съезд, - указывалось на форуме, - призывает рабочих и солдат соблюдать в нынешней обстановке спокойствие, порядок и дисциплину, для того, чтобы сохранить и расширить наши достижения" (с. 217).

В провозглашенной республике лидеры СДПА сразу заняли ведущие позиции вместе с буржуазными деятелями. Кулеманн не считает происшедшее в ноябре 1918 г. ни социалистической, ни буржуазной революцией. Социалистической она не была потому, что никаких перемен в производственных отношениях не произошло. Первая республика осталась капиталистическим государством, основанным на капиталистических отношениях собственности. Она не являлась и буржуазной, потому что те привилегии, которыми пользовалась буржуазия, были завоева-

ны еще при Габсбургах. Свержение династии Габсбургов ослабило лишь дворянство. Однако характер производственных отношений остался неизменным (с. 218).

В начале 1918 г. была создана Коммунистическая партия Австрии (КПА). Коммунисты не только из-за слабостей объективного характера не смогли завоевать массы, но также и по той причине, что в их руководстве не было авторитетных лидеров. Коммунисты рассчитывали на Ф.Адлера, освобожденного из тюрьмы в канун образования партии. Однако верный традиционным социал-демократическим принципам единства он не захотел ослаблять СДПА. В результате в период с 1918 по 1934 г. коммунисты так и не стали организованной левой альтернативой австромарксистам. Считая КПА незначительным фактором в политической жизни страны, лидеры социал-демократии вели полемику только с советскими коммунистами и Коминтерном. По мнению Кулеманна, отсутствие внутри страны "давления слева" ставило австрийскую социал-демократию в особое положение по сравнению с другими европейскими партиями Социалистического рабочего интернационала (СРИ).

Накануне провозглашения республики скончался В.Адлер, и бесспорным лидером СДПА как в политическом, так и теоретическом отношении стал Бауэр (с. 227). Он сразу же определил три основных положения политической стратегии австрийской социал-демократии. Прежде всего необходимо было создать на территории бывшей империи самостоятельные национальные государства, консолидированные между собой в социально-политическом отношении. Во-вторых, необходимо было добиться полной демократии внутри этих новых государств. Затем Бауэр предполагал перейти к построению социализма. Кулеманн рассматривает этот план Бауэра как отражение концепции постепенного развития буржуазного общества в направлении социализма, призванной, прежде всего, объяснить массам, почему рабочие не захватили власть в свои руки, а социал-демократия не захотела образовать республику Советов (с. 227).

Что касается национального вопроса, то Бауэр считал, что в новых условиях он должен быть решен по-новому. Языковое, культурное и экономическое родство с Германией под-

сказывало ему решение вопроса путем аншлюса. Вплоть до тяжелого поражения, которое потерпела в начале 1919 г. в Германии социалистическая революция, Бауэр считал Германию главной революционной силой. После 1919 г. центр тяжести революций переместился, по мнению Бауэра, в Америку и Англию.

Бауэр считал социалистическую революцию в Австрии невозможной, прежде всего, из опасения, что революционные действия масс вызовут ответную реакцию со стороны Антанты, дадут странам-победительницам основание для оказания поддержки контрреволюционным выступлениям буржуазии. Кроме того, Бауэр указывал на бедственное экономическое положение Австрии, которое стало бы национальной катастрофой в случае, если бы великие державы объявили блокаду. Кулеманн считает, что реформистские концепции Бауэра были своеобразной реакцией на серьезные хозяйственные неурядицы, которые переживала Австрия в первые месяцы после окончания войны (с. 229). По мнению Бауэра, единственно реальным путем в этих условиях было налаживание отношений с буржуазией.

Кулеманн считает исходный пункт бауэровской концепции — угрозу интервенции — недостаточно убедительным. Он полагает, что критика СДПА слева является справедливой. Левые указывали на явную недооценку австромарксистами таких факторов, как русская революция, Советские республики в Баварии и Венгрии, широкое стачечное движение в ряде европейских государств. Эти обстоятельства, безусловно, благоприятствовали бы, по их мнению, созданию в Австрии республики Советов. В свою очередь, австрийская советская республика явилась бы стимулятором международного революционного движения. Однако лидеры СДПА снимали с себя в тот период ответственность за дальнейшее развитие, ограничивая свою деятельность решением исключительно каждодневных проблем.

Относясь к захвату рабочими власти в республике как к факту несвоевременному, Бауэр отрицал необходимость установления в Австрии диктатуры пролетариата и подчеркивал особую роль демократии в стране. "Такое теоретическое обоснование этого круга проблем оставалось основополагающим в главном направлении деятельности австромарксизма вплоть до февраля 1934 г." (с. 231).

Бауэровское отрицательное отношение к диктатуре пролетариата определилось в ходе острой полемики с большевизмом. Лидер СДПА отождествлял диктатуру пролетариата с полной ликвидацией демократических свобод. Диктатура пролетариата в странах Центральной и Восточной Европы привела бы, по его мнению, ко всеобщему хаосу, а будучи диктатурой меньшинства – к бюрократическому социализму.

Кулеманн полагает, что в основе этой позиции австромарксизма лежало, прежде всего, отрицание практики большевиков. Маркс и Энгельс считали, что любое государство есть форма диктатуры одного класса. В их представлении диктатура пролетариата – это организация пролетариата как господствующего класса для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, и в то же время это синоним рабочей демократии. Для Бауэра диктатура и демократия – противоположные понятия; диктатура – террористическая форма классового господства; а буржуазная демократия – это тоже господство, однако не диктатура буржуазии. Если, по Марксу, рабочий класс, придя к власти, должен сломать государственную машину и создать новые органы власти, т.е. организовать как господствующий класс, то у Бауэра качественное различие между захватом рабочим классом власти и стадией буржуазного господства исчезало. Буржуазная демократия рассматривалась им как переходная форма между опиравшейся на привилегированное избирательное право монархией и будущей социалистической демократией. Развитие системы производственной демократии понималось Бауэром как расширение границ демократии за пределы политики в сферу экономики. Формально Бауэр признавал, что обязательной предпосылкой социальной революции является захват пролетариатом политической власти. Однако он исходил из того, что социальная революция – это длительный процесс, начинающийся со стадии демократии, что рабочий класс может добиться полноты власти и в коалиции с буржуазными партиями, проводить при этом социальные реформы и тем самым обеспечивать интересы рабочего класса. Он полагал также, что капиталистические институты власти нельзя разрушать до тех пор, пока не будут созданы социалистические организации, дабы не нарушать жизнедеятельности государства.

Кулеманн отмечает, что Бауэр значительно расходился с Марксом в оценке существа буржуазной демократии. Маркс считал буржуазную демократию такой же формой классового господства и соответственно классовой диктатуры буржуазии, как монархия или военная диктатура. Бауэр же отрывал политические взаимосвязи от экономических. Если, по Марксу, экономическое неравенство и буржуазно-демократические права были двумя сторонами одной медали, то Бауэр считал, что интересы буржуазии совпадают с интересами рабочего класса прежде всего в плане расширения демократии. "Затушевываемая качественное различие между двумя формами демократии — буржуазной и пролетарской, Бауэр не уделил должного внимания и тому, какой класс осуществляет демократию" (с. 235).

Кулеманн обращает внимание на то, что воззрения Бауэра по этому вопросу находились в тесной взаимосвязи с концепциями экономической демократии Ф.Нафтали и Р.Гильфердинга, а также с более поздними теориями государственно-монополистического капитализма. Из теории Бауэра вытекало, что государство и экономика — классово-нейтральные факторы. Такие рассуждения привели его к выводу, что социалистическая реформистская деятельность может начаться уже при капитализме. Пролетариат, участвуя в управлении государством и экономикой, может приблизиться к социализму, даже не обладая всей полнотой власти. Это дало право Бауэру обосновать концепцию "социалистических очагов" и коалиции как форм политических действий. При этом он опирался на теорию "равновесия классовых сил" и "господствующего положения пролетариата".

Перспективы, которые рисовал себе Бауэр, казались ему в политическом плане реальными, поскольку он полагал, что в Западной и Центральной Европе его концепции реформистского преодоления капитализма в основном осуществимы, что диктатура пролетариата окажется необходимой лишь в исключительных случаях, "если налицо будет сильное сопротивление антидемократических сил" (с. 236).

В целом же Бауэр ориентировался на то, что пролетариат, трудовая деревня и интеллигенция, став в численном отношении большинством, смогут завоевать власть демократическим

путем. В отличие от Коминтерна, Бауэр считал "нормальным" мирный переход, а не диктатуру пролетариата. Он полагал, что в Австрии контрреволюция невозможна, поскольку пролетариат будет иметь большинство в парламенте, установит демократический контроль над армией, а в сфере экономики укрепит свои позиции посредством социализации. "Сколь мало реалистичны были эти концепции, рабочий класс Австрии смог убедиться на собственном опыте уже в начале 30-х годов", — подчеркивает Кулеманн (с. 237).

Бауэр считал, что одним из доказательств правильности его теории "равновесия классовых сил" был период коалиции с буржуазными партиями (1918–1920). Но эта коалиция, подчеркивает Кулеманн, не была на практике шагом к социализму. "Участие социал-демократов в правительстве и введение социального законодательства не изменили капиталистического характера Австрии, который определяла частная собственность на средства производства и система прибыли" (с. 241). Более того, многие из реформ, проведенных в период коалиции, были шаг за шагом ликвидированы, и в конечном итоге удар по демократии и рабочему движению нанесли в феврале 1934 г. те же силы, с которыми социал-демократы заключили в 1918–1920 гг. коалиционное соглашение. Одним из примеров малой эффективности реформ периода коалиции была социализация, проводившаяся специальной комиссией, возглавлявшейся Бауэром. Социализация коснулась лишь нескольких разрушенных во время войны предприятий.

Конечно, проведенные социал-демократами реформы некоторым образом улучшили материальное и социальное положение рабочего класса. Была поднята производительность труда в период восстановления разрушенного войной хозяйства. Известная демократизация коснулась и армии, хотя на ключевых постах оставались военные бюрократы габсбургского режима. Кулеманн подчеркивает: "Было иллюзией полагать, что армия буржуазного общества под командованием буржуазного правительства и генералитета может стать в первые послевоенные месяцы оплотом демократических завоеваний" (с. 247).

Социал-демократы порвали коалицию с буржуазией в 1920 г., потому что к этому времени ослаб революционный

напор успокоенных СДПА масс. Все это в значительной степени явилось результатом реформистской политики, проводимой социал-демократами. Поскольку в основу этой политики положено стремление затормозить и направить в определенное русло революционные течения, то она тем самым ограничивает свои возможности давления на буржуазию и не выполняет многие из поставленных ею самой задач социального и демократического характера.

х х

х

В главе "Элементы теорий Отто Бауэра и Карла Реннера" Кулеманн подчеркивает, что оба теоретика были ведущими деятелями СДПА в период Первой республики. Этим объясняется особый интерес к их теориям, хотя последние и не всегда могут быть проанализированы во взаимосвязи с практикой СДПА.

Бауэр формально не занимал поста председателя партии. Однако среди тех, кто "делал политику СДПА", ему принадлежала монополия разработки программ, политической стратегии и тактики партии. На всех съездах СДПА он неизменно являлся докладчиком по наиболее важным вопросам. Его авторитет в партии был непререкаем. Браунталь называл Бауэра "величайшим социалистическим мыслителем после смерти Маркса и Энгельса" (с. 256).

Поскольку Бауэр занимал ведущее положение при разработке стратегии и тактики, то его политические концепции нельзя исследовать отдельно от концепций СДПА. Бауэра после его смерти называли "революционером-теоретиком", человеком, увлеченным теориями, несуществующими на практике. В этом была его трагедия. Но, утверждает Кулеманн, у Бауэра по основным вопросам не было разрыва между "революционной" теорией и "реформистской" практикой.

Кулеманн поставил перед собой задачу рассмотреть два

основных элемента бауэровской системы: концепцию аналитического метода и диалектику исторического развития.

Бауэр безразлично относился к методу научного познания, хотя, как он сам утверждал, ценность Марксова наследия заключалась именно в методе, а не в том, что сказано Марксом. "Бауэр считал диалектический метод Маркса применимым в науке, а в политике — не больше чем символом, неспособным дать объяснение всей коллизии политического развития" (с.258). В некоторых случаях он пытался совместить Марксову диалектику с собственными воззрениями. Однако его попытка использовать диалектический метод для объяснения концепции "равновесия классовых сил" оказалась несостоятельной. По мнению Бауэра, наука не раскрывает действительной картины положения дел, упрощает ее, типизирует и символизирует. Степень приближенности к фактическому положению дел, могущая удовлетворить исследователя, зависит от практической цели, которую он преследует.

В оценке взаимосвязи между субъективными и объективными факторами исторического процесса Бауэр придерживался теории исторического детерминизма. Он считал, что социал-демократия, со всеми ее достоинствами и недостатками, является продуктом исторического развития. Такого взгляда он придерживался и после разгрома социал-демократии в феврале 1934 г. В работе "Между двумя мировыми войнами?"¹⁾ он утверждал, что реформизм периода буржуазной демократии был неизбежным результатом исторического развития. Этот тезис как бы снимал с социал-демократии — этого пассивного субъекта исторического процесса — ответственность за ход событий. Такая точка зрения являлась своего рода "отпущением грехов" австромарксизму и всему рабочему движению за предыдущую политическую деятельность. "Политика австрийской социал-демократии не подлежала критике, ибо, хотя она и привела к поражению рабочего движения, была единственно возможной" (с. 263). От ответственности освобождались и

---

¹⁾ Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Br., 1936. - 355 S.

лидеры СДПА, поскольку, по мнению Бауэра, их роль как участников процесса исторического развития вообще не принималась во внимание. Такой методологический подход Бауэра при анализе политических событий, указывает Кулеманн, являлся наиболее существенным водоразделом между австромарксизмом и большевизмом, представители которого считали, что партия и ее лидеры являются активными субъектами революционного процесса, способными изменить ход истории.

Бауэровская объективистская позиция оправдывала практику австрийской социал-демократии и пассивность партийного руководства в решающих ситуациях. Иногда Бауэр противоречил сам себе. Так, ретроспективно оценивая события 1918 г. в Австрии, он подчеркивал, что лидеры СДПА сумели предотвратить сползание масс к большевистским методам классовой борьбы. Таким образом, в ситуации, когда настроение масс не соответствовало концепции реформизма, в расчет брались иные элементы теории взаимоотношений масс и руководства.

Кулеманн считает также, что бауэровский исторический фатализм не соответствовал теории экономического катаклизма. Критикуя теорию империализма Р.Люксембург, Бауэр указывал, что капитализм способен преодолеть свои кризисы без внешней экспансии (с. 262). Признавая неизбежность кризисов при капитализме, Бауэр считал, что они могут быть преодолены с помощью внедрения новой технологии, модернизации всего комплекса средств производства. Отрицание им теории неспособности буржуазии находить выходы из кризисов соответствовало взглядам революционных социалистов, в частности В.И.Ленина.

Кулеманн приходит к выводу, что "историко-фаталистическое отрицание субъекта, с одной стороны, отрицание теории экономического краха и теории экономической необходимости империализма – с другой, не являются в системе Бауэра противоречивыми. Наоборот, это две стороны реформистской концепции органического развития – пути завоевания рабочим классом ключевых позиций с помощью постоянно усиливающегося влияния на государство, которое, в свою очередь, во все большей и большей мере организует экономику" (с. 265).

Второй по значению фигурой в теоретической жизни СДПА

был Реннер. Он стал первым канцлером республики, являлся постоянным членом правления партии, выполнял важные функции в кооперативном движении и в деятельности Рабочего банка. "Его теоретические изыскания, правда в гораздо меньшей степени, чем бауэровские, находили отражение в действиях партии" (с. 265). Государство и право являлись ключевыми в теории Реннера, не претерпевшими в отличие от бауэровских теорий каких-либо существенных изменений на протяжении всего его долгого жизненного пути.

Реннер пытался включить в правовые и политические категории государственное регулирование экономики, внешнюю политику, классовую борьбу. "Социализм, по Реннеру – это завершающая стадия развития процесса, заложенного в капитализме" (с. 266). Экономические теории Реннера в отличие от Марксовых базировались на констатации извечного процесса циркуляции, который он считал "высшим законодателем и судьей капиталистического общества" (с. 266). По мнению Реннера, выход из экономического кризиса, путь к социализму следует искать не в сфере производства, а в сфере распределения. Реннер отрицал тезис Маркса о том, что товарно-денежные отношения являются сердцевинной капиталистического способа производства. Для социал-демократии являлось проблемой, по его мнению, руководство нейтральным по своей сути хозяйством. Ей отводилась социально-демократическая функция: "социализация" капитала. Путь к социализму – это усиление позиций пролетариата в государственно-экономической иерархии капитализма, развитие системы товарищества и кооперации. Свой очевидный отход от Марксовой концепции Реннер оправдывал тем, что Маркс якобы не мог предвидеть особенности социально-политического развития XX в. "В то же время Реннер считал вполне приемлемым Марксов метод исследования общественных явлений" (с. 267).

Реннеровские государственно-правовые теории, его концепции об извечности права, о классово-нейтральном государстве показывают, что он "всегда оставался в границах общества, демократизированного, организованного по социально-государственному образцу, основанного на буржуазных принципах" (с. 268).

В отличие от Маркса, рассматривавшего право как институт, отмирающий вместе с буржуазным обществом, Реннер видел в праве гарант нового общественного устройства. Различными были позиции Маркса и Реннера в вопросе о государстве. Маркс говорил о государстве принципиально иного типа при социализме, в то время как Реннер видел в государстве некий институт, соответствующий и капитализму, и социализму.

Кулеманн указывает, что "реннеровские теории государства, экономики и права являлись, в общем и целом, приемлемыми и для других лидеров СДПА, ибо они вполне соответствовали их реформистской практике" (с. 269). Показательно то, что во Второй республике его последователи, отрицавшие многие стороны австромарксизма, считали реннеровские теории, отождествлявшие социализм и с самим движением, и с целью движения, лучшей частью его исторического наследия.

х х

х

В главе "Австромарксизм и Интернационал" Кулеманн пытается дать ответ на вопрос: являлся ли австромарксизм течением, выходящим за рамки одной страны, или он представлял собой сугубо австрийское явление. Исследуя этот вопрос, Кулеманн подчеркивает, что "австромарксизм – как в теории, так и на практике – был специфическим течением в международном рабочем движении, и главным образом в его социал-демократической части. В сравнении с крупными социал-демократическими партиями это было наиболее левое течение" (с. 281). Занимая особое место в социал-демократии, австромарксизм не стал международным течением в целом, так как в своих теоретических разработках и практике австромарксисты исходили из условий и особенностей межвоенной Австрии. Однако отдельные его черты были присущи социал-демократии других стран. В целом австромарксизм не стал сверхидеологией. Австромарксисты никогда не предпринимали попыток повлиять на политику других партий. Некоторое влияние австро-

марксизм оказывал на левые группировки в СДПГ. Одна из причин столь незначительного воздействия австромарксизма на социал-демократические партии заключается в том, что произведения представителей этого течения в межвоенный период почти не переводились на иностранные языки, а потому были малоизвестны в широких кругах социал-демократии. Да и сами австромарксисты постоянно объясняли свои воззрения "особой австрийской ситуацией".

х

х

х

В главе "Австромарксизм, русская революция и Советская Россия" Кулеманн отмечает, что по вопросу об отношении к большевизму в кругах рабочего движения межвоенного периода постоянно велись острые дискуссии. Это было связано как с вопросом практической деятельности рабочих партий, так и с общими вопросами стратегии и тактики социал-демократии.

Позиция австромарксизма в отношении Советской России была отражена почти исключительно в трудах и речах Бауэра не только потому, что он считался главным теоретиком СДПА. Необходимо иметь в виду его пребывание летом 1917 г. в Петрограде после освобождения его из плена, его постоянное общение в тот период с русскими социалистами, прежде всего из окружения Л. Мартова.

За несколько дней до Октябрьской революции Бауэр опубликовал работу "Русская революция и европейский пролетариат" (под псевдонимом Вебер)¹⁾, где он обосновал невозможность для России социалистической революции. Исходным пунктом его рассуждений было то, что в России пролетариат составляет меньшинство населения. Эта позиция логически вытекала из общего принципа австромарксистских теорий, в основе которых

---

1) Weber H. Die russische Revolution und das europäische Proletariat. - Wien, 1917. - 40 S.

находилась идея о "механической зависимости между экономикой и политикой, между развитием производительных сил и завоеванием рабочим классом власти" (с. 284). Бауэр выступал как против ленинского тезиса о социалистической революции, так и против позиции меньшевиков. Последние, считал он, переоценивают возможности буржуазии, тесно связанной с прежним царским режимом, и поэтому не правы, призывая к политическому союзу с ней. Что касается крестьянства, то оно, по мнению Бауэра, занимает в борьбе между пролетариатом и буржуазией промежуточное положение и, следовательно, не способно стать силой, заинтересованной в социалистических преобразованиях.

Свершившуюся вскоре Октябрьскую революцию Бауэр не воспринимал как социалистическую. Декрет о земле, считал он, решит аграрную реформу, приведет к власти крестьянство, которое установит в России буржуазно-демократический строй. Вплоть до середины 20-х годов Бауэр полагал, что некапиталистическое развитие в России невозможно. Большевизм он сравнивал с якобинством. В напе он увидел возврат к экономическим структурам капитализма и подтверждение собственных прогнозов. Пролетарскую диктатуру в России Бауэр рассматривал лишь как средство для ликвидации остатков феодализма и создания тем самым предпосылок развития капитализма. До середины 20-х годов Бауэр не представлял себе, что некапиталистическое общество, каким он воспринимал советский строй в СССР, может выжить; при этом он не делал различия между понятием "социализм" и "диктатура пролетариата" как разными стадиями революционного развития. На начальной стадии Октябрьской революции и Бауэр, и большевики опасались, что если Россия окажется в изоляции, то революция не сможет удержаться. Однако большевики при этом надеялись, что Октябрьская революция явится толчком для захвата власти пролетариатом промышленно развитых стран Европы, станет предвестником мировой революции. Бауэр же не представлял себе возможности революционного развития на Западе (с. 285).

Россия и в самом деле оказалась изолированной, чему способствовало рабочее движение Запада, включая также австромарксистов. Когда большевики приступили к экономическим

реформам с тем, чтобы сохранить некапиталистический характер России до тех пор, пока не подымется новая волна мировой революции, Бауэр воспринял это как подтверждение своих взглядов и посоветовал советским коммунистам во избежание контрреволюции, добровольно отказаться от диктатуры и вернуться на путь буржуазной демократии. Это согласовывалось с его позицией до 1917 г.: "Не надо брать власть в свои руки!". Тем самым Бауэр пытался привнести в Россию свои австро-центристские концепции, т.е. модель длительного реформистского развития. Бауэр разделял убеждения русских меньшевиков-интернационалистов, требовавших коалиции всех партий и отрицавших диктатуру; он видел в этом перспективу мирного демократического развития и постепенного улучшения положения рабочего класса. Бауэр не учитывал, что меньшевики-интернационалисты — лишь небольшая группа, что они не собирались порывать с буржуазией, что в России не было в 1917 г. условий для мирного демократического процесса развития. Он не понимал, что "такая политика, как в Австрии в 1918-1919 гг., при наличии там сильной реформистской социал-демократии была едва ли возможна в стране, где только что был свергнут царизм, но еще не была решена ни одна из проблем" (с. 286).

Аналогичные взгляды высказывал Бауэр и по конкретным политическим проблемам послереволюционного периода. Он соглашался с суждениями Каутского в отношении России, видя в то же время "корень противоречий" между ним и большевиками лишь в различном понимании проблем социализации: большевики хотели осуществить социализацию как можно скорее, Каутский был за постепенное ее проведение. Учитывая, что постепенная социализация после Октябрьской революции была невозможна, такой аргумент должен был служить доказательством преждевременности захвата власти.

Что касается взглядов Бауэра на методы и характер большевистского правления, то он считал революцию неизбежной. При низком уровне производительных сил социализм в России, считал Бауэр, может проявляться только в форме диктатуры пролетариата, а "деспотический социализм" в данных условиях представляет собой неизбежный инструмент исторического прогресса. В письме к Каутскому (начало января

1919 г. – Реф.) он подчеркивал, что в России нет ни личной диктатуры, ни военного заговора, а есть диктатура пролетариата и что любую революционную диктатуру можно обвинять в том, в чем обвиняют большевиков. В то же время он поддерживал Каутского, критиковавшего “террористические действия большевиков”, и заявлял, что австрийская социал-демократия стремится не к бюрократическому, а к демократическому социализму.

Вообще для Бауэра в его подходе к оценке явлений характерно одновременное подтверждение и отрицание необходимости. Бауэр считал, что в Австрии невозможна диктатура пролетариата и что к ней не стоит стремиться. Столь же половинчаты его аргументы в отношении России: диктатура необходима и в то же время диктатура не нужна. Кулеманн объясняет это тем, что в Австрии австромарксизм мог решать проблему соотношения между социалистической целью и конкретной практикой, проводя реформистскую политику. В России обстановка складывалась иначе; все подчинялось революционному развитию. Отсюда – противостояние подтверждения и отрицания необходимости.

Сущность всех высказываний Бауэра о Советской России периода ее становления сводилась к одному. Он считал, что с введением нэпа, который приветствовался им как реставрация капитализма, диктатура уже не нужна, что она стала тормозом дальнейшего развития производительных сил, а потому большевики должны одновременно с нэпом установить буржуазную демократию. В введении нэпа Бауэр усматривал подтверждение своего тезиса о том, что переход к социализму возможен только в промышленно развитых странах, что в России возражается капитализм. Кулеманн считает, что Бауэр “не сумел отчетливо обозначить тип нового общественного устройства” (с. 287). Он упустил из виду, что нэп развивается в границах, определяемых советским руководством и что поэтому Советский Союз, еще не будучи социалистической страной, сохраняет характер некапиталистического переходного общества.

Бауэр пытался применить в отношении Советской России свою теорию “равновесия классовых сил”, отождествлял большевизм с фашизмом, диктатуру пролетариата – с диктатурой “правлящей касты”, долженствующей уравновесить интересы ра-

бочих, крестьян и напманов. Но вскоре он уже характеризовал большевиков "без сомнения революционной и социалистической партией", поддерживаемой частью пролетариата (с. 288). Характер советского общества Бауэр определял как "деспотический социализм профессиональных революционеров", установивших над пролетариатом диктатуру бюрократии. В общем и целом Бауэр давал советскому строю четыре определения: капитализм, бонапартизм, диктатура бюрократии, деспотический социализм.

Начиная с 1923 г. и до конца 20-х годов Бауэр резко критиковал общественный строй Советского Союза. В этот период Бауэр отрицал не только бюрократическую диктатуру, но и диктатуру пролетариата, пусть даже на короткий переходный период. Выступая на конгрессе Социалистического рабочего интернационала в Марселе (1925) Бауэр утверждал, что Советский Союз должен будет защищаться от контрреволюции, что большевизм взял курс на мировую войну, с тем чтобы при помощи Китая, Индии и мусульманского мира уничтожить Англию и капитализм, напасть на вновь созданные на Западе государства. Однако, подчеркивает Кулеманн, Бауэр не смог подтвердить свои опасения какими-либо существенными примерами (с. 288).

К началу 30-х годов, когда СССР приступил к "принудительной коллективизации" и осуществлению пятилетних планов, взгляды Бауэра на необходимость диктатуры претерпевают коренные изменения. Он считал, что этот, по его словам, беспримерный переворот осуществляется и может быть осуществлен только при помощи террористической диктатуры, ибо только диктатура может заставить 150 млн. человек терпеть лишения в настоящее время ради будущего, что демократия в Советском Союзе в такой период немыслима, любое ослабление диктатуры дало бы повод для оживления реакции. Вся эта деятельность преобразующего характера (индустриализация, коллективизация) расценивались Бауэром и австромарксистами "как положительное явление" (с. 289).

Если до середины 20-х годов Бауэр брал под сомнение возможность существования на некапиталистической основе Советского Союза, то в 30-е годы он согласился с тезисом

Сталина о возможности построения социализма в одной стране. Правда, подчеркивает Кулеманн, Бауэр прибегал при этом к неопределенным характеристикам: "социалистическое строительство", "государственный капитализм диктатуры", "прогрессивная форма государственного капитализма". В 1936 г. он характеризовал советский строй как "правда, еще не завершенное, но становящееся социалистическим общество", тем самым признавая правомерность тезиса о построении социализма в одной стране. В то же время Бауэр считал, что построение такого социализма возможно лишь в большой стране типа России, но не в таких малых странах, как Голландия, Дания или Швейцария.

Кулеманн пытается дать объяснение тому, каким образом Бауэр, не считавший возможной революцию в России, существование некапиталистической Советской России, советовавший большевикам отступить от революционных завоеваний и пойти путем буржуазной демократии, не допуская возможности социалистической революции в Австрии, согласился с тезисом построения социализма в отдельной стране, с переходом средств производства в руки государства и, исходя из всего этого, признал необходимость сталинской диктатуры.

Бауэр полагал, что происходившие в капиталистическом обществе перевороты создавали объективные условия для реформистской политики, нацеленной на вращение в новое общество. Считая объективные условия развития основой для соответственно реформистской или революционной политики, он исходил из того, что изменение этих условий меняет, соответственно, саму политику. Соглашаясь с тем, что в СССР строится социализм, Бауэр рассчитывал на то, что порожденное коллективизацией и индустриализацией развитие производительных сил само по себе ведет к демократизации советского общества и тем самым лишит бюрократию ее функций в системе власти. Бауэр был уверен в том, что это развитие в России следует всячески поддерживать, ибо оно укрепляет позиции сторонников социализма в промышленных странах Запада.

В 30-е годы, когда в Германии к власти пришел фашизм, интерес Бауэра к СССР усилился. Он всячески превозносил успехи СССР, считая, что через несколько мирных лет СССР

достигнет экономического уровня высокоразвитых стран Запада. Тем самым Бауэр соглашался с лозунгом: "Догнать и перегнать в экономическом отношении капиталистические страны" и вновь подтверждал свое согласие с тезисом о возможности построения социализма в одной стране. Советский Союз, говорил в то время Бауэр, должен быть маяком претворенного в жизнь социализма и на него должны равняться рабочие всех стран. После поражения австрийской социал-демократии в феврале 1934 г. Бауэр стал усиленно пропагандировать тезис о том, что "СССР является сильнейшим бастионом пролетарской власти во всем мире" (с. 292).

По словам Кулеманна, Бауэр был не только приверженцем сталинской диктатуры, в которой он видел средство построения социализма в Советском Союзе, но даже открыто говорил о необходимости "стальной диктатуры в самой партии", осуждая троцкистов (в частности, он выступал против вышедшей в Австрии троцкистской газеты).

Подводя итог этому разделу своей книги, Кулеманн пытается систематизировать взгляды Бауэра на диктатуру в различные периоды исторического развития:

1. На первой фазе Октябрьской революции Бауэр признавал необходимость диктатуры и в то же время критиковал ее. В основе такой позиции был его тезис о том, что большевики не смогут удержать власть в своих руках и им не надо было ее брать.

2. В середине 20-х годов он считал диктатуру излишней и вредной.

3. В 30-е годы Бауэр признал "сталинскую диктатуру", рассматривая ее как "необходимый инструмент для социализма".

4. В 1936-1937 гг. Бауэр выступал за ликвидацию бюрократической диктатуры. В этом вновь проявились его колебания между необходимостью и ненужностью диктатуры; в 1937 г. он писал, что в случае войны диктатура будет необходима. Тем самым Бауэр перешел на позицию "цель оправдывает средства". Кулеманн подчеркивает, что "для Бауэра средство всегда было рефлекторно связано с экономическим базисом и организационно-техническими потребностями. Поэтому-

му на определенном этапе он считал советскую демократию и инициативы масс в СССР даже препятствием на пути к социалистической цели" (с. 294).

х х

х

В главе "Социал-демократические организации и характер их политики" Кулеманн останавливается на особенностях внутрипартийной жизни СДПА.

Характерной чертой австромарксизма являлось всегда почти полное единодушие при выработке резолюций или основополагающих программных документов. Лишь на съезде партии в 1927 г. были сделаны два заметно отличавшихся друг от друга доклада по актуальным политическим проблемам – Бауэра и Реннера. Однако итогом явилась компромиссная резолюция, которую делегаты съезда единогласно одобрили. Острая дискуссия могла разгореться и на съезде в 1932 г., когда активизировалось левое крыло партии, но и она завершилась компромиссом. Кулеманн отмечает, что с момента создания партии в 1888 г. и до разгрома легального рабочего движения в 1934 г. съезды партии проходили ежегодно и на них ни разу не выдвигалось контрпредложений, не составлялись контрсписки при выборах правления партии. Партийное руководство вносило предложения – делегаты единогласно принимали решения. "Умение "вынести за скобки" разногласия, принятие решений в узком кругу – все это было другой стороной организационной структуры социал-демократии и единства движения" (с. 312-313).

х х

х

Глава "Австромарксистская стратегия: путь к власти и политика собственной ответственности" начинается с информации о тех переменах, которые произошли в курсе СДПА после

ее выхода в октябре 1920 г. из правительственной коалиции. К этому времени положение в стране более или менее стабилизировалось. Сложившиеся условия способствовали тому, что СДПА могла определять свою дальнейшую политику, которая предусматривала завоевание большинства в парламенте, привлечение в свои ряды новых слоев населения, оборону республики извне и изнутри, создание "красной Вены", т.е. завоевание партией ведущих позиций в коммунальных органах столицы. Основой для такой политики послужило признание партией своей ответственности за национальные интересы государства.

Тезис о борьбе за власть путем привлечения избирателей на свою сторону был включен как основная цель СДПА в Линцскую программу, хотя Бауэр и раньше постоянно высказывался по этому вопросу. Если в период революционного подъема 1918–1919 гг. австромарксисты учитывали настроение масс, то в 20-е годы их тактика заключалась в целенаправленной агитации мелкобуржуазных слоев и тех категорий рабочего класса, которые еще не перешли на сторону СДПА. Лидеры партии были уверены, что хотя СДПА в течение ряда лет не получала желаемого большинства на выборах, тем не менее, если не произойдет "чего-либо непредвиденного", она рано или поздно его добьется. Но, подчеркивает Кулеманн, "нельзя было ожидать, что, получив большинство и придя к власти, социал-демократия коренным образом изменит систему, ибо ее лидеры считали, что в Австрии, отдельно взятой стране, нет предпосылок для социализма" (с. 337). Кулеманн делает вывод, что "перспектива завоевания власти не связывалась со стратегией ломки старой системы, речь шла прежде всего о расширении социальных и демократических завоеваний государства, за судьбы которого социал-демократия взяла на себя ответственность еще до получения парламентского большинства и до участия в правительстве" (с. 337).

Политика "разделения ответственности" основывалась на теоретических разработках Бауэра, который полагал, что австрийское государство в 20-е годы уже не было буржуазным, а превратилось в такое, где существовало равновесие классовых сил, которое, однако, могло быть нарушено буржуазией. Верность республике социал-демократы связывали с верностью

социализму. В эту схему вполне вписывался и "республиканский шуцбунд", которому вменялась защита буржуазной демократии. В сфере экономики политика "разделения ответственности" исходила из идеи интеграции социальных и экономических интересов рабочего класса в интересы государства. Тем не менее политика "разделения ответственности" не означала отказа от защиты интересов рабочих, иначе это должно было бы означать конец реформистской политики и изменение характера партии. Все это, скорее, свидетельствовало о том, что "политические и программные возможности партии (были) ограничены" (с. 339).

Предметом гордости австрийской социал-демократии была "Красная Вена", которую во времена Первой республики возглавляли социал-демократы. "Красная Вена" считалась в социал-демократическом Интернационале и во всем мире "образцом" социалистической коммунальной политики" (с. 341). СДПА постоянно подчеркивала, что пример "Красной Вены" должен стимулировать население других городов Австрии отдавать свои голоса социал-демократам как на коммунальных, так и на парламентских выборах. Кулеманн подчеркивает, что "социал-демократическая политика в Вене была образцом реформизма. Не затрагивая капиталистической системы в целом, что невозможно в рамках одного города, были осуществлены реформы, означавшие улучшение положения рабочего класса и низших слоев населения" (с. 344). Такую социал-демократическую политику приветствовали и ее левые критики.

Политика реформ укрепляла связь рабочего класса с партией, но в то же время ускоряла поправление буржуазии. Правительство Дольфуса требовало ограничения прав Вены, удаления социал-демократов из ратуши. "Тем самым реформистская политика осуществления "кусочка социализма" внутри капиталистического окружения ударила по самой же социал-демократии" (с. 346).

X

В главе "Путь к поражению" Кулеманн рассматривает политику СДПА в отношении австрийских правых. После 15 июля 1927 г., когда СДПА не захотела использовать массовые демонстрации венского пролетариата для укрепления своих позиций, буржуазия стала готовиться к превентивным мерам. В этих условиях в партии стали разрабатываться две линии. Одну из них представлял Реннер, активно выступавший за вхождение СДПА в коалицию с буржуазными партиями. Иной курс отстаивал Бауэр, считавший необходимым готовиться к отражению фашистской угрозы. Он полагал, и об этом свидетельствуют его речи в начале 30-х годов, что социал-демократия должна отказаться на время от дискуссий вокруг проблемы построения социалистического общества и встать на защиту буржуазной демократии. На практике этот курс отнюдь не предполагал использования революционных средств для защиты демократии. СДПА искала любую возможность компромисса с буржуазными партиями, использования против правой опасности исключительно тех мер, которые вписывались в рамки закона и конституции.

Бауэр, рассматривая проблему правой опасности, уделял большое внимание анализу фашизма. Этот феномен он рассматривал как следствие "равновесия классовых сил" и бонапартизма. В фашизме он видел диктатуру, стоящую над классами. Таким образом, связь фашизма с капиталистическими кругами как бы оставалась в тени. Более того, применительно к австрийским условиям Бауэр был вообще убежден в противоположности интересов местных фашистов и буржуазных кругов. Тем самым Бауэр подготавливал почву для поиска компромисса с демократическим крылом буржуазии с целью создания прочной системы обороны от нападков со стороны нацистского и хаймверовского фашизма. Кулеманн считает, что ошибочные теории, подверстанные к не менее ошибочной политике, во многом облегчили Дольфусу установление в Австрии после февраля 1934 г. откровенно диктаторского режима (с. 367).

После февральского поражения Бауэр не внес в свои оценки фашизма сколько-нибудь существенных изменений. В работе "Между двумя мировыми войнами?" он продолжал рассматривать победу фашизма как результат равновесия классовых сил. Буржуазия, по его словам, лишь в некоторой части примыкала к фашизму после его прихода к власти в Германии. Впоследствии Бауэр, однако, изменил свою позицию, увидев в фашизме не просто надклассовый бонапартизм, а диктатуру "воинствующей фракции" класса капиталистов.

х х

х

В главе "Австромарксистские левые" Кулеманн обращает внимание на то, что, кроме Бауэра и Реннера, наиболее известным теоретиком СДПА был М. Адлер, который не занимал никаких партийных постов, однако был весьма популярным благодаря своим многочисленным статьям и книгам, а также выступлениям на различных партийных форумах. Адлер занимался разработкой проблемы "революционного сознания", оказавшейся вне сферы конкретной политической линии СДПА. У Адлера в сравнении с другими австромарксистами наиболее четко прослеживается "взаимосвязь между его ключевыми теоретико-философскими позициями и политико-стратегическими теориями" (с. 380).

В своих философских взглядах Адлер стремился занять некую промежуточную позицию между Марксом и Кантом. По мнению Адлера, Кант являлся творческим продолжателем философских воззрений Маркса. Марксизм для Адлера был не мировоззрением, а социологическим методом. Философские взгляды самого Адлера основывались на метафизических и религиозных принципах. Последние нашли свое отражение в том, что он считал сознание не производным от бытия, а чем-то автономным, способным к саморазвитию. Уделяя большое внимание вопросам этики, Адлер в отличие от многих социал-демократов-ревизионистов не считал ее единственным обоснованием со-

циализма. Моральный идеал, полагал он, не может быть рассмотрен вне исторически обусловленных рамок. Социализм, по Адлеру, — это не политическая система, а прежде всего "культурная программа", социалистическая политика в процессе "становления общества" (с. 385). Воспитание должно быть преобразовано из классового средства буржуазии в классовое средство пролетариата, который необходимо приобщить к культурным ценностям. Революция в сознании, подчеркивал Адлер, должна предшествовать революции в социально-политической сфере.

В СДПА М.Адлер наиболее активно выступал противником реннеровского прагматизма и экономизма, ибо это, по его мнению, препятствовало формированию "нового человека". Однако, споря с Реннером и с Бауэром по вопросам теории, Адлер был солидарен с ними относительно практической деятельности СДПА. Все, что способствовало достижению конечной цели, он воспринимал как вполне приемлемое. Наиболее отчетливо это проявилось в вопросе о коалиции с буржуазными партиями.

В идейной жизни СДПА М.Адлер всегда играл заметную роль. В своих работах он призывал воспрепятствовать ревизии Хайнфельдской программы. После 1914 г. Адлер снова оказался в рядах левых. Он осудил войну и позицию, занятую в данном вопросе лидерами партии. После войны Адлер в противоположность Бауэру и Реннеру признал общетеоретическую значимость и необходимость диктатуры пролетариата. Исходя из диалектического единства между демократией и диктатурой, он разрабатывал теоретические положения, показывающие различия между политической и социальной демократиями. Он считал иллюзией возможность "равновесия классовых сил" и создания в Австрии "народной республики", о чем постоянно дискутировал с Бауэром.

В то же время М.Адлер солидаризировался с коалиционной политикой СДПА, ибо полагал, что кроме России ни в одной стране Запада не может быть установлена диктатура пролетариата. Свою позицию он обосновывал опасностью возникновения гражданской войны. Таким образом, политические выводы Адлера не отличались от позиций других австромарксист-

тов. "Различие было, главным образом, в том, что его формулировки были более ортодоксальными и меньше подчинялись вынужденному рационализму" (с. 388). Например, он утверждал, что пока пролетариат недостаточно силен для того, чтобы завоевать экономическую власть, правительство рабочей партии может управлять только буржуазным государством.

В начале 30-х годов М. Адлер стал относиться более критично к линии политического руководства СДПА, осуждая его за оборонительную тактику, за то, что оно стоит на позициях защиты буржуазной демократии. Однако роль Адлера в партии была слишком ограничена, и он не оказывал особого влияния на левых в ее рядах. Единство партии было для него непререкаемым. Помимо того он не видел конкретных путей сопротивления фашизму. Предлагая заменить недееспособных, по его мнению, вождей социал-демократии на других, могущих проводить более оправданную в условиях 30-х годов политику, он никак не конкретизировал это положение.

Вплоть до событий 15 июля 1927 г. в СДПА не было каких-либо заметных левооппозиционных групп. Однако после этих событий левые активизировались и образовали особое течение, которое возглавили супруги О. и К. Лейхтер. Их позиции по ряду теоретических проблем были более левыми, чем у Бауэра, хотя в вопросах конкретной политики они в целом не расходились с лидерами СДПА. Критика этих левых, по существу, была беспомощна по той причине, что в ней не затрагивались коренные проблемы деятельности СДПА. О. Лейхтер критиковал лишь тактику социал-демократов в отношении буржуазных партий. Его жена Кэте, выступая против политического фатализма, требовала строгого выполнения программных принципов. На съезде СДПА в 1933 г. левые, главным образом представители молодежного движения, требовали отказа партии от оборонительной тактики, высказывались за необходимость использования средств диктатуры пролетариата, указывали на важность перехода к активному наступлению на фашизм, к борьбе за власть в государстве. Накануне февраля 1934 г. левые оказались перед дилеммой: либо активная дея-

тельность в рядах партии, либо выход из нее и проведение собственного политического курса. Однако действовать самостоятельно они не хотели, а вместе с партией не могли (с.394).

х х

х

В последней главе "12 февраля 1934 г. и последующие взаимоотношения между австромарксизмом и австрийской социал-демократией" Кулеманн анализирует причины поражения вооруженного выступления рабочих-штурмовиков. С военной точки зрения это поражение было предопределено явным численным перевесом правительственных войск. Штурмовики, по существу, действовали без руководства и разрозненно. Наконец, их выступление не было подкреплено всеобщей стачкой. В целом же рабочее движение оказалось деморализовано затянувшейся оборонческой тактикой СДПА. Кулеманн делает вывод, что события 12 февраля возникли стихийно, участниками и руководителями их стали только наиболее активные представители австрийского социал-демократического движения.

Разгром в феврале 1934 г. легального австрийского рабочего движения означал конец австромарксизма как конкретной, теоретически обоснованной политики австрийской социал-демократии. Тем не менее после февральских событий австромарксизм продолжал сохранять свое влияние. Элементы австромарксизма оказались своего рода связующим звеном между образовавшейся на обломках СДПА партией "революционных социалистов" и частью бывшего руководства во главе с Бауэром, эмигрировавшим в Чехословакию. Находясь в эмиграции, Бауэр пытался вооружить "революционных социалистов" новыми ориентирами. Им была разработана концепция "интегрального социализма", которая, по его замыслу, должна была стать основой для новых взаимоотношений между коммунистами и социал-демократами. Окончательное соединение коммунистов и социал-демократов в единой организации, по мнению Бауэра, могло произойти только после победы над фашизмом.

После 1945 г. социал-демократы вновь стали действовать в легальных условиях. Однако австромарксизм как организационная политическая и теоретическая система уже не возродился. Фашизм, война, новые условия, в которых была восстановлена независимая Австрия, способствовали изменению идеологии и политики австрийской социал-демократии. Если накануне первой мировой войны и в начале 30-х годов австрийская социал-демократия – реформистская рабочая партия с революционными тенденциями – находилась на левом крыле международной социал-демократии, то после 1945 г. она стала иной. Массовой базой новой СПА оставался рабочий класс. “Однако старый реформизм, отражавший интересы рабочих и предусматривавший основополагающие реформы как средство продвижения к социализму, частично осуществленные, был заменен технократизмом” (с. 408–409). Отныне реформы ориентировались на модернизацию существующей системы, при этом особый упор делался на их рациональность. Место особых классовых интересов пролетариата заняли всеобщие интересы.

Такое развитие привело к тому, что СПА утратила свое прежнее особое положение в рядах международной социал-демократии. В Социалистическом рабочем интернационале СДПА стояла левее, чем СДПГ. Сегодня разница между этими партиями в конкретной политике минимальная, хотя, как свидетельствует новая программа СПА 1978 г., австрийцы в отличие от своих немецких коллег более критичны в отношении капитализма. Это можно объяснить живучестью в СПА прежних идеологических традиций. Однако носителями их в партии являются, прежде всего, люди с высшим образованием, а отнюдь не представители рабочего класса (с. 411).

х х

х

В заключение Кулеманн делает несколько обобщающих замечаний. Ранний австромарксизм как политическое течение был следствием тех условий, при которых рабочему классу и партии не была обеспечена возможность занять достойное

место в социальной и правовой системе капиталистического государства. При этом радикальные положения теории постоянно вступали в противоречие с реформистской практикой австромарксизма. Революционные настроения масс всегда находились в тисках идеально организованной реформистской партии. В решающие моменты общественного развития отсутствовала организующая сила, которая могла бы целенаправленно действовать для осуществления социалистических чаяний. Однако причина этого лежала не в субъективных обстоятельствах, не в "предательстве" лидеров СДПА или их отдельных ошибках, а в недостаточном разъяснении задач социалистического движения, в отсутствии выводов, соответствующих реальному положению вещей (с. 414-415).

В.Я.Швейцер

МАРРАМАО Дж.
АВСТРОМАРКСИЗМ И ЛЕВЫЙ СОЦИАЛИЗМ
МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

MARRAMAIO G.

Austromarxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre. - In: Austromarxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre / Trad. dal ted. di Bonacchi G. Milano, 1977, p.9-135.

Итальянский историк-социалист Джакомо Маррамао занимается изучением истории и идеологии международной социал-демократии. Реферируемая работа представляет собой обширное введение к публикации на итальянском языке сборника работ известных деятелей австромарксизма.

Дж.Маррамао считает, что в теоретическом плане наиболее плодотворным для австромарксизма был период между двумя мировыми войнами. Поэтому свою работу он посвятил анализу развития австромарксизма именно в этот период, а точнее в 1918-1934 гг. Как отмечает Маррамао, его интерес был обращен лишь к основным концепциям политической теории австромарксизма и узловым проблемам, которые широко обсуждались в международном рабочем движении в 20-30-е годы: - соотношению между демократией и социализмом, государством и революцией, политикой и экономикой, вопросам социалистической революции на Западе и перехода к социализму в промышленно развитых капиталистических странах.

1. Австромарксизм: к вопросу о термине

Маррамао считает весьма важным введенное Отто Бауэром в 1927 г. различие между австромарксизмом до первой мировой войны и австромарксизмом послевоенного периода.

В конце 90-х годов XIX в. среди венского студенчества социалистической ориентации возникла "школа молодых марксистов", ядро которой составили Макс Адлер, Карл Реннер, Рудольф Гильфердинг, Фридрих Адлер и Отто Бауэр. Молодые ученые, и прежде всего Бауэр, указывали на необходимость анализа новых тенденций, вызванных кризисом Габсбургской империи. Поэтому до первой мировой войны термином "австромарксисты", — писал Бауэр, — обозначалась группа молодых австрийских товарищей, занимавшихся научной деятельностью... Их объединяло не особое политическое направление, а характер их научной работы. Они почувствовали потребность выступить против современных философских течений... Молодые "австромарксисты" исходили из учения Канта и частично Маха... В старой Австрии, раздираемой национальными противоречиями, все должны были научиться применять марксистскую концепцию истории для анализа сложных явлений, не поддававшихся пониманию при поверхностном и схематическом применении метода Маркса. Таким образом, внутри марксистской школы сложилось течение, которому было дано название "австромарксизм", чтобы отличить его, с одной стороны, от предшествующего поколения марксистов — Каутского, Меринга, Кунова, с другой — от современных марксистских школ в других странах, в особенности от русской и голландской" (с. 11-12).

Австромарксизм как автономная тенденция внутри австрийского рабочего движения начинает существовать с основания своих ассоциаций и органов печати в начале XX в.

Падение Габсбургской империи, а затем война и революция разрушили первоначальное идейное единство австромарксистской школы. К.Реннер и Р.Гильфердинг в 1914—1918 гг.

разошлись с М.Адлером. Однако австромарксизм в связи с этим не иссяк, напротив, такие великие события, как война и революция, отмечал Бауэр, его значительно обогатили.

В послевоенные годы термин "австромарксизм" получил новый оттенок: он стал использоваться в полемике противниками рабочего движения для осуждения "радикализма" австрийской социал-демократии. Ожесточенные атаки противников побудили некоторых социал-демократов "использовать термин "австромарксизм" для определения тех теоретических концепций по спорным вопросам послевоенного международного социалистического движения, которые постепенно складывались внутри австрийской социал-демократии и были наиболее полно сформулированы в программе съезда в Линце" (с. 13).

Поскольку в 20-е годы австромарксизм для одних полностью совпадал с политической линией австрийской социал-демократии, а другие выделяли в нем правое крыло во главе с К.Реннером, центр во главе с О.Бауэром, левое - Ф.Адлером и М.Адлером, то Маррамао считает ошибочным оценивать австромарксизм как единое и однородное явление (здесь и далее выделено автором. - Реф.).

Маррамао полностью разделяет данное Бауэром в 1927 г. определение австромарксизма как "составной части международного рабочего движения, выражающей тенденцию, альтернативную как по отношению к реформизму, так и к большевизму" (с. 18). Маррамао видит в нем попытку найти "третий путь" между социал-демократией и ленинизмом (с. 19). По его мнению, для понимания как многообразия, так и ограниченности австромарксизма следует отказаться и от апологетического, и от сектантского пиквидаторского подходов, до сих пор блокировавших критический анализ узловых проблем прошлого.

2. Война и международный поворот австрийской социал-демократии

Война и разложение старого государственного аппарата способствовали радикализации австрийской социал-демократии. В ходе войны внутри партии сложилась левая оппозиция, сгруппировавшаяся вокруг кружка, носившего название "Карл Маркс".

Эта оппозиция вела интенсивную борьбу против политики соглашательства, проводимой руководством партии.

Крах II Интернационала и надежда на возрождение Интернационала на новой основе содействовали осознанию необходимости отказа от реформистских позиций. Левое меньшинство австрийской социал-демократической партии заявило в манифесте "Интернационалисты Австрии к интернационалистам всех стран" о своем присоединении к принципам Циммервальда. Ф.Адлер открыто высказался против "социал-патриотической" политики своего отца Виктора Адлера и руководства партии, он резко осудил Реннера, единственного из австромарксистов, оправдывавшего войну.

Однако призывы левых были встречены в партии с равнодушием, что убедило Ф.Адлера в необходимости решительных политических выступлений для преодоления "склеротической пассивности" старого партийного аппарата. 21 октября 1916 г. Ф.Адлер убил Штюргка, главу австрийского правительства, олицетворявшего в глазах народных масс абсолютизм австрийского государства. Германская и австрийская социал-демократии решительно осудили поступок Ф.Адлера. Вместе с тем итальянские социалисты опубликовали приветствие с выражением солидарности, а В.И. Ленин, осудив терроризм вообще, оценил поступок Ф.Адлера как попытку перехода от оппортунистической тактики к "тактике массового революционного действия" (с. 22).

Маррамо отмечает, что ленинский анализ оказался точным, в нем схвачена тенденция развития австрийской политической ситуации. Несколько лет спустя О.Бауэр оценивал поступок Ф.Адлера как "поворотный момент в истории рабочего движения" (с. 22). Подлинным событием стала речь Ф.Адлера на суде. Страстный тон и четкость аргументов, с помощью которых Адлер обличал имперский абсолютизм габсбургского государства и социал-шовинистическое вырождение социал-демократии, нашли живой отклик среди рабочих, воодушевленных сообщениями о свержении царизма в России.

Политическим результатом деятельности Ф.Адлера явилось укрепление левой оппозиции внутри австрийской социал-демократии, которая смогла принять участие в III конференции Цим-

мервадьдского движения (сентябрь 1917 г.). Ф. Адлер был освобожден в ноябре 1918 г. накануне провозглашения республики. В 1921 г. он создал "Союз социалистических партий за интернациональную деятельность", который ставил своей целью объединить "весь революционный пролетариат" и преодолеть раскол между вновь созданным Ш Интернационалом (Коммунистическим) и возрожденным П Интернационалом (Бернским). Союз, известный под названием П 1/2 Интернационала, был обречен на провал. Но, несмотря на поражение, он, по мнению Маррамао, отражал наличие "промежуточной тенденции", постоянно сохраняющейся в социалистическом движении (с. 24).

3. Социалистическая революция и национальный вопрос

12 ноября 1918 г. была провозглашена Австрийская республика. Социал-демократическая партия оковчательно отказалась от иллюзии спасти многонациональную структуру старого габсбургского государства и решила принять право народов на самоопределение. Новый лидер австрийских социал-демократов Бауэр, убедившись в невозможности мирной эволюции империи в федерально-демократическом направлении, стал одним из самых убежденных сторонников самоопределения наций и поборником объединения с новой республиканской Германией.

Среди австромарксистов не было единства мнений по национальному вопросу, что привело их к глубокому расколу и к изоляции Реннера. До войны Бауэр, как и Реннер, поддерживал требование сохранить многонациональный характер габсбургского государства как условие политического единства самой социал-демократической партии. Но даже в период их идейного "согласия" между ними существовали значительные расхождения.

Маррамао подчеркивает, что Бауэр, в довоенный период сводил понятие "нация" к чисто "культурному" явлению. Однако уже в 1907 г. он увидел особое значение национального вопроса в эпоху империализма: "В эпоху зрелого капитализма, в эпоху картелей, трестов, крупных банков вопрос о националь-

ностях, преданный буржуазией, законно переходит к рабочему классу" (с. 26). Выдвинутая Бауэром в то время идея федерации автономных наций в рамках габсбургского государства могла показаться близкой теориям Реннера, однако Бауэр не рассматривал ее как устойчивую постоянную "модель", а только как временное решение. "Пробуждение наций без истории" расценивалось им как "одно из наиболее важных явлений, связанных с современным экономическим и социальным развитием", и в этом пробуждении он видел "одну из мировых революционных сил нашей эпохи" (с. 26). Еще в довоенный период Бауэр с недоверием относился к "габсбургскому мифу" о многонациональном государстве как о "гармоническом сочетании противоречий". Напротив, у Реннера эти взгляды укоренились надолго, и в 1917 г. он верил, что война устранила разногласия между национальностями.

После Октябрьской революции в России и Ноябрьской революции в Германии, подчеркивает Маррамао, во взглядах Бауэра произошел качественный скачок. В январе 1918 г. Бауэр приветствовал требование В.И.Ленина о праве наций на самоопределение и резко осуждал политику соглашательства с господствующими классами, проводимую социал-демократией в годы войны. Политика компромиссов убивала веру масс в способность социал-демократической партии стать после победы поборником свободы народов. Он критиковал выдвинутую Реннером концепцию "региональной автономии", оставлявшей в сущности нетронутой старую структуру государства. Хотя Бауэр и был убежденным сторонником самоопределения наций, но вплоть до падения германского рейха он видел свой идеал в свободной федерации наций.

После Ноябрьской революции Бауэр становится ярким поборником присоединения Австрии к Германии. По мнению Маррамао, заблуждения Бауэра относительно создания большой пангерманской республики связаны с идеей преодоления исторического разделения немецкой нации. В обоснование своей концепции присоединения Бауэр обращался не к идейно-культурным аспектам проблемы, а к экономическим причинам. Моподой Австрийской республике грозила опасность из-за отсутствия сельскохозяйственной продукции, поступавшей раньше с

территории Венгрии, и недостатка промышленных изделий, производство которых было сосредоточено в значительной мере на территории Чехословакии.

Кроме экономических, как полагает Маррамао, у Бауэра были и важные политические мотивы. Возможно, что он надеялся благодаря анштосу создать объединенную социал-демократическую партию, в которой слились бы традиции массовой рабочей партии, характерные для германской социал-демократии. Бауэр безуспешно пытался, как об этом свидетельствуют архивные документы, использовать все дипломатические средства, чтобы склонить немецкое республиканское правительство принять проект анштоса. Убедившись в невозможности реализовать свой план, Бауэр ушел в отставку с поста министра иностранных дел. Он вынужден был несколько лет спустя признать, что рабочий класс оказался равнодушен и даже враждебен к его предложению о присоединении к Германии. Тем не менее Бауэр придерживался этой идеи вплоть до прихода фашизма к власти. Маррамао полагает, что проект Бауэра о создании большой германской социалистической республики свидетельствовал о недопонимании им и недооценке национальных различий (с. 31).

4. Австромарксизм и Октябрьская революция

В Австрии переход от старого к новому государству совпал с глубокой организационно-политической перестройкой социал-демократической партии. Бауэр сумел повести партию по новому курсу, сохранив единство ее рядов. Годы, проведенные в русском плену, были весьма важны для идейного формирования Бауэра. Вернувшись в Вену, он сблизился с левым кружком "Карл Маркс". Бауэр осуждал крайние позиции и заявлял о своей солидарности с русскими меньшевиками-интернационалистами.

Маррамао подчеркивает своеобразие оценок Бауэра. Опыт пролетарской революции в России на практике подтвердил теоретические положения, изложенные Бауэром еще в 1907 г. о том, что марксизм никогда не может стать ортодоксальным учением, что он является

научной теорией, способной обогащаться и развиваться с течением времени. Несмотря на ошибки и пересмотр в 1917–1936 гг. некоторых своих оценок русской революции, Бауэр сохранил неизменной основную теоретическую посылку: русская революция представляет собой решительный поворот в развитии мировой истории, и от победы или поражения строительства социализма в Советском Союзе зависит судьба европейского рабочего класса.

“Все будущее социализма, – писал он, – зависит от того, удастся ли спасти революцию” (с. 33). Эта оценка находилась в резком противоречии с позициями европейской социал-демократии. Несмотря на то что Бауэр ошибался (затем он признал свою ошибку) и писал о близком и неизбежном поражении Октябрьской революции, он твердо стоял за признание “значения уроков Октября” для разработки стратегии революции на Западе. По мнению Маррамао, лидеру австромарксистов чуждо было осуждение Октябрьской революции в духе Каутского, он не разделял оппортунистических оценок, свойственных представителям правой социал-демократии, не желавшим извлечь из русского опыта общезначимые выводы и пересмотреть теорию и тактику европейского рабочего движения. Бауэр указывал на необходимость учета позиций большевиков в вопросах создания стратегий перехода к социализму в Европе. Для него солидарность с большевиками как представителями нового государства, рожденного революцией, являлась неотъемлемым условием: “Мы должны стать на сторону большевиков, с которыми были и будем связаны интернациональной общностью классовых интересов пролетариата и общностью идей социализма” (с. 35). Солидарность Бауэра с русской революцией вела к признанию необходимости курса на единство рабочего движения, который противопоставался линии социал-демократии во время войны.

Наиболее значительным произведением Бауэра этого периода стала работа “Большевизм или социал-демократия?”¹⁾

---

1) Bauer O. Bolschewismus oder Sozialdemokratie? – 3. Aufl. – Wien, 1921. – 120 S.

Бауэр признавал всемирно-историческое значение русской революции, но в большевизме видел лишь "один из возможных методов пролетарской революции". Для него большевизм был связан с особенностями борьбы русского промышленного пролетариата, действовавшего преимущественно в сельскохозяйственной экономической среде. Отсюда делается вывод о необходимости поиска "автономных национальных путей" (с. 36). В этом Маррамао видит расхождение между Бауэром и Каутским в понимании русской революции и одновременно близость оценок Бауэра к позициям В.И.Ленина, несмотря на постоянную критику последним австромарксистов.

Бауэр пришел к выводу о важности демократического пути для революции в странах Запада. В этом его отличие от Каутского, который шел по пути механического приобщения к русской ситуации схемы "производительные силы - производственные отношения", чтобы затем ограничиться констатацией, что Октябрьская революция есть "преждевременные роды" и потому она лишена жизненной силы. Бауэр, напротив, видел в деятельности большевиков активное политическое выражение настоятельной исторической необходимости остановить процесс социального распада страны, преодолеть изоляцию небольшого ядра - промышленного пролетариата, игравшего в России роль авангарда и сознательного руководителя в деле развития производительных сил. Поэтому для Бауэра большевики являлись "несомненно революционной и несомненно социалистической партией" (с. 36).

В своей концепции демократии Бауэр ввел различие между "социальным" и "политическим" моментами революционного процесса. Анализируя отличие Французской революции 1789 г. от революции 1848 г., он отмечал, что первая носила "социальный" характер и породила диктатуру "городского плебса", которая высвободила производительные силы, отменив феодальные отношения собственности; вторая революция носила характер "исключительно политический". В России повторилась ситуация Великой французской революции, поскольку диктатура меньшинства (на этот раз рабочего меньшинства) представляла собой историческую необходимость, как это уже было в 1789 г.

Совершенно иной представлялась ему ситуация в Центральной и Западной Европе, где феодальные оковы были устранены предыдущими революциями. Пролетариат, полагал Бауэр, сможет здесь осуществить свое классовое господство только в том случае, если будет способен повести широкие массы трудящихся к организации новых форм экономики и общества.

Анализируя перспективы зародившегося Советского государства, Бауэр видел основу его будущих проблем в противоречии между городом и деревней. Он, как отмечает Маррамао, ошибочно полагал, что после разгрома "внешних врагов" революции, смогут выявиться внутренние противоречия между крестьянством и рабочим классом. Для Бауэра победа революции и выживание нового государства зависят от способности партии установить тесные связи с крестьянством. Руководство социально-политическим процессом со стороны малочисленного рабочего класса может быть оправдано только той политико-педагогической ролью, которая ему отведена в силу исторической необходимости: перед ним стоит задача поднять массы русского крестьянства из состояния феодального варварства и создать тем самым условия для расширения социальной базы Советской власти. "Диктатура пролетариата в России, — заключал Бауэр, — представляет собой не преодоление демократии, а этап развития в направлении к демократии" (с. 38).

Анализируя русский опыт, Бауэр высказал предположение о возможности создания в Советской России в процессе культурно-исторического подъема широких масс "смешанных социальных форм", которые еще невозможно определить. Соотношение в новых формах социалистических и капиталистических черт будет также зависеть от развития процесса преодоления капиталистического способа производства в остальном мире. Бауэр придавал большое значение тому, как Советский Союз сумеет преодолеть элементы "этатизации", "огосударствления", замораживающие процесс демократизации. Альтернативное решение этой проблемы Бауэр видел в сочетании элементов центрального планирования и самоуправления, политических институтов и "промышленной демократии" и т.д.

Во взглядах Бауэра Маррамао видит попытку левых социалистов преодолеть ограниченность, узость концепций Каутского,

который, исходя из посыпки — "нет социализма без демократии", клеймил опыт большевиков как "неспособную к реформированию антисоциалистическую диктатуру" (с. 39). Одновременно Каутский, ревизуя марксизм, считал наиболее приемлемой формой перехода к социализму коалиционное правительство, отвергая тем самым учение о диктатуре пролетариата.

Глубокая разница в оценках большевизма, данных Бауэром и Каутским, сохранилась и в 30-е годы. В то время как Бауэр углубил и частично пересмотрел свои позиции в связи с укреплением советской экономики (которая опровергла все прогнозы социал-демократии в 20-е годы), Каутский настаивал на "неизбежности и полезности краха большевизма" (с.39).

5. Австрийская республика и "советская модель"

Бауэровская концепция "национального пути к социализму", его отказ от "советской модели" сыграли решающую роль в ориентации СДПА в момент подъема массовых движений, пробужденных Октябрьской революцией. После провозглашения республик Советов в Венгрии и Баварии (март-апрель 1918 г.) в России ожидали также революционного выступления в Австрии. По мнению Маррамао, австрийские коммунисты неудачно пытались поднять рабочий класс на вооруженное восстание, что привело к изоляции австрийской компартии и "послужило укреплению политической гегемонии социал-демократов" (с. 40).

Выразив солидарность с венгерской революцией, Бауэр в письме к Б.Куну¹⁾ изложил мотивы своего несогласия с линией на вооруженное восстание. Он высказал убеждение в невозможности установления диктатуры пролетариата в Австрии по двум причинам: первая — внутриполитического характера — связана с особенностями социальной структуры в Австрии, с преобладанием мелкобуржуазного крестьянства, враждебного рабочему классу и готового на гражданскую войну в случае установления диктатуры пролетариата; другая

---

¹⁾ Bauer O. An Bela Kun. — Werkausgabe. Wien, 1980, Bd 9, S.1056-1061.

причина – внешнеполитического характера – связана с экономической и военно-стратегической зависимостью немецкой Австрии от держав Антанты.

Маррамао полагает, что причины, изложенные Бауэром, верно отражали австрийскую ситуацию, которая в корне отличалась от венгерской. Большая часть социал-демократических и коммунистических историографов ограничилась констатацией (но с разными оценками) того, что Бауэр выдвинул классические аргументы реформизма против теории революции. Однако в этом случае, как и в отношении русской революции, его анализ в значительной мере отличался от оценок Каутского. Бауэр в письме к Куну обратил внимание на то, что их разделяют лишь "тактические расхождения", связанные со сложностью революционного процесса.

6. Бауэр и Каутский о "пути к власти": две концепции демократической стратегии

Для изучения важных стратегических проблем, в частности соотношения между уровнем капиталистического развития и политической линией рабочего движения, большой интерес представляет дискуссия между Бауэром и Каутским, развернувшаяся в 1909 г. после опубликования последним брошюры "Путь к власти" ¹⁾.

В своей работе Каутский решительно отвергал тактику создания коалиционных правительств на том основании, что после периода эфемерного примирения противоречия между буржуазией и пролетариатом неизбежно обостряются. Бауэр считал ошибочным обосновывать необходимость политической борьбы исходя из механистической концепции неизбежной радикализации в результате различия экономических интересов двух классов. Он решительно отвергал мнение тех, кто полагал, что "пролетариат станет достаточно зрелым только тогда, когда не сможет больше добиться никакого частичного успеха при господстве буржуазии" (с. 45).

---

¹⁾ Kautsky K. Der Weg zur Macht. - В., 1909. - 104 S.

Иным, чем у Каутского, был у Бауэра анализ развития капитализма. Если у Каутского центральное место занимал феномен концентрации, то Бауэр видел в этом признак существенной новизны и усложнения структуры капиталистического развития. Он стремился в связи с этим выявить зависимость между новой фазой капиталистического развития и ролью идеологии как средства организации широких масс. Бауэр призвал рабочее движение обратить внимание на необходимость постановки сложных политико-стратегических задач, что было чуждо проблематике, разрабатывавшейся Каутским.

Маррамао выделяет два важных момента, характерных для теоретических разработок австромарксизма в эти годы:

1) в то время как Каутский придерживался старой теории о пролетаризации и обнищании вследствие противоречия между капиталистами и рабочими, Бауэр — один из немногих социал-демократов — увидел внутреннюю неоднородность процесса капиталистической концентрации и огромное усложнение процесса социального расщепления, которое становится все труднее свести к дихотомической структуре: буржуазия — пролетариат;

2) если Каутский воспринимал как "неизбежное" стремление рабочего класса к развитию своей профсоюзной и политической организации повсеместно, вне зависимости, обладает ли он социалистической идеологией, то Бауэр считал, что это не могло происходить без внесения (в рабочее движение) теоретического сознания, той "науки организации", которой капиталистический класс уже располагал и которую могла дать рабочему классу только партия. В этом плане австромарксисты и предлагали строить отношения между социализмом и интеллигенцией, учитывая своеобразие социальной роли интеллигента как "носителя науки" (с. 47).

Маррамао оспаривает широко распространенное мнение, будто Бауэр был теоретиком "коалиции". Бауэр считал абсурдом оценивать коалиционное правительство как "модель" перехода, заменяющую диктатуру пролетариата. С его точки зрения это так же нелепо, как противопоставлять метод диктатуры демократическому методу. Хотя в 1920 г. Бауэр писал, что рабочая партия не может отвергнуть "коалицию в принципе",

однако на практике он тогда же выступил одним из инициаторов и твердых сторонников выхода из коалиционного правительства.

Когда в 1928 г. перед социал-демократами вновь встал вопрос о вступлении в коалицию с Христианско-социальной партией, Бауэр выразил свое отрицательное отношение: "Мощный механизм подавления, через который капитал подчиняет себе демократию, продолжает функционировать, даже когда в правительстве сидят социал-демократы. Конечно, понимание этой опасности не означает, что социал-демократия никогда не должна входить в коалиционное правительство. Однако социал-демократия может участвовать в коалиции только тогда, когда в правительстве она будет достаточно сильной, чтобы эффективно действовать в интересах рабочего класса... Чтобы не порождать излишних надежд и разочарований, следует сказать рабочему классу, что в капиталистическом обществе любое правительство подвергается давлению идейно-экономического механизма господства капитала" (с. 51).

7. Провал плана социализации и "Красная Вена"

Исследователи, стоявшие на позициях III Интернационала, большей частью видели причину поражения австрийского рабочего движения в 1934 г. в "оппортунистическом отказе" Бауэра от диктатуры пролетариата. По мнению Маррамао, они не поняли, что "подлинная слабость австрийской социал-демократии заключалась в сфере экономической политики" (с. 52). В работе "Путь к социализму"¹⁾ Бауэр писал, что крупной рабочей партии приходится сталкиваться со значительными трудностями при решении важного вопроса: как сочетать свою государственную деятельность с постепенным преобразованием производственных отношений в направлении к социализму. Пытаясь ответить на этот вопрос, Бауэр изложил в работе проект социализации.

---

1) Bauer O. Der Weg zur Sozialismus. - Wien, 1919. - 32 S.

Планы социализации встретили решительное сопротивление со стороны буржуазной Христианско-социальной партии, что в значительной мере способствовало их провалу. В результате социал-демократы не смогли национализировать крупные австрийские предприятия в горнодобывающей и строительной промышленности.

Маррамао объясняет провал планов социализации теоретической слабостью и непоследовательностью самой концепции, разработанной Бауэром. Вкратце основные идеи этой концепции сводятся к следующему:

1) социализацию следует начинать с крупных промышленных предприятий, где процесс концентрации и организации достиг такой степени зрелости, что роль "хозяина", владельца становится излишней;

2) мелкие и средние предприятия следует оставить промышленникам, которые подлежат государственному контролю и "обязательной кооперации";

3) в сельском хозяйстве следует сохранить частную собственность, так как осуществить в Австрии коллективизацию земли не представляется возможным (с учетом психологии крестьян. - Реф.);

4) все банки постепенно социализируются и сливаются в один центральный банк, который, располагая капиталами всего общества, сможет в будущем контролировать финансирование промышленности и решать проблему капиталовложений.

Маррамао отмечает главный недостаток проекта - отсутствие указаний относительно проблемы финансирования мероприятий по экспроприации промышленных предприятий и муниципализации строительства. Другой недостаток - попытка комбинировать программирование сверху и контроль снизу со стороны производителей. Это привело к созданию смешанных комиссий, где были представлены интересы государства, профсоюзов и потребителей. Роль Советов в области экономической политики оставалась неясной. Даже М.Адлер, который в большей мере, чем Бауэр, подчеркивал значение рабочих Советов, не шел дальше туманной перспективы сочетания Советов с Национальным советом. В предложениях австрийских социал-демократов отсутствовали указания о средствах экономичес-

кой политики, с помощью которых они намеревались начать процесс перехода к социализму. Перспектива, таким образом, рассеивалась в абстрактных декларациях о конечной цели. Отсутствие общего плана реформы политических институтов закрепляло за государством "регулирующие функции".

После острой борьбы социал-демократы сумели провести лишь некоторые из намеченных мер по социальному законодательству: закон о пособиях по безработице, закон о 8-часовом рабочем дне, закон о труде надомников и о детском труде и т.д. Закон о производственных советах на предприятиях, который вводил элементы демократии на предприятии, оценивается Маррамао как "модель соучастия", т.е. "классически реформистская модель, оказавшаяся неспособной повлиять на структуру производственных отношений и существенно расширить демократию в государстве и республиканских институтах" (с. 55). Провал проекта социализации Маррамао объясняет тем, что уже в социал-демократической программе был виден разрыв между частным и общим, между конечной перспективой и реальным движением.

После выхода из правительства австрийская социал-демократия сосредоточила свои усилия на управлении Веной. Она попыталась, используя городскую автономию, осуществить то, что не удалось ей на национальном уровне. Однако широковещательные заявления социал-демократов о "распределительной справедливости", которая якобы была осуществлена через систему налогообложения непроизводительных, городских споев, в действительности, полагает Маррамао, выпилась в сбор средств для спасения капиталистической экономики, причем рабочему классу не принадлежали рычаги государственного контроля над экономикой, с помощью которых можно было бы направить в другое русло результаты суровой экономической политики.

В период деятельности социал-демократической администрации Вена была почти полностью очищена от враждебных пролетариату сил. Это привело к резкому отрыву столицы от остальной страны - от деревень, где христианско-социальная партия с успехом вела антисоциалистическую пропаганду, вызывая у крестьян и мелких буржуа ненависть к "красной и еврейско-марксистской Вене" (с. 58).

8. П 1/2 Интернационал и дискуссия о "едином фронте между большевизмом и социал-демократией"

В 1921 г. в обстановке спада революционного движения в Европе Бауэр в предисловии ко второму изданию работы "Путь к социализму" стремился учесть новые моменты и углубить анализ стратегии рабочего движения. Неосуществленность надежд на завоевание политической власти рабочим классом в Германии и на присоединение немецкой Австрии к Германии сделали, по его мнению, невозможным претворение в жизнь плана социализации. В связи с этим, полагал Бауэр, "путь к социализму представлялся более длительным и более трудным, чем в 1918 г." (с. 58). В том же предисловии Бауэр уже четко говорил о плорализме путей к социализму.

Эти причины, считает Маррамао, породили создание Союза социалистических партий (февраль 1921 г.), известного как П 1/2 Интернационал. Его организаторы видели в нем средство восстановления международного единства пролетариата на основе признания тактических различий в период, когда революционный процесс стал более сложным и противоречивым по сравнению с надеждами и предположениями 1917-1918 гг.

Потребность в единых действиях отвечала объективной тенденции, существовавшей в рабочем движении. Она была высказана широкими слоями социал-демократии и Ш Интернационалом. Тезисы Исполкома Коминтерна о едином фронте, принятые в декабре 1921 г., казалось, открывали новую перспективу. Однако созданная в апреле 1922 г. в Берлине конференция трех Интернационалов не имела успеха. Вину за провал унитарной инициативы Маррамао возлагает, прежде всего, на П Интернационал, а также и на Венский интернационал (П 1/2 Интернационал).

В Коминтерне тоже не было единства по вопросу о едином фронте. В то время как В.И. Ленин создавал всю сложность стратегических и организационных проблем, связанных с линией единого фронта, значительная часть Коминтерна стремилась свести этот вопрос к тактике "разоблачения" оппортунизма "правых и левых" реформистов (с. 60). Маррамао отмечает близость между позициями В.И. Ленина, поддерживавшего

политику единого фронта, и призывами О.Бауэра к единству и диалектическому сопоставлению различных линий. Выступая на Берлинской конференции, Бауэр подчеркивал необходимость связать универсальный характер Октябрьской революции со спецификой отдельных стран, а также отмечал важность завоевания большинства сторонников как предварительное условие любого процесса перехода к социализму.

Однако оригинальность позиций австромарксизма, как полагает Маррамао, не была оценена должным образом даже таким серьезным критиком, как К.Радек. Причина недопонимания и недооценки связана с трактовкой III Интернационалом политики единого фронта, о чем свидетельствуют тезисы о тактике, одобренные IУ конгрессом Коминтерна (5 декабря 1922 г.). Согласно изысканному схематичному анализу текущий момент оценивался в них как "период заката капитализма", а "крах капитализма" объявлялся неизбежным (с. 62).

В сравнении с этой установкой анализ австромарксистов, при всех колебаниях и противоречивости, представляется более плодотворным. В нем содержатся совершенно иные основные посылки: утверждение, что капитализм вступает в период реорганизации (позже Коминтерн назовет его периодом "частичной стабилизации"), потребовало новой, отличной от каутскианской, постановки вопроса о демократии.

Хотя Радек и критиковал австромарксистов за разрыв между теорией и практикой, но, как отмечает Маррамао, он пытался ввести объективный критерий в трактовку краха II Интернационала и левых тенденций внутри социал-демократического лагеря. В основе этой аналитической трактовки лежал ленинский тезис о "рабочей аристократии" как социальной базе союза между реформизмом и империализмом. Радек особенно резко критиковал австромарксизм за отказ от концепции "неизбежности революционной борьбы", в связи с этим он сводил левосоциалистические тенденции в европейской социал-демократии к разновидности старого реформизма, а в Бауэре видел ученика Каутского и представителя каутскианства.

Предвидение Радеком и Коминтерном радикализации революционных процессов не оправдалось. В 20-е годы не произошло "растворения австромарксизма", напротив, начався (с

1926 г.) период его наибольшего влияния в рабочем движении Центральной Европы.

В работе "Большевизм или социал-демократия?" Бауэр наметил в туманной и нечеткой форме промежуточную линию между "фетишем демократии" Каутского и "советской моделью" Ленина. В то же время он выдвинул тезис, согласно которому социальная и политическая революции должны основываться на непрерывности, а не насильственном прекращении экономического развития, т.е. при сохранении роста производительных сил. Этот тезис, отмечает Маррамо, несомненно близок теории "организованного капитализма" Гильфердинга, однако у Бауэра особое значение придается взаимодействию "политического" и "социального" компонентов.

В странах, где пролетариат получит политическую власть демократическими средствами, не произойдет, по мысли Бауэра, нарушения непрерывности деятельности государственной и экономической машины. Сохранение непрерывности, бесспорно, замедлит процесс революционных преобразований существующих социальных отношений, но это обеспечит "плановое, систематическое преобразование" (с. 66). Только оно и может служить формой перехода к социализму в странах развитого капитализма. Выбор демократического пути ставится Бауэром в тесную связь с эволюцией классовой структуры общества и с процессами материального развития.

Для обоснования взаимосвязи между демократией и новой фазой развития классовой борьбы Бауэр ввел понятие "социальные факторы власти" класса, подчеркивая их отличие от понятия "материальные факторы власти". "Социальные факторы власти" заключаются в численной мощи класса, в его сплоченности и в действительности его организаций, они определяются также местом класса в процессе производства и распределения, его политической гибкостью, силой его идей, способных привлечь другие классы. "Материальные факторы власти" состоят в материальной силе, определяющей количественный и качественный потенциалы борьбы, в военной организации класса. "Демократия — это форма правления, при которой соотношение власти, выраженное государством, определяется исключительно социальными факторами власти при условии, что материальные

средства не нарушают это равновесие. "Генеральная воля" демократического государства есть не что иное, как производное от социальных факторов власти" (с. 67).

Бауэровская концепция демократии обнаруживает возможность преодоления ограниченности формально-юридического подхода, позволяет увязать его с социальной динамикой в обществе. Вместе с тем, отмечает Маррамао, Бауэр недооценивал фактор силы, имеющий решающее, если не исключительное, значение для достижения социального консенсуса.

Однако Бауэр вскоре понял непоследовательность своей "теории социальных факторов" и существенно пересмотрел связи между "формальным" пониманием демократии и действительным соотношением классовых сил.

9. Теория Бауэра "государства равновесия" и полемика с Кельзеном о марксизме и государстве

В книге "Австрийская революция"¹⁾ Бауэр определил период 1919-1922 гг. как "период равновесия классовых сил", когда государство перестало быть орудием диктатуры буржуазии. Австрийское государство в этот период он называет "народной республикой", поскольку оно уже не являлось "ни инструментом классового господства буржуазии над пролетариатом, ни орудием классового господства пролетариата над буржуазией", а скорее всего было "результатом равновесия классовых сил" (с. 68).

Этот тезис был подвергнут Х.Кельзеном²⁾ резкой критике. Он выдвинул два основных возражения: во-первых, концепция Бауэра существенным образом расходится с марксистской концепцией государства; во-вторых, он упрекал Бауэра в непоследовательности, поскольку тот не хотел отказаться в пер-

---

1) Bauer O. Österreichische Revolution. - Wien, 1923. - 294 S.

2) Х.Кельзен - профессор, правовед. Вместе с М.Майером разрабатывал австрийскую конституцию 1920 г. - Прим.реф.

спективе от государства, управляемого исключительно рабочим классом, т.е. от диктатуры пролетариата. Тезис Бауэра о том, что соотношение власти между классами является результатом количественных изменений, должен привести, по мнению Кельзена, к заключению, что и дореволюционное государство не было классовым орудием буржуазии, а потому и государство будущего не будет орудием господства только рабочего класса. Сам Кельзен утверждал, что равновесие сил зависит не от того коалиционное или некоалиционное правительство, а от действительной власти, которую рабочий класс сумел завоевать в экономическом и законодательном плане. Состояние "равновесия сил" связано с усилением пролетариата, начавшимся еще до войны, а потому между дореволюционным и послеволюционным государством в Австрии, заключал Кельзен, не было какой-либо качественной разницы. Отсюда Кельзен делал вывод, что Бауэр, будучи последовательным, должен был прийти к отказу от марксизма как аналитического метода, ставшего несовершенным и архаичным.

Бауэр понимал, что "неокантианский" формализм Кельзена, вследствие его наукообразия, представлял опасную попытку "дереволюционизировать" рабочее движение. Это грозило разрывом связи, свойственной марксизму как революционной теории, между наукой и критикой, между движением и конечной целью. С другой стороны, за критикой Кельзена стояла реальная проблема: привести в соответствие марксистскую идеологию с новой исторической ситуацией, когда рабочий класс, обретая политическую зрелость, по-новому ставит проблему государства в капиталистическом обществе.

Защищая свое толкование австрийской революции, Бауэр ссылаясь на то, что в теоретическом плане его анализ соответствует Марксову анализу французской революции 1848 г. и "бонапартизма" как периодов равновесия классовых сил. Маркс отмечал, что социальное равновесие проявилось в двух различных формах государства: временный раздел власти между буржуазией и пролетариатом (во Франции в марте - апреле 1848 г.) и в подчинении обоих классов "бонапартизму" (1851).

Пolemизируя с Кельзеном, Бауэр отмечал, что тот в своей критике основывался на упрощенной трактовке, утвердив-

шейся в рабочем движении в связи с практической необходимостью разъяснить борющимся массам общие принципы исторического материализма. Это породило "вульгарный марксизм", который "из марксистского учения берет только самые общие аксиомы и самые элементарные аналитические принципы" (с. 75). Маррамао считает, что эта критика Бауэром "вульгарного марксизма" была обращена также против ортодоксальных теорий Каутского.

10. Диктатура и демократия: Реннер, Бауэр и Макс Адлер

В работе "Марксизм, война и Интернационал"¹⁾ К.Реннер изложил свою теорию государства. Освободившись однажды от внешних оков частного интереса, государство само, утверждает Реннер, осуществит переход к социализму, поскольку оно по своей внутренней природе нацелено на удовлетворение общих социальных интересов.

Позиция Бауэра была совершенно иной. Он понимал, что рабочее движение, приобщившись к борьбе за демократию, устанавливает новые отношения между политическими и государственными институтами.

Маррамао отмечает, что теория "народного государства" у Бауэра весьма далека от идей Э.Бернштейна, считавшего, что "народное государство" не является больше орудием классов, поскольку его характер определяется огромным большинством народа через всеобщие выборы. Бауэр же, анализируя государственные институты, учитывает уменьшение популярности формальной демократии и парламентаризма. Власть и контроль буржуазии над органами печати, образованием, над самим избирательным механизмом выхолащивают демократический характер выборов. Все это привело рабочий класс к борьбе против чисто парламентской демократии. В этой борьбе родились в рабочем движении новые концепции государства - от

---

¹⁾ Renner K. *Marxismus, Krieg und Internationale*. - Wien, 1917. - 384 S.

идеи Советов в России до "гильдейского социализма" в Англии.

Бауэр пытается найти решение проблемы в синтезе двух форм демократии, развивающихся параллельно в капиталистическом обществе — "политической" и "промышленной" (с. 79).

"Политическая демократия", по его мнению, основывается на демократической организации государства и его институциональной структуре, "она признает гражданина как такового" и представлена избирателями. Вторая возникает на основе переплетения деятельности крупных профсоюзов и потребительских кооперативов, включая профсоюзы служащих и чиновников и сельскохозяйственные кооперативы, т.е. организует людей согласно их месту и роду деятельности в производственном процессе. С развитием институтов "промышленной автономии" утверждается концепция "функциональной демократии", которая в противоположность "политической демократии" признает в качестве единственно демократического субъекта трудящиеся классы, организованные по месту работы и в кооперативные ассоциации. Этот дуализм может быть преодолен, по мысли Бауэра, путем сочетания "политической" и "функциональной" демократии.

В концепциях Бауэра было много точек соприкосновения с тезисами "теоретической левой", возглавлявшейся М. Адлером. Маррамао отмечает, что в полемике с Кельзенем М. Адлер разработал в эти годы очень важные тезисы по вопросу о соотношении диктатуры и демократии. Адлер вначале попытался вернуть понятию "диктатура пролетариата" значение, которое оно в действительности имело у Маркса. Он пришел к заключению, что диктатура пролетариата у Маркса "отличается институциональной неопределенностью", выражая господство рабочего класса, она может иметь различные политические формы" (с. 82).

Анализируя проблему демократии, М. Адлер ввел различие между "политической" и "социальной" демократией. "Политическая демократия" — это формальное выражение воли общества в целях утверждения частных интересов класса, господствующего над другими, и потому также является формой диктатуры. "Социальная демократия", напротив, совпадает у М. Адлера с реальной и полной демократией, которая возмож-

на только в бесклассовом обществе. С точки зрения Адлера, подлинный антагонизм существует не между "диктатурой" и "политической демократией", а между "диктатурой" и "социальной демократией", к которой можно прийти только через диктатуру пролетариата, понимаемую как осуществление социальной власти рабочего класса в форме демократического государства (с. 82).

Взгляды Бауэра и Адлера значительно отличались от анализа германских социал-демократов. Во второй половине 20-х годов эти расхождения еще более углубились. Маррамо отмечает, что богатству и сложности теоретической постановки проблем в австромарксизме не соответствовала столь же глубокая разработка стратегии и способность принимать конкретные решения.

11. Линцская программа и разногласия с теорией "организованного капитализма" Гильфердинга

В 1926 г. на съезде в Линце СДПА приняла программу, которая оценивалась международной социал-демократией как поворот влево и коренной пересмотр программных установок 1889 и 1901 гг. Программная резолюция фактически отражала принятие партией теории Бауэра о "равновесии классовых сил" и признание принципа демократии как основы борьбы рабочего класса. Она предусматривала также возможность прибегнуть к насилью (теория "оборонительного насилия") в случае контрреволюционного выступления буржуазии против республиканской конституции. В то же время в программе отвергалось противопоставление диктатуры демократии как искажение учения Маркса и Энгельса, для которых демократия была одной из форм осуществления диктатуры пролетариата.

Под давлением Бауэра в политическом плане в программе наибольшее внимание уделялось проблеме средних слоев и союзов, которым отводилась важная роль в борьбе за завоевание большинства общества. Успех классовой борьбы зависит от завоевания средних слоев, считал Бауэр, а потому вопрос о союзах в новой исторической ситуации рассматривал-

ся им как "проблема, характерная для периода развитого капитализма и нового этапа классовой борьбы, когда происходит сложное социальное расщепление, деформируются в массовом порядке внутренне неоднородные и разнохарактерные группы, составляющие средние слои" (с. 85). Стратегия, стремящаяся объединить трудовой под, должна вносить дух классовой борьбы во все слои общества – от крестьян, ремесленников и служащих до функционеров и научной интеллигенции.

Программа, принятая в Линце, значительно отличалась от неозволюционизма, утвердившегося в те годы в германской социал-демократии, что отразилось в концепции "организованного капитализма" Гильфердинга. Согласно этой концепции предполагалась "замена капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планового производства" (с. 86). По мнению Гильфердинга, предпосылки нового общества обнаруживаются в элементах организации зрелого капитализма. Важная роль в его концепции отводилась рабочему движению, поскольку его организованная сила помешала рабочему классу развиваться в направлении абсолютного обнищания и привела трудящихся к важным завоеваниям в области прав и заработной платы. Таким образом, с развитием капитализма, полагал Гильфердинг, происходит смягчение, а не обострение внутренних противоречий. С введением государственного регламентирования отношений "труд – капитал" были созданы элементы рационального планирования, открывающие перспективу постепенного перехода к социализму. Гильфердинг отводил государству ведущую роль в реализации этого перехода.

Проблематика "организованного капитализма" была близка австромарксизму. Реннер проводил четкий водораздел между экономикой, которая продолжала служить "частным" интересам капиталистического класса, и государством, все больше исполняющим "роль социального администратора", служащего "интересам пролетариата". Для Реннера непременным условием социализации было "освобождение государства" рабочим классом. Он считал необходимым для рабочего движения обеспечить преемственность в функционировании экономического механизма и полностью принять существующее государство.

По мнению Маррамао, стратегическая постановка проблем на съезде в Линце в сравнении с гармонией "организованного капитализма" была более многогранной, ее отличало стремление установить связь между стратегическими и текущими задачами. По мнению австрийских социал-демократов, новизна современного этапа развития заключалась не в "организованности", а в политизации капитализма. Один из видных австромарксистов О.Лайхтер критиковал Гильфердинга за отказ различать "формальную демократию" (или чисто политическую) и "социальную демократию" и не видеть соотношения между демократией и развитием капитализма в период, когда взаимозависимость между капиталом и государством становится все более тесной. Этот "динамичный" подход к демократии, по мнению Лайхтера, лежал в основе концепции государства и стратегии борьбы за власть, содержащейся в программе, принятой в Линце.

12. Апория¹⁾ теории "насилия в цепях обороны", поворот 1927 г. и поражение австрийской социал-демократии

Апорию стратегии австрийской социал-демократии Маррамао видит в противоречивом характере концепции "равновесия классовых сил" Бауэра. Эта концепция поставила социал-демократию в положение, при котором она оказалась неспособной решить проблему отношений рабочего движения и государства в период, когда господствующие классы использовали собственную массовую партию и государственные институты, чтобы организовать антирабочие и контрреволюционные выступления крестьян и мелкой буржуазии. Бауэр слишком оптимистично оценивал перспективу завоевания большинства избирателей, что решило бы, по его мнению, "проблему соотношения сил двух противостоящих блоков" (с. 91).

Ярким и драматичным моментом этого особого "дуализма власти" был республиканский шуцбунд, полувойсковая орга-

---

1) Апория - неразрешимая проблема, возникшая в результате противоречия. - Прим. ред.

низация рабочих, созданная в 1923 г. австрийской социал-демократией в ответ на постепенную ликвидацию институтов "функциональной демократии", предпринятую австрийской буржуазией. Однако в решающий момент штурм оказался слабым звеном австрийской социал-демократии. Июньские события 1927 г. и спад австрийского рабочего движения были следствием основного просчета австромарксизма, который Маррамао видит в "недооценке необходимости решать основную задачу — лишить власти буржуазные и реакционные элементы госаппарата" (с. 92). Маррамао отмечает, что, хотя Бауэр с 1908 г. заявлял о необходимости сочетать "парламентскую" и "внепарламентскую" деятельность, на практике он губительно колебался между тем или другим направлением. В 20-е годы это выразилось в метаниях между "могущественными призывами" в парламенте в защиту республики и консолидиацией сил рабочего класса вплоть до "самоизоляции и вооруженной самообороны".

Стратегия союзов, провозглашенная на съезде в Линце, без учета конкретной социальной динамики превратилась в свою противоположность — в чистую пропаганду социализма, игнорирующую позиции политической власти, завоеванные противником. Христианско-социальная партия, опираясь на госаппарат, сумела создать крайне правые организации фашистской ориентации, которые были ее "вооруженной опорой в деревне" в противовес рабочей милиции штурмунда — "вооруженной опоры социал-демократов в городе" (с. 95).

Июньские события 1927 г. показали слабость и двойственность тактики "оборонительного насилия", одобренной социал-демократией на съезде в Линце. Центральная власть располагала мощным репрессивным аппаратом и сумела изолировать "Красную Вену", получив поддержку остальной части страны.

Восстание в феврале 1934 г. было последним актом рабочего движения и партии, оказавшихся неспособными осуществить связь между реформами и революцией, постоянно колебавшихся в ту или другую сторону. Впоследствии отмечает Маррамао, Бауэр самокритично пересмотрел свои взгляды в свете опыта европейского рабочего движения и выдвинул идею "интегрального социализма", стремясь преодолеть раз-

рыв между "реформами" и "революцией", разрыв между двумя противоположными линиями в рабочем движении, который до сих пор "блокирует дискуссию о стратегии революции на Западе" (с. 98).

13. Австромарксизм и левый социализм: "Изменение роли демократии"

С приходом фашизма к власти в Германии и Австрии в центре дискуссии среди левой социал-демократии оказался вопрос об "изменении роли демократии". Интерес к этой проблеме проявили прежде всего группы революционных социалистов в Германии и Австрии, которые объединялись вокруг Социалистического рабочего интернационала и разделяли позиции так называемого "левого социализма". Существенный толчок дальнейшему развитию "левого социализма" был дан в выступлении М.Адлера на съезде в Линце, а позже журналом "Классовая борьба"¹⁾.

Маррамо ставит в заслугу левым социалистам то, что они попытались проанализировать реформизм во взаимосвязи с процессом политического и социально-экономического развития и осознали необходимость "единого фронта" с коммунистическими партиями. Слабость их позиций он видит в самой теоретико-стратегической основе - в оценке "общего кризиса капиталистической системы, вступившей в эпоху упадка" (с. 100).

Недостатки и ограниченность левых социалистов свойственны и взглядам М.Адлера, изложенным в наиболее известной работе "Левый социализм"²⁾, которая служила им теоретической платформой. Выдвигая вопрос об "изменении роли демократии", Адлер вновь обращался к известному различию между "политической" и "социальной демократией" - в облас-

---

1) Klassenkampf. Sozialistische Politik und Wirtschaft. - В., 1927-1931 (?).

2) Adler M. Linkssozialismus. - Karlsbad, 1933. - 49 S.

ти теории и к теориям "демократического государства", с которыми раньше выступали Гильфердинг и Реннер, - в политической области.

Трагическое поражение немецкого рабочего движения показало, по мнению М.Адлера, что "нет ничего более губительного, чем "демократические иллюзии", основанные на преувеличении значения формальной демократии как фактора постепенного "цивилизирования" процесса классовой борьбы" (с. 103).

Анализ фашизма, возникшего в недрах буржуазной демократии, указывал Адлер, должен заставить рабочее движение пересмотреть роль "политической демократии". Когда разочарованные широкие массы (включая тех, кто идет за фашистами) отвергают либерально-демократические ценности, то стратегия рабочего движения не может вновь обращаться к этим ценностям. Необходимо бороться за новую демократическую форму, которая, освободившись от недостатков парламентаризма, вводила бы элементы "социальной демократии", и при этом благодаря Советам стала бы возможной реализация "пролетарской демократии". Тогда, наконец, исчезнет, писал М.Адлер, "смехотворная проблема - ребус политической демократии, когда для завоевания и осуществления власти достаточно добиться процентного большинства... Подобный вопрос встает только там, где политическая демократия сводится к парламентской" (с. 103).

М.Адлер предлагал "третий путь" - альтернативный по отношению к большевизму и реформизму, который, по мнению Маррамао, является промежуточным звеном между ними.

В завязавшейся по этому вопросу полемике участвовал Бауэр, которого обвиняли в том, что он отказался от понятия диктатуры пролетариата, чтобы поддержать иллюзии либеральной демократии. На самом же деле, отмечает Маррамао, в вопросах теории позиции Бауэра не отличались от взглядов М.Адлера, он также отвергал отождествление демократии и парламентаризма и резко критиковал концепцию, согласно которой "политическая демократия" трактовалась как примиренческая ситуация, исключая классовую борьбу. Однако в отличие от Адлера Бауэр считал, что "перед лицом фашистской угрозы борьба за демократию должна представлять в

стратегии рабочего движения первоочередную и объединяющую роль, и было бы политически ошибочно... говорить о диктатуре пролетариата, поскольку этот термин означает для всех модель государства, порожденную большевистской революцией" (с. 104). Позже, уточняя свои концепции, Бауэр ввел различие между либеральным и демократическим государством, последнее составляло для него цель антифашистской борьбы: "Тот факт, что фашизм, либерализм и демократия являются "формами классового государства буржуазии", не означает, что они все являются для пролетариата равнозначными формами" (с. 104).

Разработка теории об "изменении роли демократии" не была, по мнению Маррамао, завершена левыми социалистами. Они не смогли выявить подлинную связь между теорией и историей, целью и движением и ограничились требованием преодоления старой практики рабочего движения, не сумев определить новую политическую линию.

14. "Между двумя мировыми войнами?": анализ фашизма и альтернатива "интегрального социализма"

Маррамао расценивает работу Бауэра "Между двумя мировыми войнами?"¹⁾ как наиболее удачную попытку астромарксизма решить проблемы, поставленные "революционными социалистами". В ней Бауэр, пересмотрев свои предыдущие позиции, проанализировал три кризиса, характеризующие современную ему эпоху: "кризис мировой экономики, демократии и социализма". Маррамао подчеркивает, что именно после своего поражения австромарксизм сумел преодолеть свои противоречия и добиться понимания задач, стоящих перед международным рабочим движением в новую эпоху.

Отмечая новизну мировой ситуации в середине 30-х годов, Бауэр писал: "Социалистическое строительство в Советском Союзе удалось в большей степени, чем это предвидели

---

1) Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Br., 1936. - 355 S.

в 1931 г. В Центральной Европе демократия раздавлена фашизмом. Мы будем сплечами, если в свете этих двух событий всемирно-исторического значения не пересмотрим нашу концепцию пути к социализму" (с. 106).

Бауэр признавал социалистический характер экономической базы, строившейся в СССР. Этот "важный исторический и научный факт" имеет серьезные последствия для западного рабочего движения, которое должно встать на защиту великого эксперимента советского планирования. В обстановке острого кризиса широкие массы трудящихся и интеллигенции во всем мире с доверием смотрят на СССР. Провал социалистического строительства неизбежно приведет к "утрате на длительное время веры в социалистический способ производства", в то время как успех показал бы всему миру "возможность социалистической организации общества" (с. 107).

Эта позиция защиты Советского Союза была тесно связана с перспективой единого фронта международного пролетариата против военной угрозы. В отличие от Каутского и большинства представителей европейской социал-демократии Бауэр полагал, что в СССР в будущем сложится социалистическое общество. Нынешний быстрый темп экономических преобразований (в этой стране) еще не означает, что переход к социализму уже совершен. "Задача, стоящая сегодня, - писал он, - привести социалистическую надстройку в соответствие с революционным экономическим базисом" (с. 108). В разработанной Бауэром концепции "интегрального социализма" указывалось на взаимосвязь международной революционной перспективы с ростом демократии в СССР: "Мы не только должны сплотить рабочий класс вокруг СССР, но и повлечь за него (СССР. - Реф.) развитие. Процесс социалистического строительства будет завершен только тогда, когда диктатура будет заменена социальной демократией" (с. 109).

Бауэр осудил апорию реформизма, которая привела европейскую социал-демократию к поражению. Новые взгляды Бауэра основывались на более глубоком анализе капитализма. Он уже не оценивал кризис 1929 г. ни как "проходящий момент", ни как "безвыходную ситуацию". Бауэр трактовал его как разрыв в структуре капиталистического развития, разрыв.

порождающий новую форму организации капитализма - "управляемую экономику". Однако это не означало еще "рациональной организации экономического процесса, потому что эта новая система государственного управления экономикой не строилась на основе планирования" (с. 110). Кризис 1929 г. ознаменовал, по мнению Бауэра, конец этапа свободной конкуренции и переход к монополистической фазе капитализма.

Маррамо считает, что анализ фашизма у Бауэра близок к анализу А. Грамши и П. Топьянти.

По мнению Бауэра, фашистская диктатура явилась "следствием особого равновесия классовых сил". С одной стороны, буржуазия, даже удерживая государственную власть, не может путем насилия при функционировании демократических институтов восстановить собственные доходы, с другой стороны, рабочий класс, руководимый социал-реформизмом, оказывает массовое противодействие давлению на заработную плату. Но рабочий класс, несмотря на свою организованность, оказывается слишком слаб, чтобы защититься от насилия. Это "равновесие сил, или скорее слабость обоих классов", приводит к победе фашизма (с. 112). Приход фашизма разрушил ипшюзии социал-реформистов и породил необратимый кризис демократии.

Для Бауэра демократия, которую рабочее движение должно завоевать в борьбе против фашизма, не будет больше старой буржуазной демократией. Это должна быть демократия нового типа, пригодная для постепенного перехода к социализму. Восстановление этой концепции демократии, в которой "политический" момент совпадает с "социальным", представляло для Бауэра неотъемлемое условие достижения "интегрального социализма" и преодоления кризиса социализма, вызванного расколом в международном рабочем движении,

Г.М.Наринская

БОТТОМОР Т.
АВСТРОМАРКСИЗМ. ВВЕДЕНИЕ

BOTTOMORE T.

Introduction. - In: Austro-marxism / Texts transl.
a. ed. by Bottomore T. a. Good P. Oxford, 1978,
p.1-44.

В данный сборник включены вводная статья, посвященная анализу отдельных теоретических положений австромарксизма, и подборка выдержек из произведений ведущих представителей этого направления. Составителями сборника являются Том Боттомор – профессор социологии Суссекского университета (Великобритания) и доктор социологии Патрик Гуд.

Вводная статья принадлежит Боттомору.

1. Что такое австромарксизм?

Цель данного сборника, указывает Боттомор, состоит в том, чтобы ознакомить читателей англоязычных стран, до сих пор имеющих слабое представление об австромарксизме, с основными положениями этой идеологии, оказывавшей в течение первых двадцати лет XX в. значительное влияние на формирование социалистической теории в Европе. Причем такое неведение тем более несправедливо, что австромарксисты внесли заметный вклад в развитие марксистской науки об обществе, а их анализ характера капиталистического общества XX в. и применение положений марксистского метода социального исследования сохранили свое значение и по сей день.

Непреодолимая ценность концепций австромарксизма¹⁾ заключается, по мнению Боттомора, в том, что его создатели — представители особой теоретической школы в отличие от других выдающихся марксистов XX в., которые либо по-своему интерпретировали марксизм (Сорель, Грамши, Лукач), либо создавали на его основе доктрины новых политических движений (Ленин, Троцкий, Мао Цзэдун), — тщательно разработали систему идей, в рамках которых исследования (и особенно социального характера) могли проводиться в содружестве группы теоретиков (с. 2).

Уже в начале XX в. австромарксисты вступили в полемику с создателями новых социальных и философских доктрин. Они исследовали неокантианскую философию, теории нации, ставя перед собой задачу расширить марксистскую теорию, включив в нее такие дисциплины, как право, психология, история культуры. Критикуя "ревизионизм" германской социал-демократии, австромарксисты выступали как теоретики "недогматичного" и "революционного" направления в марксистской идеологии.

Однако в связи с появлением и распространением "большевистской" теории австромарксизм сначала занял идейно-политическую позицию между реформистскими социал-демократическими и только что возникшими коммунистическими партиями. После окончания первой мировой войны, приведшей к распаду Австро-Венгерской империи, его влияние на европейское социалистическое движение постепенно уменьшалось. И хотя он продолжал занимать важное место в политической жизни Австрии вплоть до 1934 г.²⁾, в международном масштабе австромарксизм был оттеснен на второй план новыми марксистскими направлениями и постепенно забыт.

---

1) Термин "австромарксизм", как предполагает Боттомор, был введен американским социалистом Л. Боудином. — Прим. реф.

2) Однако Боттомор замечает, что влияние австромарксизма в ограниченной степени прослеживается и в настоящее время; определенное крыло в австрийском социалистическом движении можно назвать австромарксистским. — Прим. реф.

2. Источники и развитие

Возникновение и становления австромарксизма Боттомор связывает, с одной стороны, с бурным экономическим и политическим развитием Австро-Венгерской империи, превратившейся к 90-м годам XIX в. в экономически развитую державу, а с другой – с расцветом интеллектуальной жизни в Вене, наблюдавшимся в этот период. Кроме того, в результате широкого рабочего движения, начавшегося в Австрии во время революции 1848 г., в 1888–1889 гг. при активном участии выдающегося австромарксиста В.Адлера была создана Социал-демократическая рабочая партия Австрии (СДПА). С этого времени рабочее движение начинает оказывать огромное влияние на политическую и культурную жизнь страны.

Боттомор датирует начало деятельности австромарксистов как представителей идеологической марксистской школы 1901 годом, когда на съезде в Вене при обсуждении программы велась дискуссия между сторонниками и противниками идей Бернштейна. В результате этой дискуссии австрийская социал-демократия выработала относительно постоянную "центристскую" позицию по отношению к "ортодоксальности" Каутского и "ревизионизму" Бернштейна. Австромарксизм представлял собой интеллектуальное выражение популистской тактики австрийских социал-демократов и одновременно являлся одной из основ, сформировавших ее. Выступая против Бернштейна, австромарксисты ставили своей целью "сохранить революционный характер марксистского учения, общую обоснованность марксистского исторического метода и анализ им (методом. – Реф.) капиталистической системы" (с. 12).

3. Теоретические основы

Основополагающие концепции австромарксизма определились уже в ранних трудах выдающихся представителей этого движения – М.Адлера (философия науки), О.Бауэра (национальный вопрос), Р.Гильфердинга (развитие капитализма), К.Реннера (общественные функции закона).

В этой связи Боттомор подчеркивает особую важность в

формировании всего мировоззрения австромарксизма исследован М. Адлера, который поставил перед собой задачу "научно сформулировать теоретические и методологические принципы марксизма как науки об обществе и разработал методологию социального анализа, которая в общих чертах была признана другими теоретиками австромарксизма" (с. 15).

4. Анализ современного капиталистического общества

Деятельность австромарксистов совпала с периодом глубоких изменений не только в экономическом и политическом положении Австрии, но и в европейском капиталистическом обществе вообще. Австромарксистский анализ, в основном включающий в себя выводы фундаментального труда Р. Гильфердинга "Финансовый капитал"¹⁾, раскрывает следующие принципиальные черты, связанные с изменением капитализма XX в.: процесс централизации экономики в результате образования картелей, слияние банковского и промышленного капиталов, государственное вмешательство. Все это создавало более организованную экономику, наличие которой, по мнению австромарксистов, облегчало переход к социализму и рассматривалось ими как определенная ступень развития на пути к созданию социалистического общества. С этой же точки зрения оценивалась растущая самостоятельность государства в вопросах социального обеспечения.

Изменения в классовой структуре и в положении различных классов общества вызвали улучшение условий жизни рабочего класса, одновременно обуславливая углубление различий между рабочим классом и растущими средними слоями общества. Политика социалистов в данной связи, подчеркивали австромарксисты, должна быть направлена на преодоление этих внутренних различий и создание союза между рабочим классом

---

1) Hilferding R. Das Finanzkapital. - Wien, 1910. - 477 S.

и отрядами нового среднего класса и крестьянства с целью добиться поддержки преобладающего большинства населения, причем решению этой проблемы придавалось огромное значение и в австромарксистской теории, и в политике СДПА. Такой подход к вопросу единства рабочего класса и его союзу с новым средним классом и крестьянством вытекает не только из анализа капитализма, показывающего, по мнению австромарксистов, реальную возможность мирного перехода к социализму, но также отражает преданность австромарксистов идеям демократического социализма, которая четко прослеживается в их работах, посвященных проблемам диктатуры и демократии.

Однако в 30-е годы в связи с распространением фашизма в Европе и победой национал-социализма в Германии австромарксистский анализ капиталистического общества и вытекающие из него политические выводы претерпели изменение. Гильфердинг в своей неоконченной работе "Исторические проблемы"¹⁾ продолжая исследовать расширение самостоятельности государства и его компетентности применять силу при решении вопросов внутренней политики и формировании государственного строя, ввел в свой анализ понятие "тотальное государство", отражая тем самым новое явление в современном обществе.

Бауэр, исследуя проблемы фашизма, который он называл "жесточкой реакцией буржуазии" на развитие демократического социализма, поставил под вопрос саму возможность демократического и мирного перехода власти к рабочему классу.

Однако анализ тенденций развития капиталистического общества не был доведен до конца, поскольку из всех теоретиков австромарксизма только Реннер пережил национал-социалистский режим и в условиях послевоенного капитализма продолжил анализ его развития, выделяя те проблемы, которые являлись важными в тот период для австромарксистов и которые после 1945 г. не только не устарели, но приобрели еще большее значение.

---

¹⁾ Hilferding R. Das historische Problem. (цит. по реф. источнику, с.294).

5. Национализм и империализм

Одним из наиболее сложных и важных вопросов, с которыми столкнулась австрийская социал-демократия, являлась проблема национальных отношений в Австро-Венгерской империи. Национализм представлял опасность для социалистического движения в Австрии, угрожая единству рабочего класса, вызывая шовинистические настроения среди крестьянства, на поддержку которого социалисты рассчитывали, а также среди значительной части интеллигенции и студенчества.

Исследуя положение наций в Австро-Венгерской империи, теоретики австромарксизма, особенно Реннер и Бауэр, в первую очередь подчеркнули такое явление, как "национализм" и попытались дальше развить марксистскую теорию наций. Причем Реннер уделял особое внимание созданию правовой концепции нации, исходя из наличия узких рамок национального государства, чтобы затем создать модель будущего национального устройства человечества (с. 31).

Бауэр в работе "Национальный вопрос и социал-демократия"¹⁾ пытался дать теоретический и исторический анализ национальной проблемы с точки зрения марксистской социологии, рассматривая при этом нацию как историческое явление.

Несмотря на то, что Реннер, более четко представляя необходимость решения национального вопроса с учетом интересов рабочего класса, до конца первой мировой войны, так же как и Бауэр, считал нужным сохранение многонационального федерального государства, он и после распада Австро-Венгерской империи включил в свою концепцию такие понятия, как попытка национальной независимости и создание самостоятельных национальных государств.

Такое отношение видных теоретиков австромарксизма к проблемам многонационального государства, а также их уверенность в необходимости включения Австрии в Германию Боттомор объясняет, во-первых, предпочтением, которое австро-

---

1) Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. - Wien, 1907. - 576 S.

марксисты оказывали более крупным в экономическом отношении регионам в условиях будущего социалистического строя. Во-вторых, на их выбор, по мнению Боттомора, влияло отрицательное отношение к национальным движениям и усилению националистических настроений, в которых они видели в отдельных случаях нежелательные проявления империалистических тенденций.

Боттомор проводит сравнение в данном вопросе концепций австромарксистов и взглядов В.И. Ленина. Если экономические взгляды австромарксистов на империализм практически совпадали с позицией Ленина, то, что касается национализма, Ленин в отличие от них не выделял его как важный фактор проявления империализма, а просто называл в числе прочих явлений, вызванных экономическими изменениями.

Австромарксисты видели положительные моменты в таких явлениях империализма, как возникновение финансового капитала, централизация, организация и планирование экономики, которые, с их точки зрения, облегчали обществу переход к социализму. Ленин же назвал стадию империализма периодом упадка, стагнации и загнивания капитализма.

Результатом развития рабочего движения в условиях империализма Ленин считал неизбежное появление двух тенденций – реформистской, или “оппортунистической”, и собственно революционной, отражающей истинные интересы рабочего класса. Австромарксисты же, рассматривая развитие общественных классов в условиях империализма, придавали большое значение сложности социального состава общества, указывали на трудности в процессе формирования социалистического сознания, преодоление которых является необходимым условием создания демократического социалистического общества. Кроме того, они видели в единстве рабочего движения основу успешного прихода к власти.

6. Политика австромарксизма

В течение 30 лет школа австромарксизма демонстрировала уникальное в европейской политической истории единство теории и практики, причем все ее выдающиеся теоретики ак-

тивно занимались политической деятельностью (Бауэр — фактический лидер СДПА с конца первой мировой войны; Реннер — канцлер; Гильфердинг — дважды министр финансов в социал-демократических правительствах¹⁾).

Австромарксизм представлял особый интерес с точки зрения соотношения теоретических концепций и практической политики, поскольку главные исторические события той эпохи — первая мировая война, победа революции в России, подъем фашизма — ставили перед австромарксистами все новые проблемы, требующие теоретического осмысления и практического решения.

Хотя среди австромарксистов действительно наблюдались расхождения по отношению к войне и в этот период по-разному проявлялась их преданность международному рабочему движению, они не допустили раскола своей партии и после окончания первой мировой войны продолжали подчеркивать непреходящее значение единства рабочего движения. В рамках единой партии они допускали сосуществование реформистских и революционных тенденций.

В своей практической политике австромарксисты сочетали как реформистские, так и революционные действия. Непосредственно после окончания первой мировой войны, в период Первой республики, когда соотношение сил между общественными классами в стране благоприятствовало социалистам, СДПА проводила мероприятия по сокращению рабочего времени, улучшению условий работы, созданию советов, улучшению здравоохранения, образования, жилищного строительства и т.п., которые коренным образом изменили условия жизни рабочего класса. Успех такой реформистской политики укрепил среди австромарксистов взгляд на положительную роль государства и возможность использования его механизма при построении социалистического общества, что совпадало с теорией "медленной революции", выдвинутой Бауэром, согласно которой захват власти рабочим классом сопровождается повсеместным, постепенным созданием социалистических институтов.

---

¹⁾ В правительствах Веймарской республики. — Прим.реф.

Эту концепцию Боттомор называет концепцией "революции посредством реформ" (с. 39). Такая революция коренным образом отличается от революционной модели, осуществленной на практике в России. Австромарксисты, критикуя революционный опыт России, неуклонно выступали против любых попыток распространить идеи диктатуры пролетариата среди австрийского рабочего движения. Бауэр указывал, что посредством диктатуры пролетариата невозможно построить социалистическое общество. Позже он несколько изменил свою точку зрения, считая, что первый советский пятилетний план предусматривал улучшение жизненного уровня настолько, "что террористическая диктатура перестает быть необходимой... Советский режим может быть демократизирован... и государственный капитализм может превратиться в социалистическую организацию общества"¹). В годы подъема фашизма Бауэр рассматривал Советский Союз в качестве оплота социализма; советское государство, по его мнению, сможет обеспечить международному рабочему движению необходимую поддержку в борьбе против наиболее реакционного проявления капитализма.

Тем не менее Бауэр продолжал отстаивать свое убеждение "об ином пути, который приведет к социализму рабочий класс развитых европейских и североамериканских стран"²).

Бауэр, однако, не исключал полностью внепарламентские формы борьбы или применение насилия при некоторых чрезвычайных обстоятельствах. Боттомор подчеркивает, что австромарксистская концепция "оборонительного насилия", имевшая особое значение в политических условиях 20-30-х годов, не устарела и в настоящее время.

М.А.Гордон

---

1) Bauer O. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg. - Wien, 1931, S.223.

2) Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Br., 1936, S.40.

МЕРХАВ П.
АВСТРИЯ

MERCHAV P.

Österreich. - In: Linkssozialismus in Europa
zwischen den Weltkriegen. Wien, 1979, S.1-26.

П. Мерхав (скончался в 1978 г.) принадлежал к левому крылу Партии труда Израиля, уроженец Австрии. Мерхав посвятил австрийскому рабочему движению ряд исторических исследований, постоянно сотрудничал в журнале Социалистической партии Австрии "Цукунфт". Реферируемая работа написана им по поручению Института истории рабочего движения им. Л. Больцмана (в Линце). Реферируемая глава посвящена анализу австромарксизма и его роли в международном социал-демократическом движении.

х

х

х

Мерхав отмечает, что социал-демократическое движение Австрии в период с начала XX в. и вплоть до второй мировой войны оформилось по сравнению с другими социалистическими партиями в особое течение - австромарксизм. Австромарксизму были присущи ярко выраженные левые тенденции - комплекс разного рода теорий, идей, ценностей, методов борьбы. Однако далеко не все представители СДПА разделяли левосоциалисти-

ческие позиции, считали себя приверженцами австромарксизма. Ведущий деятель партии К.Реннер являлся "лидером и рулором правого реформистского крыла в руководстве партии" (с.1).

Во время и после первой мировой войны социал-демократической партии удалось избежать "классического" раскола на коммунистов и социалистов. В 1917-1918 гг. руководящие органы СДПА без особого драматизма перешли в руки левой оппозиции, наиболее яркими представителями которой были О.Бауэр и Ф.Адлер. В результате, в течение всего межвоенного периода австрийские социал-демократы прочно занимали левый фланг в Социалистическом рабочем интернационале. В 30-е годы они отстаивали тактику выборочного сотрудничества между Социалистическим рабочим и Коммунистическим интернационалами. Австромарксисты, прежде всего их выдающийся лидер и теоретик Бауэр, выступали за проведение в Австрии стратегии реформ, но в то же время "сохраняли верность теории и терминологии революционного марксизма" (с.2). Они стремились отмежеваться как от коммунизма, так и от реформистских версий социализма.

Австромарксисты, наряду с весьма активной парламентской и профсоюзной деятельностью, с самоотверженной работой в системе коммунального хозяйства, заботились о создании вооруженных формирований рабочего класса ("республиканский шуцбунд"). В разработанной Бауэром Линцской программе они угрожали применением против буржуазии средств диктатуры, в случае если она станет оказывать контрреволюционное сопротивление социалистическим преобразованиям. Однако, когда пробил час классового столкновения (в феврале 1934 г.), СДПА оказалась к нему неподготовленной. Тезисовой стороной австромарксизма, подчеркивает Мерхав, является то, что он был полон противоречий, не был подготовлен к реализации своих идей на практике (с.2).

Останавливаясь на австромарксистских положениях по национальному вопросу, автор указывает, что крах монархии Габсбургов означал одновременно и крах тех теорий СДПА, которые основывались на идее вечности многонационального дунайского государства. Однако еще во времена империи неко-

горые австромарксисты, в частности Бауэр, разрабатывали альтернативу, предусматривавшую великогерманское решение национального вопроса. После Ноябрьской революции 1918 г. на повестку дня был поставлен вопрос о присоединении Австрии к Германии. Осуществлению этого плана помешала Антанга. В период австрийской революции левые в СДПА разделяли позицию коммунистов, выступавших за австро-венгерскую республику Советов, противопоставляя ее планам Бауэра, нацеленным на аншлюс. Последний, равно как и его единомышленники – Ф.Адлер и Ю.Браунгаль, утверждал, что эта республика была бы задушена Антангой, которая способствовала бы белому террору со стороны местной буржуазии; последняя же могла бы ликвидировать не только советскую власть, но и организованное рабочее движение вообще.

После победы контрреволюции в Венгрии, захвата власти фашистами в Италии, усиления буржуазно-националистических тенденций в Германии австрийские социал-демократы постоянно испытывали "комплекс неполноценности". Классическим примером этому стали события 15 июля 1927 г., когда лидеры СДПА сделали все от них зависящее для того, чтобы не допустить перерастания стихийного выступления рабочих в вооруженное восстание. Бауэр вообще считал, что задачей СДПА является всемерное воспрепятствование гражданской войне. Так проявлялась наиболее характерная черта австромарксизма – "аггенизм" – перманентная, возведенная в принцип тактика откладывания, искусственного замедления исторически неотвратимых событий, доведенное до уровня мистики ожидание "лучших времен", когда международная реакция не сможет помешать социалистическим преобразованиям, а Австрия станет экономически независимой от капиталистического Запада.

Помимо страха перед возможной контрреволюцией извне и экономической зависимостью от других стран австромарксисты постоянно испытывали на себе влияние другого комплекса неполноценности – почти полное отсутствие поддержки партии в деревне. Чтобы преодолеть эту ситуацию, Бауэр соз-

дал в 1925 г. специальную аграрную программу¹⁾. В этом документе дан блестящий марксистский анализ ситуации в деревне с учетом возможности реализации там социалистических идеалов. Однако осуществить цели этой программы было крайне сложно, ибо прежде всего надо было устранить в деревне гегемонию буржуазно-клерикальных партий, что СДПА так и не удалось сделать. Кроме того, только став правящей, партия могла бы реализовать свою аграрную программу. Однако для этого не хватало нескольких процентов голосов избирателей – как раз тех, кто проживал вне больших городов. В результате образовался порочный круг.

Мерхав отмечает, что хотя австромарксисты и стремились завоевать власть исключительно мирным путем, они, однако, не разделяли взглядов других социал-демократов Европы, согласно которым участие с буржуазными партиями в коалиции как бы заменяет получение социал-демократией абсолютного парламентского большинства и образование социалистического правительства. "Австромарксисты считали пребывание в оппозиции правилом, а нахождение в коалиции – исключением" (с.8). Пока социал-демократия не являлась в государстве гегемоном, такое исключение допускалось, коалиция рассматривалась как переходное состояние. Подобная оригинальная стратегия австрийской социал-демократии подвергалась острой критике как в собственных рядах, так и в зарубежных социал-демократических партиях.

Понимание социал-демократической партией проблемы "коалиция – оппозиция" являлось органической составной частью характерной для нее "концепции иллюзий". Хотя австромарксистские лидеры считали себя свободными от всех распространенных в других партиях иллюзий относительно буржуазных классов и их партий, классового характера государства и его органов, стратегии перехода к социализму, тактики парламент-

---

1) Bauer O. Das sozialdemokratische Agrarprogramm. – In: Werkausgabe. Wien, 1976, Bd 3, S.1001-1015.

ской и внепарламентской борьбы, на практике они, постоянно сетуя "на наши несчастные австрийские условия", не делали выводов революционного характера.

Конечно, подчеркивает Мерхав, СДПА удалось добиться ряда важных успехов в социальной области. В управляющейся ими "Красной Вене" была создана хорошая система медицинского обслуживания, для рабочих строились дешевые дома, проводилась выгодная для малоимущих налоговая политика. Действия СДПА в Венском муниципалитете подвергались различным нападкам как справа, так и слева. Коммунисты обвиняли австромарксистов в том, что они своими коммунальными мероприятиями отвлекали рабочих от революционной борьбы. Сами же австромарксисты видели в своей коммунальной политике не некую самоцель, а средство завоевания на свою сторону новых избирателей. Однако "электоральные ожидания" откладывались от выборов до выборов, ибо австромарксистам казалось, что невозможно прийти к власти, опираясь исключительно на городской пролетариат (с.10).

Политика СДПА, направленная на укрепление "красных базисов" в городах, вызвала ответную реакцию у буржуазных партий. Конфликт не мог быть решен посредством компромисса. Становилось ясно, что либо "Красная Вена" станет предюдием к борьбе за революционную перспективу, за "Красную Австрию", либо буржуазное правительство нанесет удар по коммунальным завоеваниям и начнет тем самым фронтальную атаку на рабочее движение. Однако лидеры СДПА не решались на активные действия, в результате чего в рабочем классе росли реформистские иллюзии, в то время как в рядах буржуазии крепились контрреволюционные настроения. Только левое крыло в СДПА выразило собственную позицию в лозунге "от Красной Вены к Красной Австрии" (с.11).

Помимо коммунальной деятельности австромарксисты стремились развивать свое влияние на пролетариат посредством всякого рода просветительских, культурных и спортивных мероприятий. Тем самым они хотели создать "нового человека". Все это делалось в соответствии с марксистским тезисом, согласно которому воспитание в социалистическом духе нельзя откладывать до того, когда будет завоевана власть. Одна-

ко и здесь они подвергались критике как слева, так и справа. Справа – за то, что такое воспитание классового духа лишь обостряло классовую поляризацию, стимулируя буржуазию к фашизации идущих за нею масс. Слева использовался аргумент, согласно которому в среде грудящихся закрепляются реформистские иллюзии, массы как бы устраниваются от настоящей политической ~~классовой~~ борьбы.

Согласно Мерхаву, только левое крыло социал-демократии стояло на верных позициях. Левые признавали важность проводимых в социалистическом духе коммунальных мероприятий, культурной и воспитательной работы в массах, не снимая с повестки дня вопрос о политической борьбе за власть в государстве, за осуществление революционных, социалистических преобразований (с.12).

Мерхав отмечает, что вопрос о социализме как цели борьбы пролетариата был поставлен еще в Хайнфельдской программе, принятой СДПА в 1888–1889 гг. и дополненной на Венском съезде партии в 1901 г. Социалистическая цель нашла также отражение в Линцской программе СДПА (1926)¹⁾. Если Хайнфельдский документ²⁾ был создан В.Адлером и К.Каутским, то "Линцская программа носила на себе несомненный отпечаток формулировок Отто Бауэра, его левосоциал-демократической версии марксизма" (с.12). Сам Бауэр отмечал, что программа как раз и является тем, что называется австромарксизмом.

В этой программе нашли отражение позиции австромарксизма по таким вопросам, как реформа и революция, гармония классов и непримиримые классовые противоречия, раскол и единство, коалиция и оппозиция и т.д. Линцская программа являлась документом, проникнутым духом оптимизма, социа-

---

1) См. настоящий сб. с. 213–224.

2) ProgrammatISChe Entschliessungen des Heinfelder Parteitages 1888/89. – In: Die Österreichische Sozialdemokratie im Spiegel ihrer Programme. Wien, 1971, S.26–30.

листического самосознания. В ней не было и намека на ту бездеятельность в политической практике, которая была характерна для СДПА как до, так и после Линца. Наиболее значительным и существенным в программе был тезис о диктатуре пролетариата, носящей "оборонительный характер".

Формулировки, которые были предложены на съезде в Линце, вызвали оживленную дискуссию. Правое крыло, группировавшееся вокруг Реннера, отклонило тезис о существовании непримиримых классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом. В этом тезисе Реннер "видел отход от основ демократического социализма" (с.14); он указывал на возможную опасность того, что буржуазия в пропагандистских целях сможет использовать эту формулировку для изоляции социал-демократии от средних слоев, особенно крестьянства. Левое крыло, концентрировавшееся вокруг М.Адлера, полагало, что "искажение" русскими коммунистами Марковского понятия "диктатура пролетариата" не является достаточным основанием для отказа от этой марксистской формулировки. Адлер считал необходимым трактовать диктатуру пролетариата в смысле социальной демократии, т.е. как диктатуру подавляющего большинства трудящихся, необходимую для перехода от капитализма к социализму. Однако в окончательный вариант программы требование Адлера о трактовке диктатуры пролетариата как государственной системы переходного периода не вошло (с.14-15).

Мерхав считает несостоятельной и слабой критику Линцской программы, которая исходила тогда от коммунистов. Он подчеркивает, что эта критика была весьма субъективной, преследующей исключительно агитационные цели. Коммунисты увидели в Линцской программе лишь то, что за левыми тезисами этого документа должны были пойти рабочие, которые потенциально были готовы пополнить ряды коммунистов. По мнению самого Мерхава, "марксистский, деловой анализ Линцской программы приводит нас к выводу, что она была блестящим теоретическим документом, своего рода вершиной в послевоенной истории европейского рабочего движения" (с.15). С другой стороны, возможное применение силы рабочим классом было отнесено к некоему абстрактному будущему; партия не призывала своих сторонников к тотальной мобилизации и практической

подготовке к решающему часу. В результате инициатива оставалась в руках буржуазии, которая могла модифицировать свою стратегию.

Важной стороной австромарксистских исследований являлись оценки событий в СССР и пути, по которому пошли после 1917 г. большевики. В начале русской революции австромарксисты делали упор на якобы имевший место в России "деспотический социализм", негативно контрастирующий с "демократическим социализмом". В первые годы после Октября австромарксисты смотрели на "большевистский эксперимент" сквозь призму политический противников большевизма — меньшевиков (прежде всего Л.Мартова и Т.Дана). Однако Бауэр, и тем он отличался от большинства своих коллег по Социалистическому рабочему интернационалу, отстаивал тезис, согласно которому вопреки глубоким принципиальным идейным разногласиям и "демократический", и "деспотический" социализм отражает два направления рабочего движения. Поскольку задачей рабочего движения является противоборство с буржуазией, то ослабление того или другого направления будет только на руку капиталу. Бауэр считал, что большевики и социал-демократы должны мирно "сосуществовать", "разделяя сферы влияния". В годы мирового экономического кризиса Бауэр заявлял, что успехи русского пятилетнего плана служат делу антикапиталистической и социалистической агитации, проводимой социал-демократией Запада. После победы фашизма в Германии и Австрии Бауэр, находившийся тогда в эмиграции, призывал оба крыла рабочего движения объединиться в борьбе с силами реакции. В этой борьбе, считал он, реформизм сможет изжить свои недостатки, а коммунизм — свои (прежде всего, антидемократические тенденции).

Мерхав отмечает, что в самой СДПА после известных июльских событий 1927 г., активизировались левые группы, требовавшие, помимо прочего, также и сотрудничества с коммунистами. Левые, группировавшиеся вокруг М.Адлера, вобрали в свои ряды многих функционеров "социалистической рабочей молодежи". Активность левых значительно возросла после того, как партийное руководство под нажимом буржуазного правительства пошло на роспуск "республиканского шувбунда"

(март 1933 г.). "Левая оппозиция, — замечает Мерхав, — не ставила в общем и целом перед собой цель ревизии левого социал-демократического австромарксизма, а отклоняла его "агентизм", страх перед конфронтацией с фашизмом" (с.19).

После поражения в феврале 1934 г. некоторая часть социал-демократии реорганизовалась в партию "революционных социалистов", сотрудничавших с перебравшимися вначале в Брюно, а потом в Париж лидерами СДПА во главе с Бауэром. Идеино не порвав с австромарксистами, "революционные социалисты" достаточно четко проводили грань между своей деятельностью в новых условиях подполья и прежним курсом "старой партии". Некоторые левые (например, Э.Фишер) полностью отмежевались от социал-демократии, перейдя к коммунистам.

Мерхав считает, что в австромарксизме межвоенного периода сосуществовали две левые тенденции. Одна, представляемая Бауэром, являлась "нереформистским левым, обновленным социал-демократизмом". Вторая, связанная с именем М.Адлера, была не чем иным, как "демократическим, не сектантским, соответствующим западноевропейским условиям, обновленным коммунизмом" (с.21). Различие между обеими тенденциями было не всегда четко обозначено. На последней фазе существования австромарксизма обе они как бы слились в бауэровском "интегральном социализме".

Мерхав критически анализирует разные оценки австромарксизма. Так он замечает, что социал-демократы межвоенного периода из других стран указывали на противоречие между реформистской практикой и радикальной фразеологией австромарксизма. Австромарксизм обвиняли в том, что он дал в руки реакции опасный пропагандистский материал, усугубив тем самым напряженность между классами и партиями. Неконтролируемая радикальная фразеология привела рабочее движение страны, по их мнению, к катастрофе.

Сегодняшняя австрийская социал-демократия видит в австромарксизме своего рода "грехи молодости". Абстрагируясь от "мировоззренческого теоретизирования и доктринерско-марксистской фразеологии" австромарксизма, они ставят ему в упрек то, что он занял "компромиссную позицию" в отношении СССР в 20-30-е годы, придерживался иллюзорных надежд

относительно возможности сосуществования социал-демократов и коммунистов, демократизации советского режима (с.23-24). Наиболее характерным в подобного рода критике является труд Н.Лезера "Между реформизмом и большевизмом"¹⁾. Лезер критикует Бауэра и справа, и слева, не находя в его взглядах ничего положительного. Основным тезисом Лезера является мысль о том, что если бы австрийская социал-демократия следовала советам не Бауэра, а Реннера, то она смогла бы (при определенных обстоятельствах) избежать своей судьбы, спастись от поражения.

В критике, которой австромарксизм в свое время подвергся со стороны коммунистов, смешались и деловые, правильные аргументы, и бездоказательные суждения. В левом социализме видели прежде всего орудие удержания масс в социал-демократическом русле. Именно этим, полагает Мерхав, можно объяснить тот факт, что австромарксизму досталось значительно больше, чем "классической" реформистской социал-демократии других стран. И сегодня, утверждает Мерхав, официальный, догматический коммунизм в своей ретроспективной критике австромарксизма продолжает придерживаться этой традиции. Данное обстоятельство Мерхав объясняет прежде всего тем, что сегодняшние мятежные поиски "демократического, либерального, гуманного" коммунизма коренятся, по мнению идеологов консервативного коммунизма, в числе прочего и в левом межвоенном социализме, служащим для нынешних отступников своего рода теоретическим пособием (с.24-25).

На противоречивость австромарксизма указывали и его "внутренние критики" в лице представителей "левоопозиционного крыла социал-демократической партии Австрии, а также представители независимых социалистических партий и течений в различных странах" (с.25). Хотя все они обращают внимание также на противоречие между теорией и практикой, однако острие их критики направлено не против основ австромарксиз-

---

1) Leser N. Zwischen Reformismus und Bolschewismus. - Wien, 1968. - 600 S.

ма, как это имеет место у коммунистов и правых социал-демократов, а против реформистской практики и оппортунистических уступок реформизму.

Мерхав считает, что наиболее значительный вклад в дальнейшее развитие марксистской теории австромарксизм внес тем, что акцентировал внимание на необходимости синтеза между массовой борьбой за реформы и готовностью к действиям в революционной ситуации, тем, что сочетал революционный социализм с демократией и личной свободой, тем, что одновременно проявлял солидарность с СССР и критиковал все имевшееся там отступление от социализма. Очевидна идейно-историческая связь между революционно-демократическим австромарксизмом и мятежным демократическим и либеральным направлениями в нынешнем коммунистическом лагере. Заслуга австромарксизма состоит также в том, полагает Мерхав, что он поставил вопрос о необходимости революции в области культуры, образования, воспитания, "на что сегодня делают упор и считают почти само собой разумеющейся практикой не только социалистические, но и массовые коммунистические партии" (с.26).

В.Я.Швейцер

ОТТО БАУЭР И "ЕВРОЛЕВЫЕ"
Материалы симпозиумов
(Обзор)

1. Dallinger A. Alle Macht für Otto Bauer: Rede über Sozialdemokratie heute. - Forum, Wien, 1982, N 339/341, S.33-36, 38.
2. Ingrao P. Nach allen Seite offen. - Ibid., S.38-39.
3. Otto Bauer und der "dritte" Weg: Die Wiederentdeckung des Austromarxismus durch Linksozialisten und Eurokommunisten /Albers D., et al. (Hrsg.). - Frankfurt a.M.; New York; Campus, 1979. - 182 S.
4. Perspektiven der Eurolinken/ Albers D. et.al. (Hrsg.). - Frankfurt a.M.; Campus, 1981. - 154 S.

С конца 70-х годов в Западной Европе активизировалась дискуссия по проблемам западноевропейских левых сил или "евролевых". Участники дискуссии пытаются выявить общие позиции и возможности формирования единой стратегии западных левых.

В разработке этих проблем активно выступают социалисты и социал-демократы левой ориентации, отдельные предста-

вители компартий, которые в своих исследованиях отталкиваются от австромарксизма, обращаясь в первую очередь к наследию Отто Бауэра. В Австрии были организованы посвященные О.Бауэру три международных симпозиума (1978, 1979, 1982).

Первый симпозиум состоялся в Вене в ноябре 1978 г., инициатором которого выступила венская организация "Социалистической молодежи Австрии" (СПА). Участвовали в работе симпозиума представители коммунистической и социалистической партий Италии, левого крыла Социал-демократической партии Германии и СПА. Материалы этой международной встречи были изданы в 1979 г. в виде сборника "Отто Бауэр и "гретий путь". Австромарксизм, вновь открытый левыми социалистами и еврокоммунистами" (3).

Симпозиум открыла заместитель председателя СПА Х.Фирнберг. В выступлении она подчеркнула, что идеи Бауэра сохраняют свою силу и в настоящее время. Фирнберг обратилась к участникам симпозиума с призывом содействовать определению вклада Бауэра в борьбу социал-демократии за решение своей "исторической задачи" - "осуществить свободу, равенство, справедливость и солидарность во всем мире" (3, с.10).

С докладом на симпозиуме выступил Й.Хиндельс - известный представитель левого крыла СПА, профсоюзного движения Австрии, который рассматривал такие вопросы, как место и значение австромарксизма, и прежде всего наследия Бауэра, в австрийском рабочем движении. Раскрывая отдельные черты австромарксизма, особое внимание Хиндельс уделил идеи "интегрального социализма", разработанной Бауэром.

Хиндельс обратил внимание на то, что после 1945 г. Бауэр был предан забвению. Это явилось одним из следствий "деидеологизации австрийского рабочего движения. "Ныне перед лицом глубокого кризиса капитализма в мировом масштабе и наступления буржуазного противника, в том числе в Австрии, мы наблюдаем ренессанс идей Отто Бауэра" (3, с.27).

Преподаватель университета в Бремене, один из бывших лидеров группировки "Штамокап" в организации "Молодые социалисты СДПГ", Д.Альберс посвятил свое выступление бауэровской концепции "интегрального социализма".

Альберс указал на повышенный интерес к австромарксизму у левых социалистов и социал-демократов, что находит отражение в их теоретической деятельности, в частности, в редактируемом Л.Бассо журнале "Проблемы социализма"¹⁾, теоретическом органе ИСП "Мондоперайо"²⁾, работах ведущего теоретика группы СЕРЕС в ФСП Ж.-П.Шёвенмана, "Херфордских тезисах для деятельности марксистов в СДП"³⁾.

Альберс отметил, что все большее значение приобретает поиск системопреодолевающей стратегии рабочего движения именно в промышленно развитых странах. Учитывая также такой важный момент, как возникновение так называемого еврокоммунизма, социал-демократия встала перед необходимостью по-новому ответить на возникшие вопросы, решить проблему своего соответствия историческому развитию и своей исторической перспективе.

При ответе на эти вопросы, подчеркнул Альберс, нельзя обойтись без помощи австромарксизма, и прежде всего политического и теоретического наследия Бауэра, оценка которого должна быть осуществлена в два этапа. На первом этапе необходимо критическое осмысление "мертвых элементов" отдельных положений Бауэра, которые по существенным пунктам пересмотрены им самим в работе "Между двумя мировыми войнами?"⁴⁾. Другой и более существенный шаг заключается, по его мнению, в том, чтобы обратиться к "живым элементам" теории Бауэра. Следует найти в работах Бауэра общую для него и для современного рабочего движения постановку вопросов или, по меньшей мере, исходные моменты для ответа на них.

---

1) Problemi del socialismo. Roma, 1958 -.

2) Mondo operaio. Roma, 1948 -.

3) Herforder. Thesen zur Arbeit von Marxisten in der SPD (Entwurf). - B., 1978. - 35 S.

4) Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? - Br., 1936. - 355 S.

К "живым элементам" в наследии Бауэра Альберс относит теоретические разработки, касающиеся соотношения демократии и социализма, анализа классового характера любой демократическо-парламентской конституции и вытекающие отсюда выводы относительно стратегии рабочего движения, а также положение о диктаторских методах борьбы против насильственных контрреволюционных действий буржуазии. Самым важным среди "живых элементов" теоретических разработок Бауэра, по мнению Альберса, является концепция "интегрального социализма", суть которой состоит в достижении органического единства рабочего движения. По мнению Бауэра, работа по созданию единого фронта — это, прежде всего, идеологическая задача, заключающаяся в том, чтобы выявить минимум совместного теоретического знания и совместной политической стратегии.

Альберс обратил внимание на то, что в настоящее время концепция "интегрального социализма" вызывает противоречивые оценки. Достижение союза, не говоря уже об органическом единстве коммунистов и социал-демократов Западной Европы, оказалось более трудным делом, чем это предполагал Бауэр. Однако на современном этапе оба направления западноевропейского рабочего движения ориентируются на мирный путь перехода к социализму, что объективно уменьшает разногласия между ними в вопросе определения стратегии.

В настоящий момент в международном рабочем движении наряду с традиционными социал-демократическими партиями имеется левосоциалистическое течение, рассматривающее себя, как и прежде, в качестве носителя марксистских традиций. Важная дифференциация наблюдается также, с точки зрения Альберса, в коммунистическом движении — между так называемым еврокоммунистическим и традиционно марксистско-ленинским направлениями. Первое направление все более отчетливо выступает за стратегию "третьего пути", пролегающего между реформистской социал-демократией и существующими социалистическими странами.

Хотя реальные "поля соприкосновения" между западноевропейскими коммунистами и социал-демократами явно увеличились, диалог между ними едва начался. Загнаны лишь такие

центральные проблемы, как разработка новой экономической логики, трансформация государственного аппарата, оценка демократических институтов в революционном процессе, значение плюрализма политических и общественных сил и организаций на всех стадиях изменения системы и др. (З,с.53).

Дж.Маррамао – преподаватель университета в Неаполе, исследователь проблем австромарксизма, остановился в своем выступлении на вопросах демократии в политической теории Отто Бауэра.

В своих рассуждениях Маррамао исходил из того, что Бауэр пошел дальше марксистского понятия "диктатура пролетариата" в своей теории "равновесия классовых сил," которая, с его точки зрения, дает ключ к пониманию различных общественных ситуаций не только в Австрии, но и в других странах.

По мнению Маррамао, анализ Бауэра вопросов обособления государственной власти, который восходит к Марксову анализу бонапартизма, во многом схож с исследованиями, предпринятыми в то же самое время в "коммунистическом лагере". К этим исследованиям относятся анализ А.Тальхаймера в органе оппозиции КПГ "Против гегемонии"¹⁾ и особенно анализ А.Грамши в "Тюремных тетрадах"²⁾, где цезаризм характеризуется как "равновесие сил с катастрофической перспективой".

Констатируя, что попытки "третьего пути", направленные на преодоление раскола рабочего движения, потерпели поражение, Маррамао полагает, что причины следует искать в противоречивости теоретических предпосылок как Бауэра, так и Грамши. Обе эти концепции страдают той теоретико-политической противоречивостью, которую европейские левые не сумели преодолеть до сих пор. У Бауэра она сказывается в колебаниях между социальным и политическим, т.е. "между социальным единством рабочего класса и конституционной тактикой", в чем выразилась позиция шудбунда. Грамши подчеркивал относительную самостоятельность государственных инсти-

---

1) Gegen den Storm. В., 1928-.

2) Gramsci A. Quaderni del carcere. - Toronto, 1975. - Vol.1-4.

тугов, но истолковывал ее традиционно как прямое выражение соотношения классовых сил, которое установилось в социально-экономической сфере. Отсюда недооценка демократии — недостаток, который позже пытался преодолеть Тольятти.

В настоящее время, по мнению Маррамао, такие неясности постоянно возникают у "еврокоммунистов", включая их теорию "исторического компромисса". Так, существуют колебания в подходе к функциям партии как организации, выступающей за боевые действия против капитализма, и как правительственной партии. "Одна из наших больших трудностей состоит в том, чтобы продуктивно реализовать стратегическую связь обеих функций" (3, с.69), — указал Маррамао.

Проблемам социализации в теоретических разработках Отто Бауэра посвящен доклад двух австрийских исследователей Э.Мерца и Ф.Вебера.

Изложив основные положения теории социализации, авторы подчеркивают мысль Бауэра о том, что переход к социализму "на европейском континенте невозможен в одной, отдельно взятой стране, а... может быть осуществлен только в международном масштабе" (3, с.89). При этом Мерц и Вебер замечают, что такая перспектива и сегодня в полной мере сохраняет свою актуальность, так как в эпоху многонациональных концернов необходимость координированных совместных действий европейского рабочего движения является бесспорной.

Дж.Б.Гардончини — сотрудник журнала "Мондоперайо" остановился на вопросах, касающихся Советского Союза, в оценке австромарксизма. Он утверждает, что недавние заявления важнейших компартий Запада вновь поставили в центр всеобщего интереса дискуссию о природе советского общества. Так, "еврокоммунизм" отклоняет, по его мнению, советскую модель перехода к социализму как непригодную для условий развитых капиталистических стран. Однако, отмечает Гардончини, подобная точка зрения была отражена уже в концепции австромарксизма, и прежде всего в теоретических разработках Бауэра.

Касаясь отношения Бауэра к Октябрьской революции и построению социализма в Советском Союзе, Гардончини замечает, что "фактические данные истории" со всей очевидностью

показывают иллюзии и заблуждения, проистекающие из оптимизма Бауэра, и подтверждают правильность его сомнений и возражений со стороны его критиков (3, с.115).

Итальянский коммунист Л.Ломбардо Радиче, поставив в выступлении вопрос о том, кому принадлежит наследие Отто Бауэра, указал на связь его идей с задачами современного рабочего движения.

Ломбардо Радиче отметил три принципа, сформулированные Бауэром, которые не потеряли своей значимости и сейчас, особенно для взаимоотношений современных коммунистических и социал-демократических партий.

1. Русская революция является началом новой эпохи в истории рабочего движения, а также во всеобщей истории.

2. Советская форма диктатуры пролетариата представляет собой исторически необходимую, но преходящую форму.

3. Западноевропейский социализм с самого начала может и должен принять другую демократическую форму.

Обобщая идею Бауэра о целях социалистической революции, Ломбардо Радиче заметил, что социалистическая революция направлена на завоевание социалистической демократии, которая может быть достигнута в три этапа: от буржуазной через пролетарскую к социалистической. Социалистическая демократия является "инструментом саморегулирования бесклассового общества". Демократия, имеющая универсальную ценность, в рабочем движении выражается в плюрализме партий. В рамках плюрализма для западноевропейского рабочего движения имеются различные перспективы с целью завоевания такого большинства, которое позволит изменить общество; например, перспектива левых сил во Франции или более широкого альянса партий в Италии. Отсюда встает вопрос о взаимоотношении между двумя крупными течениями в рабочем движении – социал-демократией и коммунизмом.

Ломбардо Радиче полагает, что противопоставление ленинского коммунизма и демократического социализма ведет к разъединению "еврокоммунистов" и евросоциалистов. Однако, с его точки зрения, следует поставить вопрос, возможна ли вообще социалистическая демократия в Западной Европе без конвергенции и сотрудничества между этими двумя направле-

ниями в рабочем движении. При этом важно решить, какую Европу следует строить. Если конечная цель заключается в построении социалистической демократии, то оба движения имеют одну и ту же цель.

Есть третий путь, отличный от путей обеих старых партий – социал-демократического и большевистского. Чтобы найти "третий путь" к социалистической демократии, оба главных направления рабочего движения должны заняться самокритикой, критически огнестись к традициям.

Значению идей Отто Бауэра для марксистов СПА посвятили свой доклад представители ее левого направления М.Хойль, М.Магicka, П.Пелинка.

Авторы указывают, что только в условиях "реидеологизации", начатой в середине 70-х годов руководством СПА в обстановке самого тяжелого с 1945 г. капиталистического кризиса, марксистские силы в СПА обратились к идейному наследию Бауэра.

В период правления социал-демократии в капиталистической стране особое значение приобретают два элемента социалистической теории: теория государства и проблема создания более благоприятных предпосылок социализма. В этом случае марксисты в СПА не могут игнорировать дифференцированный взгляд Бауэра на господство буржуазии, который может помочь в разработке позиции по центральным вопросам социалистической стратегии. Для марксистского течения в партии речь идет о союзе и дискуссии с реформистским течением в поисках точек соприкосновения, в то время как само это течение все больше ссылается на австромарксизм, прежде всего на Бауэра.

Остановившись на особой актуальности Бауэровской концепции "социальной демократии", авторы указывают, что одного государственного инструментария, который получила социал-демократия как правительственная партия, недостаточно для создания предпосылок социалистического общественного строя. Необходимо также способствовать развитию форм участия рабочего класса, других слоев населения во всех областях и на

всех уровнях в решениях правительства и администрации. Такое соучастие масс Бауэр назвал "функциональной демократией" и рассматривал как "легальную форму отправления и расширения власти рабочего класса" (с.146).

По мнению авторов, в австромарксизме заложены также основы для формирования контрстратегии против вращающегося социал-демократии и профсоюзов в буржуазное государство и в механизм буржуазной гегемонии. При этом, опираясь на массовое движение "функциональной демократии" в условиях использования возможностей государственной власти, необходимо, с точки зрения австромарксистов, экспроприировать крупное землевладение и крупный капитал, а затем приступить к социализации этих средств производства. Авторы считают, что социалистические партии, которые в обобществлении средств производства не видят больше фундаментальной предпосылки для развития социалистического строя, оказались в тупике.

Кроме того, с их точки зрения, необходимо найти "диалектическое единство правительственной и боевой партий". Следует разработать стратегию, в которой должны быть "диалектически соединены институциональные возможности парламентской демократии и внесударственные формы классового противоборства" (3, с.149).

х

х

х

Второй международной симпозиум, посвященный памяти Бауэра, проходил в Вене в 1979 г., в результате работы которого в 1981 г. был издан сборник "Перспективы евролевых" (4).

В сборник вошли выступления видных представителей левого крыла западноевропейского социал-демократического и социалистического движений. В нем помещены также статья представителя левого крыла Французской социалистической партии (ФСП) Ж.-П.Шёвенмана и сокращенный вариант программного документа ФСП "Социалистический проект", принятого в 1980 г. Кроме того, приводится выступление члена ЦК Итальянской коммунистической партии П.Инграо.

П.Инграо в своем выступлении рассматривает проблему "третьего пути" как стратегию преодоления разрыва между социал-демократическими традициями, с одной стороны, и ленинскими традициями – с другой. Он указывает, что в настоящее время в странах Западной Европы существуют такие социальные и политические условия, которые делают возможным первое сближение, а также новые формы сотрудничества левых сил (4, с.18). В настоящее время такого сотрудничества не существует.

На пути преодоления разрыва в международном рабочем движении необходимо учитывать имеющиеся исторические различия между партиями левых, традиции этих партий, содержание и методы их деятельности. При этом не следует делать вид, что никаких различий нет. Напротив, следует понять их причину, корни, а также и социальную основу.

Развивая идею "третьего пути" к социализму, Инграо приходит к выводу, что этот путь не является неким статистическим "третьим путем" между странами Восточной Европы и странами, управляемыми социал-демократами. Этот путь, с его точки зрения, должен представлять собой "действительное обновление".

Й.Чап, председатель организации "Социалистическая молодежь Австрии", рассматривает такие вопросы, как расширение спектра капиталистического кризиса, изменение роли государства на современном этапе, которое в последние десятилетия из "идеального совокупного капиталиста" превращается в интервенционистский фактор в процессе капиталистического накопления. На фоне экономического и политического кризиса западноевропейского капитализма, подчеркивает Чап, развивается кризис социал-демократической идеологии. Он указывает далее, что если одним исходным моментом в трансформации капиталистической экономики и государства в Западной Европе является освобождение социал-демократического рабочего движения от буржуазной идеологии, то другим, как он утверждает, – возвращение коммунистических партий на марксистские позиции.

Необходимо создать альтернативный социальный блок, в который должны быть вовлечены широкие массы работающих

людей, крестьян, техническая интеллигенция, студенты, мелкие предприниматели и другие группы населения, "чтобы иметь возможность поставить под сомнение способность к руководству и объективные возможности господствующих классов" (с.51). Для осуществления процесса трансформации необходимо создать в Западной Европе центр нового типа, недогматический, руководствующийся марксистскими идеалами, чтобы превратить рабочее движение в руководящую силу внутри социального блока, цель которого — установление гегемонии всех работающих.

В основе статьи Ж.-П.Шёвенмана, члена президиума ФСП, одного из основателей ее левой группировки СЕРЕС, лежат и идеи, заложенные в "Социалистическом проекте"¹⁾.

Шёвенман отмечает, что внутри "французской левой" существуют три направления: линия руководства компартии, которая, по его утверждению, ведет в тупик; социал-демократическая линия, которая во времена кризиса и в условиях раскола французских левых может привести к реставрации буржуазных консервативных сил; наконец, социалистическое направление, которое выражено в "Социалистическом проекте". "Социалистический проект", по мнению Шёвенмана, изображает будущее таким, что этот проект может стать основой деятельности всех левых сил и, исходя из этого, — проектом всего народа. Это — единственная действенная альтернатива политике господствующих классов.

Член ЦК Итальянской социалистической партии Дж.Тамбурано, отвергнув в своем выступлении ленинское положение о необходимости разрушения буржуазного государства, указывает, что реформизм, отражающий "социалистическое направление", предполагает другой путь, цель которого заключается не в уничтожении буржуазного государства, а в его инструментализации с целью внутренней трансформации. Однако оба

---

¹⁾ Sozialistische Projekt. (Auszug). — In: Perspektiven der Eurolinken. Frankfurt a.M., 1981, S.70-99.

пути, как утверждает Тамбуррано, – ленинский и реформистский – не привели к социализму. Сами же левые, ставя перед собой задачу создания нового общества, имеют только обрывочные теоретические представления о его государственном устройстве. По мнению же Тамбуррано, необходимо ограничить интервенцию современного капиталистического государства, которое в настоящее время имеет склонность к тому, чтобы “занять собой место каждого индивида”.

Ф.Сундман, вице-президент организации социал-демократической молодежи Финляндии, посвятил свое выступление анализу опыта сотрудничества финских социал-демократов и коммунистов. По его мнению, в Финляндии время для дискуссий по программным вопросам и вопросам долгосрочной политики левых сил еще не пришло. Остановливаясь далее на характеристике современного политического механизма, сложившегося в Финляндии к концу 70-х годов, он указал, что социал-демократические левые называют его “конвергенционной демократией” и что этот механизм может рассматриваться как вариант “исторического компромисса”, т.е. как вариант сотрудничества левых партий и национальной буржуазии в ключевых сферах общества. По мнению Сундмана, финский эксперимент не открыл никакой социалистической перспективы. Однако, считает он, финский опыт может внести ясность в поиски “третьего пути” к социализму в Западной Европе.

Д.Альберс, западногерманский социал-демократ левой ориентации, выступавший также на первом симпозиуме, изложил свое понимание концепции “третьего пути” к социализму. Он считает, что в связи с традициями рабочего движения “третий путь” может быть осуществлен только в Западной Европе. “Происхождение понятия (“третий путь”. – Реф.) и стратегические представления, скрывающиеся за этим понятием, неразрывно связаны с расколом международного рабочего движения во время и после первой мировой войны” (4, с.127). Историю стратегии “третьего пути” Альберс сводит к двум фазам: первая – между двумя мировыми войнами, начало второй относится к середине 60-х годов. В современной трактовке этой стратегии он различает два подхода – левосоциалистический и “еврокоммунистический”.

Далее Альберс остановился на трудностях, с которыми, с его точки зрения, сталкивается рабочее движение в борьбе за "гретий путь". Эти трудности вызваны тесно переплетенными между собой причинами: ошибками, связанными с проблемами собственного "отечества" и вызванными тем, что перенимался опыт других стран и при этом не учитывались особенности своей страны; отходом как от "первого", так и от "второго" пути, т.е. от реформистского и ленинского; отсутствием четкой системы собственных представлений в решении общественных задач. На современном этапе затруднения вызваны также, по мнению Альберса, поисками новых решений в таких вопросах, как трансформация современного государства, новая логика экономического развития и решение внешних проблем в случае успешной "революции" на Западе.

х

х

х

Третий международный симпозиум состоялся 4-7 марта 1982 г. в Вене, организованный Социалистическим молодежным интернационалом в рамках Института им. Карла Реннера. Темой симпозиума были вопросы международного кризиса на Востоке и Западе и отношение к нему западноевропейских левых¹⁾. В работе симпозиума принимали участие член ЦК ИКП П. Инграо, руководитель итальянского профсоюза металлистов, французские социалисты, испанские коммунисты, левый лейборист К. Коутс, левые западногерманские социал-демократы во главе с Д. Альберсом, а также социалисты Австрии.

В журнале "Форум" опубликована речь на этом симпозиуме австрийского министра по социальным вопросам А. Даллин-

---

1) Материалы симпозиума опубликованы в сборнике *Kapitalistische Krise und Strategien der Eurolinken: Fragen einer sozialistischen Politik in Westeuropa* / Albers D., et al. (Hrsg.). Berlin (West), 1982. - 160 S. К моменту написания обзора сборник не был получен. - Прим. реф.

гера о задачах современной социал-демократии и необходимости использования наследия Бауэра(1).

Даллинггер подчеркнул, что всякая социал-демократическая и профсоюзная политика направлена на демократические преобразования в экономике и обществе. Демократия не только форма государственного устройства, но и форма жизни, которая должна пронизывать все ее сферы. Самым важным является демократизация мира труда и всей экономики. Именно в этой сфере труднее всего осуществить демократию ввиду того, что у предпринимателей более прочная экономическая позиция. Экономическая демократия находит свое выражение в демократическом планировании, контроле над экономической властью и в соучастии на всех уровнях экономической деятельности. Дискуссию о социализации в период Первой республики и национализацию, осуществленную в Австрии после 1945 г., Даллинггер рассматривает как шаг в направлении экономической демократии.

Социализация в форме экспроприации частного капитала все больше признается в качестве конечной цели, осуществляемой в течение длительного развития. Однако большинство социал-демократов отклоняют осуществление социализации средств производства в форме "национализации". Остановившись на истории национализации в Австрии, Даллинггер указывает, что мероприятия, проведенные в этом направлении, не дали никаких импульсов к изменению системы.

Будущее развитие экономической политики Даллинггер связывает с такими проблемами, как соучастие, сокращение рабочего времени и планирование. Соучастие на всех уровнях является конечной целью в реализации экономической демократии.

На третьем симпозиуме перед журналистами выступил также член ЦК ИКП П.Инграо (2).

Инграо в начале своего выступления указал на широкие связи итальянских коммунистов с социал-демократами и социалистами стран Западной Европы и Латинской Америки.

Он подчеркнул, что итальянским коммунистам помогает знание произведений Бауэра. В связи с тем, что капиталистическое общество коренным образом изменилось, старые лозунги

не действены. Рабочее движение в условиях кризиса государства благосостояния должно идти новым путем.

Инграо отмечает следующие положения Бауэра, которые, с его точки зрения, могут быть использованы современным рабочим движением. Бауэр, по его мнению, представляя не-догматический марксизм, проанализировал опыт и ошибки Советского Союза, направляя при этом усилия на создание обстановки сотрудничества между коммунистами и социал-демократами. Австромарксисты пытались определить границы буржуазной демократии и возможности соединения политической демократии с экономической. Бауэр высказывался за такое обобществление средств производства, которое не могло бы привести ни к бюрократизации, ни к сословно-государственному корпоративизму, и которое не приводит также к методам тоталитарного решения.

Важным для освободительной борьбы рабочего класса является вопрос собственности. Изменить формы собственности недостаточно. В Италии много государственных предприятий. Однако лишь изменение юридической формы собственности не изменяет государство, если при этом не осуществляется реформа государства и не ведутся другие формы борьбы. Необходим общественный контроль над средствами производства.

Инграо усматривает различие, существующее между западногерманскими социал-демократами и итальянскими коммунистами, как раз в том, что социал-демократы до сих пор не ведут этой борьбы. Выбор данного пути социал-демократами неизбежно обусловил бы усиление борьбы коммунистов, причем, как считает Инграо, подобная ситуация вовсе не означает угрозы коммунистами своей идентичности, а, наоборот, может выявить идентичность рабочего движения в целом.

А.А.Амплеева

ШАРЗА М.
МАЛОИЗВЕСТНАЯ ТРАДИЦИЯ: ОТТО БАУЭР И
АВСТРОМАРКСИЗМ

CHARZAT M.

Une tradition mal connu: Otto Bauer et les austro-marxistes. - In: La social-demokratie en questions: Seminaire organise par l'Institut socialiste d'etudes et de recherches (ISER). P., 1981, p.153-159.

Французский левый социалист, член СЕРЕС Мишель Шарза в своем выступлении на международном семинаре по проблемам социал-демократии, состоявшемся в 1980 г. в Париже и организованном Институтом социалистических исследований при ФСП, обратился к истории австромарксизма.

х

х

х

Шарза с сожалением отметил, что работы австромарксистов во Франции редки, и фактически отсутствует возможность пользоваться ими как одним из источников теории демократического социализма.

Понятие австромарксизма, считает Шарза, включает в себя два момента. Это, во-первых, "попытка обновления марксист-

ской мысли" (с.153), предпринягая в 1904–1914 гг. Рудольфом Гильфердингом, Максом Адлером, Карлом Реннером и Отто Бауэром. (С начала войны в 1914 г. австромарксизм как теория раскодалась на многие направления.) Во-вторых, австромарксизм – это деятельность австрийской социал-демократии, когда она в период с 1918 по 1934 г. играла значительную роль в демократизации австрийского общества и в борьбе против фашизма. Австромарксизм, подчеркивает Шарза, нераздельно связан с жизнью и творчеством Отто Бауэра, который был не только крупнейшим теоретиком, но и бесспорным лидером австрийских социал-демократов в 20–30-х годах.

По мнению Шарза, австромарксизм представлял собой "третий путь между большевизмом и социал-демократией" (с.154). Это направление возникло на основе марксистского анализа европейского общества 1900–1910 гг. Кроме того, австромарксизм включает в себя также политику австрийской социал-демократии, выступившей против раскола международного рабочего движения на две ветви – социал-демократическую и коммунистическую. Этим объясняется попытка Фридриха Адлера создать П 1/2 Интернационал, который должен был служить связующим звеном между П и Ш Интернационалами.

В масштабе страны австромарксизм представлял собой политику единства, направленную на предупреждение раскола рабочего класса Австрии. СДПА была "единственной партией П Интернационала, которой удалось избежать раскола и до конца сохранить единство рабочего класса" (с.155). (Коммунистическая партия не представляла сколько-нибудь значительной силы, набирая на выборах около 1% голосов.)

Шарза определяет австромарксизм также как первую практическую попытку "революционного реформизма". В 1918 г. после раскола Австро-Венгерской империи буржуазия, неспособная удержать власть, уступает ее социал-демократии. С 1921 по 1927 г. в Австрии устанавливается период компромисса между буржуазией и народными классами. С 1927 г. в условиях усиливающегося наступления реакции СДПА перешла к оборонной стратегии. Следуя теории "насилия в целях обороны", СДПА поднимает восстание против антидемократического режима

Дольфуса. Выступление рабочих было подавлено. С точки зрения политической, это было поражением, но, как замечает Шарза, "СДПА являлась единственной партией, которая смогла задержать постепенный подъем черного фашизма и имела смелость, хоть и с запозданием, но начать восстание против реакции" (с.156).

Шарза подчеркивает значение "социалистического опыта" СДПА в Вене в 1920-1934 гг., когда она располагала большинством в городских органах власти. "Социализм был воздвигнут как государство в государстве, глубоко изменяя условия жизни, существования, культуры грудящихся масс" (с.156).

Теория демократического перехода к социализму также вырабатывалась силами СДПА. Она означала как "отказ от большевистской теории и практики взятия власти", так и "отказ от реформизма II Интернационала" (с.156). Этот австрийский "третий путь" заключал в себе четыре черты.

Во-первых, идею о возможности спонтанной самоэмансипации, самосовершенствования рабочих масс, в чем им отказывала ленинская теория. Роль партии заключалась в том, чтобы пробуждать классовое сознание масс. Таким образом, намечалось двойное движение "снизу" и "сверху".

Во-вторых, понятие социального блока, т.е. союза рабочего класса с другими фракциями народных классов. Движение к социализму должно начинаться после завоевания политической власти электоральным путем, в чем большая роль отводилась партии. Вслед за тем должно было начаться методичное претворение в жизнь программы реформ. Самыми необходимыми среди них были социализация главных отраслей экономики, осуществление рабочего контроля, демократизация социальной, политической и культурной жизни, установление контроля над землевладением.

В-третьих, отношение к буржуазии. СДПА считала, что как только обнаружится, что буржуазия не подчиняется ей же установленной законности, социал-демократия должна действовать в соответствии с теорией "насилия в целях обороны", предполагавшей вооруженную борьбу рабочего класса против попыток введения диктаторского режима.

В-четвертых, отказ от какой бы то ни было универсальной модели перехода к социализму, годной для многих стран.

В заключение Шарза подчеркнул, что опыт австромарксистов представляет ценность для современных социал-демократических партий, в частности в решении вопроса о преодолении раскола рабочего класса, в развитии теории "революционного реформизма", в выработке методов преодоления сопротивления буржуазии. Шарза указал на актуальность выдвинутого австромарксистами пути перехода к социализму при поддержке большинства населения. По его мнению, программа ФСП 1980 г. является продолжением "не столько программы Народного фронта, сколько программы австромарксизма 20-х годов" (с.159), особенно в том, что касается классового фронта, стремления взять власть, чтобы начать необратимые реформы, обеспечить себе во все моменты исторического процесса поддержку большинства народа.

И.С.Новоженова

ВИММЕР Э.
АВСТРОМАРКСИЗМ И "ТРЕТИЙ ПУТЬ"

WIMMER E.

Austromarxismus und die "Dritten" Wege. - In: Plauaoyers für einen wissenschaftlichen Humanismus / Hrsg.: Schleifstein I. Wimmer E. Wien, 1981, S.93-114.

Эрнст Виммер - член Политбюро ЦК Коммунистической партии Австрии пишет, что поводом для этой статьи послужило обсуждение проблем австромарксизма и его актуальности на международном симпозиуме, посвященном памяти О.Бауэра, состоявшемся в Вене в ноябре 1978 г.¹⁾. Участники симпозиума отмечали, что отдельные положения австромарксизма, и прежде всего изложенные в трудах О.Бауэра, остаются ак-

---

¹⁾ Otto Bauer und der "dritte" Weg / Albers D., Hindels J., Lombardo R. e.a. (Hrsg.). - Frankfurt a.M.; New York, 1979. - 182 S.

См. реф. в: Левые партии в странах Западной Европы: Реф. сб./ ИНИОН АН СССР, - М., 1981, с.302-350.

гуальными и для современных индустриальных стран Запада. К австромарксизму проявляют интерес, указывает Виммер, не только те, кто причисляет себя к марксистским силам в социалистической партии и разрабатывает стратегию "третьего" демократического пути к социализму, его пытаются "вновь открыть" также лидеры Социалистической партии Австрии, прежде всего Б.Крайский, считая, что возвращение к теориям прошлого является частью "реидеологизации".

Совершенно очевидно, подчеркивает Виммер, что интерес к различным вопросам австромарксизма вызван подчас противоположными причинами. Поборникам "партнерства", "симбиоза" с капитализмом, глашагаям "двойной стратегии", стремящихся одновременно и управлять капитализмом, и его трансформировать нужна срочная маскировка. Они опасаются, что кто-то, проанализировав результаты их правления, придет в ужас. Уже сегодня в рядах социал-демократии имеется немало ищущих альтернативу сосуществованию с капиталом и стремящихся найти собственный обходный путь, некую середину между старым "третьим путем", еще нигде не преодолевшим капитализм, и путем революционным, дабы обойти всевозможные трудности и риск. Поскольку путь к реальному социализму не гладок, заранее не расчищен, поскольку он требует жестоких схваток с империализмом, то поиски обходного пути могут кое-кому показаться поисками "нового" социализма (с.93-94).

Сама же по себе реанимация отдельных элементов австромарксизма отнюдь не удивительна. Наоборот, было бы странно, если бы некоторые социал-демократы прошли мимо того, что в условиях обострения общего кризиса капитализма и идеологической борьбы именно австромарксизм был и остается теоретически наиболее оснащенной и в то же время противоречивой основой социал-реформизма. Еще в межвоенный период он претендовал на некую серединную позицию между "реформизмом и большевизмом". Именно австромарксисты после краха П Интернационала и основания Ш Интернационала являлись создателями П 1/2 Интернационала. Важнейшие положения австромарксизма возникли в результате мощного давления рабочего класса; его отдельные черты сохранились и поныне (с.94).

В идейном отношении австромарксизм был достаточно эклектичен. На это указывал и сам Бауэр, характеризуя австромарксистов как группу молодых ученых, которых объединяет не какое-то определенное политическое направление, а особенности их научной работы. Согласно Бауэру, австромарксисты в своем творчестве исходили не из материализма, а из философских воззрений Канта и Маха. Отождествление политической деятельности с направлением научных исследований Бауэр считал ошибкой: "Теория - это одно, практика - другое" (с.94). Преимущество такого раздвоения, замечает Виммер, заключается в том, что теоретики, являющиеся почти все без исключения партийными руководителями, могут не увязывать теорию с практикой. "Сам О.Бауэр часто выступал с критикой и предостережениями в адрес той политической линии, за которую он сам отвечал как руководитель партии" (с.94).

Касаясь разработки австромарксистами проблематики национального вопроса, Виммер указывает на идеалистические конструкции "культурно-психологических" определений нации, исходя из которых Бауэр и Реннер считали возможным решение национальной проблемы в рамках монархии Габсбургов. Когда революция 1918 г. смела эту лоскутную монархию, австромарксисты, в первую очередь сам Бауэр, обратились к идее "национального единства", осуществимой, по их мнению, в виде присоединения к Германии. Эта идея была признана австромарксистами реакционной только в середине 30-х годов, после прихода к власти гитлеровцев.

Исследования по национальному вопросу в период до первой мировой войны представляли собой единственный "вклад" австромарксизма в теорию. Однако в области политики австрийские социал-демократы прочно стояли на платформе II Интернационала, того самого Интернационала, который в начале первой мировой войны занял позиции поддержки "своей" буржуазии. Правда, для СДПА того периода была характерна одна особенность: при всей готовности руководства партии к блокам и союзам им явно не хватало партнеров. В результате политическая излияция вынуждала СДПА к некоей видимости радикализма. Осуществлению реформистской практики помогало то, что основатель партии В.Адлер рассматривал революционную цель как "угрозу", препод-

носил ее в виде "теории краха", при этом постоянно ссылаясь на великий день, когда история сама разделяется с капитализмом (с.96).

Полностью изменившаяся после Октябрьской революции ситуация предоставила австрийской социал-демократии возможность приступить к реализации своей теории "классового сотрудничества". Разделив в первые годы Австрийской республики власть с буржуазией, австромарксисты полагали, что они уже вступили на путь "мирной" эволюции в направлении социализма. Реформы, на которые пошел капитал, революционный подъем масс выдавались ими за логическое следствие "стратегии трансформации". Спустя десятилетие, в конце 20-х годов, буржуазия, сохранившая с помощью социал-демократии власть, начала атаку на рабочее движение. Призывая массы к пассивности, лидеры СДПА добились того, что вплоть до февральского вооруженного выступления рабочих-штурмовцев в 1934 г. в стране не было ни одного крупного классового выступления, организованного социал-демократией. На словах же австромарксисты постоянно твердили о классовой мобилизации пролетариата, о необходимости поддержания его боевого духа. В этот период австромарксисты призывали к единству рабочего класса, имея в виду при этом единство рядов своей реформистской партии и отрицая необходимость существования партии подлинно революционной. В итоге рабочему движению Австрии был нанесен непоправимый ущерб, оно оказалось неподготовленным к решающим схваткам с силами реакции.

Виммер отмечает, что в австромарксизме существовали различные течения. Одно из них — "аттенгизм", который он характеризует как "политику и теорию уступок, выжидания, увязывания повседневной реформистской политики с перспективной борьбой" (с.97). Глашатаями "аттенгизма", в том числе и Бауэр, постоянно ссылались на известное введение Ф.Энгельса к работе Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г."¹). Совет Энгельса воздерживаться от пробы сил,

---

1) Энгельс Ф. Введение к работе К.Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г." — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.22, с.529-548.

когда классовый противник сам ищет такую возможность, подвергивался австромарксистами к оппортунистической теории "постепенного вращания" в капитализм, "внедрения" в него "социалистических элементов", которые и должны были, по мнению австромарксистов, приблизить существовавший тогда строй к "социалистическому идеалу". Естественно, что в этой ситуации не нужна была бы никакая "проба сил".

Наиболее последовательным сторонником "аггентизма" являлся К.Реннер — представитель правого крыла СДПА, чьи взгляды и в настоящее время имеют хождение в некоторых кругах социалистической партии. Еще в период первой мировой войны, когда В.И. Ленин обратил внимание рабочего движения на формирование государственно-монополистического капитализма, Реннер искал пути сосуществования с этим феноменом. Развивая теорию "перманентного компромисса" рабочего движения с "прогрессивными фракциями" капитала, он утверждал, что подобное сотрудничество служит общим интересам "социального прогресса". К этой теории Реннер подвергивал также теорию "классово-нейтрального государства".

Реннеровская концепция трансформации общества с помощью нейтрального государства потребовала от ее автора извращенного понимания взаимосвязи между буржуазной и пролетарской революциями. Если Маркс и Энгельс подчеркивали, что буржуазия в отличие от рабочего класса может развивать свою экономическую власть в недрах старого общества, то Реннер, делал открытие иного рода: буржуазии революция гораздо необходимее, чем пролетариату. По мнению Реннера, если пролетариат хочет научиться искусству управлять, то он должен избегать пугчей, признав, что рубежи экономической, социальной и политической сфер проходят через все клетки капиталистического общества. По логике Реннера, наиболее благоприятным для пролетариата будет не "разрушение системы", а "постепенное продвижение всей линией фронта".

В качестве чудодейственного средства в вышеназванном процессе Реннер называл плюрализм. Речь шла о согласовании классовых интересов с целью приведения их к некоему общему знаменателю. Государство, обладая реальной силой, должно вести себя таким образом, чтобы был органически необхо-

дим постоянный компромисс интересов, а для этого нужен механизм предотвращения конфликтов, механизм перманентного равновесия, нужно, таким образом, "цивилизовать классовую борьбу" с тем, чтобы компромисс препятствовал конфликту. Реннер считал, что эта теория "организованного общества" действительна в условиях, в которых капиталу будет гарантировано безболезненное существование. Буржуазия и пролетариат, полагал этот деятель, ведут классовые бои, но практически они могут их вести только в рамках сохранения единого целого; если оно развалится, то надежды на результаты классовой борьбы окажутся обманутыми. Под единым целым Реннер подразумевал экономическую общность нации. "В нашем случае, - писал он, - экономика всегда будет высшим сингезом частных интересов" (с.100).

Виммер подчеркивает, что теории Реннера получили свое дальнейшее развитие в идеологии и практике социального партнерства времен Второй республики. Социал-демократические деятели послевоенной Австрии не только смогли "цивилизовать" классовую борьбу, но и перевести ее на уровень "бесед за круглым столом". В настоящее время против социального партнерства выступают деятели СПА как левого, так и центристского толка, объективно отражая тем самым реальную ситуацию сегодняшнего дня, когда период затишья классовых бурь явно приближается к своему концу.

Виммер отмечает, что многие левые в современной СПА, признавая несостоятельность старого "третьего пути", указывают прежде всего на центристский вариант австромарксизма, представленный Бауэром. В редких случаях они ссылаются на теоретика "левого социализма" М.Адлера. Концепции Бауэра являются как бы точкой соприкосновения левых социалистов, теоретиков, близких к традиционному реформизму, и тех, кто с позиций технократии стремится лагать существующую систему. Для Бауэра характерно стремление удержать партию в едином русле. Для сохранения организованного единства с правыми он неизменно призывал левых к дисциплине и лояльности. Такая тактика "умаляла его зачастую правильные и важные взгляды" (с.101).

Нынешние поклонники австромарксизма считают особенно ценной теорию Бауэра о "равновесии классовых сил". Эта гео-

рия была сформулирована как объяснение того, почему социал-демократия, несмотря на революцию в соседней стране, на расшатанные основы государственной власти в самой Австрии, на организацию в ней Советов рабочих и Советов солдатских депутатов, не попыталась свершить социалистическую революцию, а пошла по пути коалиции с буржуазными партиями. Основой этой теории является тезис о том, что если ни буржуазия, ни пролетариат не могут в одиночку управлять государством, то они должны разделить власть. В дальнейшем Бауэр, исходя из реалий Первой республики, из опыта 20-х годов, внес в эту теорию некую модификацию. Он утверждал, что переходный период, т.е. период "равновесия классовых сил", может продолжаться неопределенное время, следовательно, в революционном процессе может наступить "большая пауза". Теорию "классового равновесия" критиковали левые в СДПА. М.Адлер утверждал, что любое разделение власти с капиталом, стремление к этому таит в себе опасность ослабления боевого духа рабочего класса. Важно также другое замечание Адлера. Если класс уступает в борьбе, то одновременно слабеет и его самосознание. В результате равновесие превращается в очевидный перевес прогивника.

Виммер подчеркивает: "Опыт учит, что если перемены к лучшему ставят в зависимость от "национального единства", от взаимодействия с силами, которые виноваты в неурядицах и кризисных ситуациях в национальных рамках, то это тормозит коренные изменения и даже вообще ставит под сомнение возможность их достижения, затрудняет убеждение масс в их необходимости" (с.104). Это не противоречит идее Энгельса, согласно которой, если нельзя взять всю власть, то нужно взять хотя бы половину ее, использовав при этом преимущества политической демократии для ослабления основных сил капитала, их ограничения, оттеснения на задний план и, наконец, для лишения его власти, а не для сотрудничества с ним.

Предметом больших споров среди австромарксистов являлась проблема власти. М.Адлер считал, что государство представляет собой организацию господства одного класса. Бауэр относился к государству как к институту переходного периода. Реннер полагал что государство – рычаг, инструмент в руках любого класса. В ходе споров австромарксисты боро-

лись за "принципы", постоянно увязывая их с тактикой выживания, примирения, терпимости к буржуазии, ссылками на отсутствие активности масс. Таким путем Реннер и его единомышленники пытались завязать диалог с реакцией, пойти на сближение с ней для того, чтобы "врасти в буржуазное государство".

Однако в ходе международных ожесточенных споров, переоценки ценностей, самокритики и т.п. австромарксисты никогда не могли разобраться в такой абстрактной альтернативе, как взять власть в государстве или его разрушить. Когда было разгромлено легальное австрийское рабочее движение, Бауэр высказал идею, что сопротивление капиталистов и помещиков должно быть сломлено и должен быть разрушен весь экономико-идеологический механизм господства. Но ничего конкретного при этом сказано не было.

Широкие дискуссии в австромарксистских кругах велись вокруг проблемы демократии. Реннер считал, что понятие "демократия", как и "государство", представляет собой классово-нейтральное понятие. М.Адлер полагал, что демократия, рожденная в период классовой борьбы, сама по себе является средством, используемым в этой борьбе. Однако, расходясь с правым крылом австромарксизма в оценке социальной демократии, он считал возможной политическую демократию в условиях капиталистического общества. Адлер дифференцировал это понятие в применении к условиям буржуазного общества и бесклассового общества, но все это выглядело как весьма отдаленная цель. В отличие от Реннера и Бауэра Адлер не оговествлял политическую демократию с парламентской, не занимался избирательной арифметикой, не высчитывал сколько процентов голосов должен иметь рабочий класс для того, чтобы превратить буржуазную демократию в пролетарскую.

Бауэр, являясь приверженцем демократии, постоянно противопоставлял ее диктатуре, под которой, особенно на рубеже 20-х годов, он подразумевал "русский путь". Впоследствии он отказался от догм антисоветизма, признал, что СССР – величайший фактор послевоенной истории. Позже он указывал также на несостоятельность буржуазной демократии в борьбе с фашизмом, отмечал, что фашизм можно победить лишь средствами пролетарской диктатуры (с.108).

Если у Бауэра совершенно очевидно прослеживались расхождения в точках зрения, которые он высказывал на разных этапах межвоенного периода, то для М.Адлера был характерен разрыв между его теоретическими положениями и практическими выводами. Субъективно он является убежденным марксистом. Еще в молодости Адлер активно выступал против ревизионизма в его бернштейнианском виде. Однако, будучи философом-идеалистом, он не искал корни ревизионизма ни в материальной сфере, ни в общественных явлениях, связанных с периодом перехода к монополистическому капитализму. Он пытался объяснить марксизм с помощью учения Канта.

Считая духовное определяющим, а материальное вторичным, М.Адлер полагал, что революционный дух может быть искусственно привнесен в сознание народных масс, и только тогда станет возможным активизировать классовую борьбу. В понимании Адлера, "культурная революция", "революция сознания" должны предшествовать революции политической. Исходя из этой явно иллюзорной идеи, он отрицал необходимость существования революционной партии. М.Адлер считал, что фашизм можно преодолеть при помощи просвещения масс, одурманенных "варварской идеологией".

Под влиянием поражений, которые потерпело рабочее движение Австрии в первой половине 30-х годов, Адлер предпринял попытку разработать понятие "левый социализм". Он признал необходимость суровой критики правых реформистских деятелей, проведения революционной классовой политики. Однако и в минуту разочарования он остался приверженцем "идеологии единства", сохранения в рядах партии правых. Считая необходимой идейную полемику с реформистами, он призывал вести ее так, чтобы это не было агитацией за коммунизм. Левые, считал Адлер, всегда должны быть в рядах социал-демократии (с.111).

В заключение Виммер делает вывод, что социал-реформисты в своих поисках "третьего пути" с помощью реанимации австромарксизма, обходя при этом стороной "позднего, неудобного Бауэра", неизбежно выйдут на старый путь - путь, ведущий к "лучшей организации существующего" (с.114).

Ю.Ш.Бокучава

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПРОГРАММА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ НЕМЕЦКОЙ АВСТРИИ

Принята 3 ноября 1926 г. на партийном съезде в
Линце

Programm der Sozialdemokratische Arbeiterpartei
Deutschösterreichs. Beschlossen vom Parteitag zu
Linz am 3. Nov. 1926. - In: Bauer O. Werkausgabe.
Wien, 1976, Bd 3, Anhang, S.1017-1039.

В преамбуле к программе указывается, что "Социал-демократическая рабочая партия немецкой Австрии, исходя из учения научного социализма и опыта многолетней победоносной борьбы и будучи тесно связана с социалистическими рабочими партиями всех наций, ведет освободительную борьбу рабочего класса, ставя своей целью преодоление капиталистического и строительство социалистического общества" (с.107).

Программа состоит из шести разделов: капитализм; классовая борьба; борьба за государственную власть; ближайшие задачи Социал-демократической рабочей партии; переход от капиталистического к социалистическому общественному строю; Интернационал.

1. Капитализм

1 (1). При капитализме наблюдается процесс концентрации производства, при этом конкуренция между крупными предприя-

гиями ведет к разрушению ремесленного производства, превращая его в придаток крупных предприятий. Сами ремесленники становятся наемными рабочими (Lohnarbeiter). В результате "крупное капиталистическое предприятие превращает быстрорастущую часть населения в своих наемных рабочих и служащих" (с.1017).

1 (2). Параллельно с развитием крупных капиталистических предприятий растет производительность труда, однако темпы роста жизненного уровня рабочих и служащих отстают. Рационализация производственного процесса, ведущая к повышению производительности труда, одновременно способствует безработице и соответственно нищете рабочих и служащих. "Бесплановость капиталистического способа производства имеет своим следствием или рост дороговизны и увеличение продолжительности рабочего дня, или ведет к периодам экономического кризиса и безработицы" (с.1018). Временно добившись более выгодных условий труда, рабочие и служащие теряют вследствие дороговизны и безработицы часть достигнутого. В результате их уровень жизни приходит во все большее противоречие с производительностью их труда.

"Постоянный страх перед безработицей ставит рабочего и служащего в тяжелую зависимость от собственника средств производства" (с.1018). Рабочие становятся лишь винтиками механизма; производственный процесс определяется без их участия, они не могут воспользоваться плодами своего труда. В целом их труд лишен всякого смысла и цели.

1 (3). Страх перед пролетаризацией вынуждает широкие массы искать себе место в сфере торговли и ремесла. Однако жизненный уровень мелких торговцев и ремесленников ввиду обострения конкуренции снижается. Гнет капитала, давящий на рабочих и служащих, распространяется также на ремесленников, мелких торговцев и малоземельных крестьян.

1 (4). "Крупные капиталистические предприятия объединяются в более крупные концерны, организуясь в картели и тресты, все больше попадая в зависимость от финансового капитала" (с.1018-1019). Цены на товары определяются мощными картелями. Крупные промышленные концерны, способные остановить целые отрасли производства, навязывают свою волю правительствам и парламентам. Господствующие над

промышленностью крупные банки оказывают сильнейшее влияние на государство и общество. Таким образом, "весь трудовой народ попадает под безраздельное господство небольшого числа капиталистических магнатов" (с.1019).

1 (5). С развитием производительных сил уничтожаются национальные рамки капиталистических организаций. "Финансовый капитал высокоразвитых капиталистических государств сосредоточивает также во всемирном масштабе экономическую и политическую власть. Международные картели диктуют отдельным странам цены и объем производства товаров. Небольшие и слабые в экономическом отношении страны попадают в тяжелую зависимость от высокоразвитых государств капиталистического мира. Отечественный капитализм становится представителем международной финансовой олигархии, национальный суверенитет подвергается давлению мировых капиталистических держав" (с.1019).

1 (6). Власть имущие могущественных капиталистических государств пытаются проникнуть и в экономически отсталые районы земного шара, превратить их в рынки сбыта своей продукции, источники сырья, сферы приложения капитала. Борьба за колонии порождает все новые противоречия между мировыми капиталистическими державами. Их стремление подчинить колониальные народы своему господству порождает освободительные войны. "Эти империалистические изменения несут миру постоянную угрозу войны. Одновременно с развитием техники, крупного капиталистического производства постоянно происходят также крупные изменения в военной технике. Таким образом, развитие капитализма грозит, в результате все более разрушительных войн, уничтожить всю мировую цивилизацию" (с.1019).

П. Классовая борьба

П (1). Процесс концентрации рабочих вызывает у них стремление к объединению с целью борьбы против капитала. Трудящиеся (Arbeiterschaft), занятые в промышленности, ремесле, торговле, на транспорте, объединились в Социал-де-

враждебных друг другу классов, к чему их вынуждает такая ситуация, спустя короткое время распадется ввиду неустранимых в капиталистическом обществе классовых противоречий. Если рабочему классу не удастся самому завоевать власть в республике, то после каждой подобной ситуации он вновь попадет под власть буржуазии. Таким образом, сотрудничество классов, следовательно, может быть только преходящей фазой развития классовой борьбы за государственную власть, а не целью этой борьбы" (с. 1022-1023). Собрав под свое руководство большинство народа, используя все демократические средства борьбы, СДПА ставит задачу свергнуть власть буржуазии в демократической республике и добиться господства рабочего класса.

СДПА хочет установить свое господство не для уничтожения демократии, а для того, чтобы поставить ее на службу народу. Государственный аппарат будет приспособлен к нуждам рабочего класса и использован для того, чтобы вырвать у эксплуататорских классов сконцентрированные в их руках средства производства и обмена, поставив последние на службу всему народу.

Ш(2). Буржуазия не уступит добровольно своего господства, будет пытаться "свергнуть такую демократическую республику и установить монархическую или фашистскую диктатуру, как только всеобщее избирательное право передаст государственную власть рабочему классу или возникнет угроза подобного рода" (с. 1023).

Рабочий класс должен быть достаточно вооружен для защиты демократической республики от монархической или фашистской контрреволюции; республика нуждается в защите со стороны армии. Лишь в этом случае буржуазия не посмеет восстать против республики.

СДПА должна поддерживать в рабочем классе дух мобилизационной готовности, установить отношения духовной общности с солдатами, воспитывать их в духе верности республике, чтобы помочь рабочему классу сломить средствами демократии классовое господство буржуазии. "Если же несмотря на все эти усилия Социал-демократической рабочей партии контрреволюции удастся подорвать демократию, тогда рабочий класс

сможет завоевать государственную власть только в гражданской войне" (с. 1024).

Ш (3). СДПА привержена демократии, которую она будет осуществлять, находясь у руля государственной власти. СДПА обязуется действовать под постоянным контролем народа, будет всегда ответственна перед ним. Демократические гражданские свободы позволят осуществлять строительство социалистического общественного строя в наиболее благоприятных условиях, при неограниченном, самом активном участии народных масс.

"Если же буржуазия будет сопротивляться переустройству общества, что является задачей государственной власти рабочего класса, посредством планомерного подрыва экономики, посредством насильственных вооруженных действий, с помощью заговоров в союзе с контрреволюционными иностранными державами, то тогда рабочий класс будет вынужден сломить сопротивление буржуазии средствами диктатуры" (с. 1024).

Ш (4). Цель власти рабочего класса – не установление нового классового господства, а его устранение. "По мере того как государственная власть рабочего класса будет лишать собственности капиталистов и помещиков, превращая находящиеся в их владении средства производства и обмена в общее достояние всего народа, будет уничтожено также деление народа на эксплуататоров и эксплуатируемых, будут ликвидированы классовое господство и классовая борьба; в результате демократия из последней формы классового господства превратится в самоуправление (*Selbstregierung*) народа, не расколотого более на противоположные классы, а государство вместо орудия классового господства станет объединенным народным сообществом (*vereinigte Volksgemeinschaft*)" (с. 1024).

1У. Ближайшие задачи Социал-демократической рабочей партии

1У (1). СДПА требует укрепления республиканского строя, демократизации системы управления, расширения автономии общин. Необходима демократизация судопроизводства, реформа уголовного права на основе демократических и социальных принципов. Армия должна быть республиканской по своему ха-

рактору, должна быть сильной, "чтобы подавить любой контр-революционный мятеж" (с. 1025). Она должна комплектоваться из числа трудящихся; офицерский корпус следует создавать на демократической основе.

1У (2). В области экономической политики СДПА обязуется способствовать росту производительности труда "как предпосылке повышения жизненного уровня трудящихся масс" (с. 1026). Партия требует устранения бюрократических преград с целью развития производительных сил, профессиональной подготовки молодежи, поддержания и укрепления устойчивой валюты. Социал-демократия требует борьбы с экономическими кризисами посредством общественных работ и заказов в периоды наибольшей безработицы, путем организации системы обеспечения безработных. "Социал-демократия борется с капиталистическими монополиями" (с. 1026).

Социал-демократия содействует развитию общественной экономики (Gemeinwirtschaft). В нее включаются различного рода кооперативы, предприятия, находящиеся в собственности государства и общин. Социал-демократия защищает права квартиросъемщиков, требует расширения общественного жилищного строительства. Она требует демократизации налоговой политики, отмены налогов на предметы широкого потребления, установления прогрессивного подоходного налога.

1У (3). В области социальной политики социал-демократия защищает права рабочих, служащих, чиновников на коалиции (Koalitionsrecht). "Социал-демократия требует развития экономической демократии: расширения права участия рабочих, служащих, чиновников в управлении своими предприятиями и экономикой в целом посредством производственных советов, учреждений, палат рабочих и служащих" (с. 1027-1028). Социал-демократия защищает уже завоеванные права рабочих и служащих, требуя их расширения. К числу этих требований относятся последовательное применение закона о 8-часовом рабочем дне, законодательное закрепление минимума заработной платы, борьба с несчастными случаями на производстве, распространение на всех рабочих и служащих страхования по безработице. "Во время длительного экономического кризиса должно быть обеспечено получение достаточной помощи без ограничения времени вынужденной безработицы" (с.1028).

1У (4). Социал-демократия требует справедливого решения женского вопроса, полного равноправия для женщин, отмены всех законов, ущемляющих женщину, равноправия женщин и мужчин в сфере труда.

1У (5). Необходимо проведение целого ряда конкретных мер по повышению рождаемости, расширению системы общественного здравоохранения.

1У (6). Социал-демократия стремится к уничтожению монополии буржуазии на образование. Она требует реформы школьного дела, введения всеобщего бесплатного обучения, воспитания молодежи в республиканском и социальном духе. "Научному социализму в высшей школе должно быть обеспечено свободное соревнование с другими научными теориями" (с. 1031).

1У (7). СДПА "объединяет под своими знаменами всех эксплуатируемых, независимо от их религиозных воззрений" (с. 1032). Она рассматривает религию как частное дело каждого. СДПА борется не против религии, а против тех служителей культа, которые используют свою власть над верующими для противодействия освободительной борьбе рабочего класса, поддерживая тем самым господство буржуазии. Социал-демократия требует отделения церкви от государства.

1У (8). СДПА намерена внедрить достижения культуры в широкие слои населения, превратить их "в ростки будущей пролетарской социалистической культуры" (с. 1033).

У. Переход от капиталистического к социалистическому общественному строю

В борьбе за интересы рабочего класса и объединившихся вокруг него народных масс социал-демократия наталкивается на рамки капиталистического общественного порядка. "Она должна их взорвать" (с. 1032).

Предпосылки для преодоления капиталистического общественного строя создаются самим капитализмом. Развитие капитализма, превращая капиталиста в простого акционера, лишает капиталистическую собственность ее первоначальных функций и, таким образом, делает возможным ее замену. В усло-

виях капитализма сосредоточивается власть над всем народным хозяйством в руках крупных банков, картелей и трестов, крупных промышленных и торговых концернов, что создает для трудового народа возможность завоевания власти в народном хозяйстве посредством обобществления средств производства и обмена, сконцентрированных самим капитализмом (с. 1034).

Развитие капитализма вызвало к жизни рабочее движение. В свою очередь, развитие рабочего движения дало импульс деятельности кооперативных и общественных учреждений. "С ростом мощи рабочего класса растет его понимание условий производства и усиливается чувство его ответственности за ход производства, тем самым становится возможным устранить господство капитала над производством, не ставя последнее под угрозу" (с. 1034). Следовательно, в результате развития капитализма его преодоление становится исторической необходимостью.

СДПА утверждает, что обострение классовых противоречий при капитализме, обострение противоречий между монополиями разных стран приближает рабочий класс к тому времени, когда он сможет вырвать у капитала средства производства и обмена, сделав их общим достоянием. "Однако социалистический строй не может быть построен в одной отдельно взятой, небольшой, зависящей от капиталистических держав стране; он возможен лишь на обширных территориях, где созданы предпосылки социалистического планового хозяйства. Следовательно, Социал-демократическая рабочая партия после завоевания государственной власти в своей стране сможет осуществить обобществление средств производства, находящихся в собственности капиталистов и крупных помещиков, только в той мере, в какой развитие в других государствах уже создало для этого предпосылки" (с. 1035).

У (1). Обобществление может быть осуществлено следующим образом. Прежде всего в собственность общества должны перейти крупные земельные угодья и промышленные предприятия. "Произойдет ли экспроприация собственности с компенсацией или без нее, зависит от особых условий момента экспроприации" (с. 1035). Управление обобществленными предприя-

тиями или землями будет осуществляться соответствующими общественными учреждениями.

У (2). "В переходный период обобществленные (vergesellschaftete) и капиталистические предприятия будут сосуществовать. На этой фазе развития рабочий класс будет планомерно содействовать росту численности обобществленных предприятий (vergesellschaftete) за счет капиталистических (kapitalistischen)" (с. 1036). Руководители и персонал обобществленных предприятий должны рассматривать свою работу как службу всему рабочему классу. Занятых на предприятиях следует привлекать к широкому участию в принятии решений и управлении обобществленными предприятиями. Эти предприятия должны стать образцовыми в социально-политическом смысле. На максимальную высоту необходимо поднять трудовую дисциплину и производительность труда. "Социал-демократия, не ограничивая права рабочих на забастовку, должна воспитывать у рабочих этих предприятий осознание того, что такие споры по общему правилу решаются примирительными комиссиями и третейскими судами, назначаемыми с участием профсоюзов" (с. 1036-1037).

У (3). Уничтожая эксплуататорскую собственность капиталистов и крупных помещиков, социализм не покушается на трудовую собственность мелких ремесленников и крестьян. Наоборот, он будет содействовать включению этой собственности в социалистическое общество.

У (4). "По мере осуществления экспроприации класса капиталистов государство будет брать на себя функции, ранее выполнявшиеся этим классом" (с. 1037). Классовое господство и классовая борьба будут преодолены вместе с преодолением деления общества на эксплуатирующие и эксплуатируемые классы. Весь народ будет представлять собой единое сообщество, совместно пользующееся плодами собственного труда.

У1. Интернационал

Существует взаимосвязь между подъемом рабочего движения в разных странах. "Возникает потребность в том, чтобы противопоставить международной мощи капитала единую миро-

вую организованную мощь рабочего класса" (с. 1038). Ближайшей задачей Интернационала является борьба против опасности войн, вытекающей из противоречий капитализма.

В борьбе против военной опасности социал-демократия ставит перед собой следующие задачи:

- воспитание молодежи в духе миролюбия,
- поддержание мирных отношений со всеми нациями,
- реализация права всех народов на самоопределение.

СДПА "защищает свободу австрийского народа от опеки и эксплуатации иностранным капиталом и вмешательства иностранных государств во внутренние дела республики. Она полна решимости сопротивляться любой попытке подчинить австрийский народ исходящей извне монархической реставрации или фашистской власти" (с. 1038-1039).

СДПА выступает за мирное включение немецкой Австрии в германское государство, что явится завершением национальных революций 1918 г.

Всю борьбу, которую социал-демократия ведет сегодня, она подчиняет борьбе за конечную цель, за длительный мир между народами и свободу народов, обеспечиваемых международной федерацией национальных социалистических государств" (с. 1039).

В.Я.Швейцер

БАУЭР О.
МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ?

Кризис мировой экономики, демократии и социализма

BAUER O.
Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. -
In: Bauer O. Werkausgabe. Wien, 1976, Bd 4,
S.51-326.

Работа "Между двумя мировыми войнами?" была написана О.Бауэром в эмиграции в Чехословакии и в 1936 г. издана братиславским издательством "Ойген Прагер". Лишь 40 лет спустя руководство СПА впервые опубликовало эту работу в официальном партийном издании, включив ее в Полное собрание сочинений О.Бауэра.

х х

х

В предисловии, датированном 11 февраля 1936 г., Бауэр отмечает, что первую часть книги о развитии капитализма и социализма после мировой войны он опубликовал в 1931 г.¹⁾.

---

1) Bauer O. Kapitalismus und Sozialismus nach dem Weltkrieg. Bd 1. - In: Bauer O. Werkausgabe. Wien, 1976, Bd 3, S.719-914.

Однако последующие события, в частности восстание шудбундовцев в феврале 1934 г., помешали завершить вторую часть. Кроме того, замечает Бауэр, на данном этапе необходимо внести коррективы в некоторые оценки, касающиеся строительства социализма в СССР и развития демократии в Европе. "С тех пор история вынесла свое решение. Социалистическое строительство в Советском Союзе удалось более полно, чем я это ожидал в 1931 г. Демократия в Центральной Европе повержена фашизмом. Мы оказались бы слепыми перед лицом всемирно-исторических фактов, если бы оба эти великие события не повлияли на наши представления о путях к социализму" (с.52).

Бауэр отмечает, что он посвящает эту книгу молодым австрийским социалистам, ведущим тяжелую нелегальную борьбу против фашистской деспотии.

В первой части книги рассматривается кризис мировой экономики. Бауэр указывает, что окончание мировой войны способствовало экономическому подъему, улучшению положения трудящихся. Страх перед пролетарской революцией ослаблял сопротивление господствующих классов. Повсеместно росла зарплата, вводился 8-часовой рабочий день, система страхования по безработице, активно действовали производственные советы. "Это было время больших достижений демократического реформистского социализма" (с. 55). Порожденная войной и ее тяготами революционная волна повсеместно шла на убыль.

В конце 20-х годов на смену восстановительному периоду вновь пришел кризис. В Европе он проявился более резко, чем в Америке. Крах Нью-йоркской биржи 24 октября 1929 г. означал конец благополучию. Капиталистическое хозяйство окунулось в волны небывалого кризиса: сократилось промышленное производство, объем торговли, росли безработица и инфляция. Кризис нанес удар по рабочему классу и его партиям, стоявшим у власти в ряде европейских стран. "Разочарование народных масс обернулось против социализма" (с. 60). Настал час фашистской контрреволюции. Победа национал-фашизма в Германии способствовала установлению диктатур в Австрии, Болгарии, Эстонии, усилению фашистских тенденций в ряде других стран, прежде всего во Франции.

Реформистский социализм рассматривает разразившийся

кризис мировой экономики как циклический кризис, который может быть преодолен с помощью тех же механизмов, которые использовались в процессе прежних циклических кризисов. Революционные социалисты, напротив, видят в этом кризисе явление экстраординарное, которое не может привести ни к какому новому периоду подъема. Они не надеются на какую-либо реформистскую работу, которая может принести успех. По их мнению, у рабочего класса не остается теперь никакого иного пути, кроме социальной революции. Однако время реформистского социализма не отошло в область предания, указывает Бауэр, ибо в разных странах кризис приобрел разные формы, и в некоторых не исключены периоды нового подъема экономики. Там, где имеются соответствующие экономические предпосылки, сохраняется действенность старых методов борьбы реформистского рабочего движения. Вместе с тем в фашистских странах, где рабочий класс лишен всех возможностей легальной борьбы, "нет никакого другого пути, кроме революционной борьбы против диктатуры капиталистических классов" (с. 119).

Вторая часть книги посвящена исследованию проблемы кризиса буржуазной демократии. Бауэр считает, что "демократия возникает как результат классовой борьбы в капиталистическом обществе" (с. 123). Почвой демократии является капиталистический общественный строй. Класс капиталистов, предоставив демократию народу, пытается, однако, превратить демократические институты в средство осуществления своих классовых интересов. В то же время реформистское рабочее движение именно на почве буржуазной демократии смогло добиться важных политических и социальных завоеваний. В целом буржуазная демократия также двойственна, как и капитализм, из недр которого она возникла (с. 132).

Однако в период, когда капитализм стал все больше ощущать удары экономического кризиса, из его недр возникло другое явление - фашизм, представляющий собой диктатуру капиталистических классов. Фашизм - это результат ряда взаимосвязанных социальных процессов, прежде всего возникновение после войны целого слоя деклассированных элементов. Кроме того, кризис разочаровал широкие массы в возможнос-

тях буржуазной демократии, толкнул их в руки фашистских демагогов. Наконец, класс буржуазии, опасаясь за судьбу своих прибылей, проявил интерес к силе, способной оградить его от напора рабочего движения. Являясь детищем войны, фашизм проповедует идеологию милитаризма. Спекулируя на недовольстве населения Германии Версальским миром, он исповедует национализм. Пытаясь найти общий язык с буржуазией, фашизм рекламирует себя в качестве спасителя от пролетарской революции, от большевизма (с. 146).

Бауэр рассматривает приход фашизма к власти как результат своеобразной ничейной ситуации в классовой борьбе, равновесия классовых сил, когда ни буржуазия, ни пролетариат не могут полностью взять власть в свои руки. Между тем захват власти фашистами не может удовлетворить полностью и высшие слои крупного капитала. Последние хотят превратить фашистскую диктатуру из своего хозяина в своего слугу. Они напуганы фашистским террором. Диктатура фашизма разрушает их организации. И тем не менее, стоя перед выбором – угроза их прибылям или фашистское варварство, крупный капитал выбирает последнее. Бауэр подчеркивает, что опыт первой половины 30-х годов разрушил также иллюзии реформистского социализма о возможностях посредством демократических институтов, без революционного скачка преобразовать капиталистический строй в социалистический.

В разделе "Диктатура пролетариата" Бауэр пытается дать свое толкование революционному социализму, который, по его мнению, берет начало со времен Великой французской революции, получив дальнейшее развитие в период Парижской коммуны. Наследники революционного социализма – большевики – сделали основным институтом диктатуры пролетариата Советы рабочих депутатов. В период гражданской войны они были вынуждены усилить элементы бюрократического полицейского аппарата, создав ВЧК. По мере укрепления карательных органов уменьшилось значение Советов (с. 166). Дальнейшие этапы развития СССР – нэп, коллективизация, индустриализация – также отразились на эволюции различных форм диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата в СССР значительно расширила

свой базис, продолжает Бауэр. Ее функции выполняют теперь не только партийные кадры, но и часть рабочего класса, ученые, писатели, деятели искусства. Бауэр подчеркивает, что "в отличие от фашистской диктатуры большевистская партийная диктатура содержит в себе демократический элемент..." (с.173). Этим элементом является союз господствующей партийной бюрократии, а также руководимых ею государственной и хозяйственной бюрократии с рабочим классом. Однако налицо и бюрократизация всего аппарата диктатуры пролетариата, таящая в себе опасность социалистическому развитию СССР. Поэтому в СССР необходима демократизация всей жизни общества. Ее ключевым моментом должно стать установление контроля трудовых масс над бюрократией, над доходами и привилегиями "важных персон". "Только в этом случае, - подчеркивает Бауэр, - весь трудовой народ встанет над бюрократией, станет хозяином своего государства, хозяином своих предприятий, своих средств труда и продукта своего труда" (с. 178).

Бауэр видит в бюрократизации серьезное препятствие на пути демократических преобразований в СССР, ибо никакой бюрократ никогда не откажется с легким сердцем от своих привилегий. "Трудности демократизации станут еще большими, если Советскому Союзу будет угрожать опасность войны" (с. 179). Русский пролетариат во второй раз стоит перед задачей завоевания демократии на основе уже существующего социалистического строя, перед задачей установления социалистической демократии как инструмента бесклассового общества.

Одним из наиболее крупных достижений СССР Бауэр считает культурное строительство. "Русская революция изменила условия жизни масс в Советском Союзе гораздо радикальнее, чем какая-либо из прежних революций, и тем самым более радикально революционизировала сознание народных масс в сравнении со всеми прежними политическими и социальными катаклизмами" (с. 191-192).

Революция потрясла все традиционные представления и системы ценностей народов Советского Союза, сделала их более восприимчивыми ко всему новому. Культура, внедряемая в массы в СССР, - это совершенно новая культура. "В то самое время, когда фашизм противопоставляет старому буржуаз-

ному рационализму обращение к инстинкту, темному чувству, советская культура ведет массы к научному образу мышления как в области естественных, так и в области общественных наук" (с. 192). В то время когда в буржуазно-демократических странах научное мышление сдало свою боевую позицию по отношению к традиционному ненаучному мышлению, советская культура внедряет в массы науку как оружие против традиционных суеверий, религии, пережиточных общественных представлений и обычаев.

Новая культура, развивающаяся в условиях диктатуры пролетариата, находит свое выражение в культурной работе высших школ, академий, научных институтов, в литературе и искусстве народов СССР. Эта работа усиливается по мере преодоления Советским Союзом тяжелых экономических трудностей. В советской культуре находит свое выражение материализм, отвергнутый в свое время буржуазией всех стран. Бауэр подчеркивает и другое обстоятельство: "Материалистическая картина мира в советской науке соединяется с марксистским взглядом на развитие общества. Марксизм впервые стал там господствующим учением. Из Советского Союза он оказывает мощное воздействие на образованных людей других стран" (с. 193).

В разделе "Социализм и демократия" Бауэр обращает внимание на то, что социализм не должен отбрасывать как балласт демократические идеи свободы, равенства, а, наоборот, наиболее полно внедрить их во все сферы жизни общества. Однако Бауэр критикует реформистский социализм, полагающий, что рабочий класс может постепенно и неуклонно увеличивать свою мощь в рамках буржуазной демократии, наполнять ее формы социалистическим содержанием, постепенно превращать капиталистическую организацию общества в социалистическую, используя для этого реформы, постепенно и неуклонно превращая демократию буржуазную в демократию социалистическую.

Бауэр указывает: "История опровергает эти иллюзии. Там, где в демократических странах к власти пришли рабочие правительства, они смогли, правда, добиться некоторых уступок у капитализма, способствовавших подъему капиталистического способа производства на более высокий технический, социаль-

ный и культурный уровень. Однако они нигде не смогли затронуть капиталистические отношения собственности как таковые - основу капиталистического способа производства. Там, где буржуазия чувствовала угрозу капиталистическим отношениям собственности, там она отказывалась от демократии, видя спасение в фашистской диктатуре" (с. 200).

Если переход от капиталистического к социалистическому способу производства осуществляется насильственным образом, то возникает необходимость сломить сопротивление капиталистов и крупных землевладельцев, экспроприировать их собственность. "Необходимо разбить весь экономическо-идеологический механизм господства, с помощью которого класс капиталистов подчиняет себе мелких буржуа, крестьян, интеллигентов, даже отдельные слои служащих и рабочих, заставляя их служить своим интересам. Необходимо преодолеть сопротивление бюрократически-милитаристского государственного аппарата, связанного личными и идеологическими узами с капиталистическими классами" (с. 201).

Бауэр отмечает, что перевод капиталистического способа производства на социалистические рельсы потребует долгих лет. "Чтобы осуществить преобразование капиталистического общества в социалистическое, пролетариату необходима правительственная власть, достаточно сильная и прочная, чтобы подавить любое сопротивление этому преобразованию" (с. 202). Для этого рабочему классу нужна диктатура. Она возникнет на базе борьбы с фашистской диктатурой в тех странах, где эта диктатура уже будет установлена. По существу, борьба поведется за демократию, ибо "только на базе борьбы в защиту демократии в буржуазно-демократических странах, на базе борьбы за восстановление демократии в странах с фашистским режимом могут возникнуть революционные ситуации, которые позволят рабочему классу установить свою диктатуру" (с. 205).

Бауэр видит несколько путей установления диктатуры пролетариата. Один из них вероятен в случае, если в какой-либо стране в ходе большой войны или после нее разовьется мощный революционный процесс, будет создан парламент с сильным пролетарским, социалистическим большинством. Такой парламент может превратиться в революционный конвент,

в орган диктатуры пролетариата. Бауэр не считает, что на Западе необходимо копировать путь, которым шли большевики. "В странах, где либеральные и парламентские институты, существующие несколько сотен лет, укоренились в сознании народных масс, для которых демократия стала само собой разумеющейся формой жизни, диктатура пролетариата примет, несомненно, иные формы, чем в России, перескочившей от царского абсолютизма к диктатуре пролетариата. В этих странах диктатура пролетариата может и должна облекаться в институты, созданные буржуазной демократией, если пролетариат в условиях революционной ситуации захватит эти институты" (с. 206).

Хотя решения относительно общественного переустройства будут приниматься в крупных государствах, однако по избранному ими пути последуют и малые страны. Когда в крупных странах рабочий класс захватит государственную власть, начнется преобразование общества, тогда и зависящие от этих больших стран малые государства осознают необходимость преобразования капиталистического хозяйства в социалистическое. При этом крупная буржуазия малых стран не сможет оказывать преобразованиям действенного сопротивления. Следовательно, "если революционный социализм победит сначала в крупных странах, тогда в некоторых малых странах, вероятно, не нужно будет силой подавлять сопротивление буржуазии социалистическим преобразованиям" (с. 207).

Решая проблему будущих социалистических преобразований, рабочее движение должно преодолеть, с одной стороны, коммунистическое доктринерство, а с другой — доктринерство демократическое. Упрекая доктринеров демократического социализма, Бауэр указывает, что последние, пренебрегая средствами, неизбежными и необходимыми для перехода к социалистическому общественному строю, по существу отрекаются от социализма как такового (с. 210). Демократия и диктатура не должны выглядеть как антиподы. Они должны дополнять и взаимообогащать друг друга. Необходимо диалектически преодолеть тот идейный раскол, который возник в рабочем движении после 1917 г. При этом реформистский социализм должен отказаться от вульгарных предрассудков в отношении СССР.

Считая, что победоносное развитие социализма в СССР определяет судьбы человечества, Бауэр замечает: "В Советском Союзе социалистическое общество переживает период становления. Как ни велики трудности, с которыми Советский Союз еще борется, как ни велики жертвы, которыми народы СССР должны оплачивать строительство социалистического общества, все же энергия хозяйственного роста, превосходящая всякие ожидания, поразительно быстрый подъем культурного уровня советских народов – все это создает гарантию того, что Советский Союз в течение немногих лет делом докажет всем народам Земли превосходство социалистического строя в экономическом, социальном и культурном отношениях" (с.214).

Бауэр указывает, что если силам капитализма удастся военным путем уничтожить результаты социалистической революции, тогда на долгие годы будет разрушена всякая вера в возможность и победоносность социалистического общества. Если же удастся обеспечить Советскому Союзу еще несколько мирных лет, в течение которых он мощно разовьет производительные силы, повысит уровень жизни и культуры народных масс, если удастся в случае нападения капиталистических фашистских сил на Советский Союз поднять рабочий класс всего мира на защиту СССР и добиться его победы, тогда быстрый экономический, социальный и культурный подъем народных масс в социалистическом государстве, победоносное укрепление социалистического государства, защищающее его от капиталистического нападения, усилят притягательность социалистических идей во всем мире, побудят народные массы всего капиталистического мира к подражанию тому социалистическому обществу, которое было создано в Советском Союзе, сделают социализм в мире непреодолимым. Поэтому, делает вывод Бауэр, "самой важной задачей в борьбе за социализм является использование всех сил рабочих партий капиталистических стран для защиты Советского Союза против всякого нападения на него" (с. 214).

Если Советский Союз будет втянут в войну, то эта война неотвратимо станет решающим боем между капитализмом и социализмом, "ибо каждая победа Советского Союза в войне чрезвычайно повысит его авторитет, силу его притяжения,

силу его примера, будет содействовать революционизации рабочих Европы, угнетенных народов Азии, глубоко потрясет весь капиталистический мир" (с. 225). Обстоятельства диктуют необходимость создания совместного фронта борьбы с фашизмом, фронта, объединяющего западные демократии и Советский Союз. Победа над фашизмом создаст известные предпосылки для победы социализма. "Буржуазные демократии, которые в союзе с СССР разобьют фашистскую Германию, именно вследствие своей победы будут брошены в жестокие классовые бои. В этом процессе или буржуазия после низвержения германского фашизма сама станет фашистской и будет пытаться подчинить фашистской диктатуре пролетариат с целью защиты своего классового господства, или пролетариат захватит государственную власть, чтобы сохранить союз с СССР, заключить союз с пролетарской революцией в Германии и в союзе с ними установить в Европе социализм" (с. 228).

В разделе "Кризис социализма" Бауэр указывает на основные причины, приведшие к расколу рабочего движения на два основных лагеря — революционный и реформистский. Реформизм явился реакцией вождей рабочего движения на некоторое улучшение материального положения трудящихся, ставшее возможным ввиду самоотверженной борьбы рабочих организаций, заставивших крупный капитал пойти на уступки. "Реформистский социализм есть не что иное, как неизбежная идеология рабочего класса на определенной ступени его развития, когда рабочий класс еще недостаточно силен для того, чтобы свергнуть капиталистический общественный порядок, но когда он уже достаточно силен, чтобы успешно использовать демократические институты в борьбе за повышение своего жизненного уровня в рамках капиталистического общества" (с. 301).

Революционный социализм генетически является социализмом времен буржуазной революции. Его возрождение началось после того, как фашизм нанес поражение рабочему движению в странах Центральной Европы. Свое революционное свойство социализм сохранил только в России, подкрепив слова практическими действиями в 1917 г. После революции в России рабочее движение раскололось, при этом традиционная для пролетариата классовая солидарность была разрушена "острой кон-

курентной борьбой за руководство рабочим классом, развернувшейся между социал-демократами и коммунистами" (с. 285).

Укрепление в Европе фашистских сил делает насущной задачу восстановления единства рабочего класса. Бауэр отмечает решение состоявшегося летом 1935 г. УП конгресса Коминтерна, призвавшего коммунистов защищать буржуазную демократию от фашизма и призвавшего к созданию единого с социал-демократами антифашистского фронта. За единый фронт с коммунистами стран, поверженных фашизмом, высказываются и революционные социалисты в социал-демократическом лагере, считающие диктатуру пролетариата необходимым этапом на пути к социалистической демократии.

Констатируя кризис социализма, Бауэр отмечает, что и партии Коммунистического Интернационала, и партии, входящие в Социалистический рабочий интернационал, должны отбросить негативные наслоения прошлого. На повестке дня стоит проблема единства действий по конкретным вопросам тактики борьбы с фашизмом. Однако "как бы ни был важен союз социал-демократии и коммунизма в борьбе за непосредственные задачи дня, он не сможет утвердиться, если не удастся преодолеть социал-демократическую и коммунистическую односторонность в интегральном социализме..." (с. 296).

Бауэр считает, что для создания "интегрального социализма" представители обоих течений рабочего движения должны не только отбросить все мешающее новому единству, но и взаимно признать непреходящие ценности, внесенные в дело социализма как коммунистами, так и социал-демократами. Коммунисты должны признать вклад реформистского социализма в борьбу за демократию, их глубокое уважение к незаменимым культурным ценностям, правовой защите индивида, духовной свободе, коллективному самоопределению, человечности. Социал-демократия должна признать коммунистов как наследников пролетарской революции, их правоту в том, что только пролетарские революции и диктатура пролетариата, а не заплаты на капиталистическом обществе, могут освободить человечество от эксплуатации, безработицы, кризисов, фашизма и войны. Социал-демократы также должны отказаться от мешанских, вульгарно-демократических предрассудков в отношении СССР,

признать победоносное развитие социализма в этой стране. Таким образом, резюмирует Бауэр, "работа по созданию единого фронта – это, прежде всего, идеологическая задача: задача выработать тот минимум совместного теоретического познания и совместной политической стратегии, благодаря которому только и можно преодолеть развивавшиеся в течение пятнадцатилетней борьбы противоречия" (с. 307).

Ю.Ш.Бокучава

АДЛЕР М.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ
ДЕМОКРАТИЯ

ADLER M.

Politische oder soziale Demokratie: Ein Beitr. zur sozialistischen Erziehung. - In: Adler M. Ausgewählte Schriften. Wien, 1981, S.163-216.

Макс Адлер – известный деятель левого крыла австрийской социал-демократии начала века и периода между двумя мировыми войнами.

х х

х

В предисловии, поясняя причины, которые побудили его к написанию этой книги, Адлер подчеркивает, что пролетариат должен иметь ясное представление о сущности демократии, ее границах, возможностях использования в интересах рабочего класса. В этой связи, указывает Адлер, необходимо противопоставить социал-демократическое понимание демократии большевистской пропаганде, претендующей на монополию в истолковании марксистского учения о социализме (с. 163). Необходимо осознать, что значительная часть теоретических положений

ний и ценностей большевизма ведут свое происхождение от марксизма, которого придерживаются также и социал-демократы. Социал-демократы не используют положения марксизма в качестве голых революционных лозунгов, но прилагают усилия для того, чтобы разъяснить пролетариату их совокупную экономическую и социальную обусловленность.

Только таким путем можно переступить порог взаимонепонимания и даже ненависти, которые раскололи рабочее движение на два крупных направления – социал-демократию и большевизм. Наведение этого моста является необходимым условием укрепления сил социализма и обновления Интернационала. Только в том случае, если социал-демократия будет обладать более развитым революционным классовым сознанием, а большевизм – меньшими сектантскими иллюзиями, возможно становление единого революционного сознания, которое только и может стать основой пролетарского интернационализма (с.163).

Адлер подчеркивает, что в его работе содержится резкая критика политической демократии и буржуазной республики. Однако это вовсе не означает, что пролетариату не нужна политическая демократия. Критика политической демократии означает лишь то, что существует высшая ценность – социальная демократия (с. 164). Пролетариат знает, что только развитая политическая демократия создает условия борьбы за социальную демократию. Именно поэтому ныне только социал-демократия является подлинным защитником буржуазной демократии и республики, которым повсеместно угрожают реакционные силы.

Именно сейчас, когда демократия находится под угрозой, так как фашизм уже господствует в ряде стран в различных формах, а в других странах рвется к власти, когда пролетариату, быть может, придется применить все свои силы для защиты республики, может показаться, что критика демократии наносит ей вред. Пролетариат не раз проливал кровь за демократию, но не за формальную демократию, а за идею нового свободного и справедливого общественного строя, символом которого является демократия и под которой пролетариат понимает власть народа, трудящихся.

Смысл демократии состоит в идее социальной демократии,

солидарного общества. Критика существующей демократии придает моральную энергию для ее защиты, она способствует борьбе за преодоление классового общества в демократических формах.

Остановившись кратко на многообразии элементов политической демократии, Адлер подчеркивает, что пролетариат всегда был самым последовательным ее защитником, однако под влиянием большевистских теорий демократия стала рассматриваться как опасная иллюзия, вводящая в заблуждение массы — носителей свободы и препятствующая подлинному освобождению пролетариата.

Тот факт, что буржуазия нажилась на послевоенной инфляции, тогда как трудящиеся остались эксплуатируемыми, не мог не вызвать разочарования в демократии, показав, что прежняя сущность капиталистической системы осталась неизменной.

Этому, как казалось, противостояла пролетарская революция в России. Там, и этому охотно верили, пролетариат насильственным путем захватил власть, приступил к построению нового государства, хотя и составлял меньшинство русского народа. Капитализм был уничтожен, а с ним и эксплуатация, и повседневная нужда. И все это произошло не посредством демократии, существующей в Европе, а путем применения силы пролетариатом. В результате в среде рабочего класса возник лозунг: "Диктатура, а не демократия", "Долой парламентаризм", "Вся власть Советам рабочих".

Уотя реальная действительность в России не соответствовала идеалам социализма и даже большевизма, не подлежит сомнению, что теория и практика большевизма поставили проблему демократии не только в центр внимания политики, но, прежде всего, марксистской теории.

Адлер отмечает, что критическое отношение к демократии насчитывает столько времени, сколько существует сама демократия. Одной из коренных проблем является вопрос о том, почему меньшинство должно подчиняться большинству и что из себя представляет большинство вообще. Теория естественного договора между гражданами и государством предполагает единогласие граждан, что с позиции этой концепции и является подлинной демократией. Однако подобный взгляд игнорирует

дифференциацию общества. Адлер считает, что принцип большинства не составляет сущности демократии, так как он вовсе не гарантирует справедливости в принятии решений, и при соотношении голосов, например 51% к 49%, представляет собой не более, чем лотерею.

Критика демократии с позиций социализма существует столько, сколько существует само это течение. Адлер ссылается на утопистов – Прудона, Бакунина, синдикалистов. Маркс и Энгельс также выступали против иллюзий освобождения рабочего класса путем чисто парламентской борьбы. Вместе с тем они учили пролетариат бороться за завоевание демократии, рассматривая ее как первый шаг на пути к революции рабочего класса. Энгельс характеризовал демократию как форму диктатуры пролетариата.

Современное социалистическое движение должно четко различать двойственность демократии: как буржуазную идеологию, с одной стороны, и политическую практику – с другой. Эта двойственность определяется прежде всего тем, что демократия является следствием раскола общества на классы. Понятие демократии, имевшее однозначное содержание в период ее революционного становления – власть народа против господства одного или нескольких привилегированных сословий, после ее победы приобрело двойственное значение.

Поэтому необходимо в понятии "демократия" различать ее историческое содержание, подлинный политический прогресс, явившийся результатом завоевания демократии. Другое значение демократии относится к будущему, к тому, что еще должно быть завоевано, что несет в себе программный смысл.

В первом случае имеется в виду реализованная в экономическом и политическом отношении буржуазная демократия, во втором случае предполагается ее пролетарское понимание. Такая демократия может быть осуществлена в экономическом и политическом смысле лишь после победы пролетариата и потому находится в соответствии с революционной идеологией. В первом смысле государство является классовым, тогда как во втором понимании предполагается бесклассовое общество.

Буржуазная демократия есть не что иное, как равенство людей перед законом, поскольку, согласно буржуазному пред-

ставлению, все люди по природе свободны и рождены равными. Ныне эта мысль является само собой разумеющейся. Однако следует учитывать, что победа демократической идеи явилась одновременно началом ее критики со стороны революционного социалистического течения. Победа прав человека в результате французской революции не привела к свободе, равенству и братству. Свобода голодать, равенство быть эксплуатируемыми, братство имущих, с одной стороны, и неимущих — с другой, выступили в отличие от сословного общества на поверхность. Стал очевидным факт смены сословных различий классовыми противоречиями нового общества. Отсюда и разочарование в демократии и критика ее.

В современном смысле слова, подчеркивает Адлер, демократия означает господство народа, причем под народом понимается духовная и нравственная общность людей. Поэтому государство, в котором реализовано господство демократии, означает народное государство, выступающее как универсальный институт, как орган всеобщих интересов.

Но нынешняя демократия не является и не может являться таковой, так как общество, расколотое экономическими противоречиями, не может представлять собой солидарную целостность. Именно поэтому сама демократия становится полем борьбы классовых интересов. "Будучи далека от того, чтобы быть средством обеспечения всеобщих интересов, она в тем большей степени становится важнейшим средством защиты специфических интересов отдельных классов" (с. 177). Решающим фактором в этой борьбе является завоевание поддержки со стороны большинства. Именно поэтому принцип большинства представляет собой душу демократии, хотя он противоречит демократии как идее защиты всеобщих интересов, навязывая меньшинству волю большинства.

В понятии демократии сталкиваются, таким образом, два взаимоисключающих принципа: 1) мирное сосуществование, суть которого проистекает из представления о солидарности как целостности, основывающейся на взаимном соучастии членов общества, и 2) борьба, суть которой исходит из противоречий внутри общества, для разрешения которых необходимо политическое равноправие (с. 177).

Для того чтобы избежать путаницы в понятиях, Адлер предлагает характеризовать существующую в классовом обществе демократию как политическую, а демократию, к которой стремится рабочий класс и которая возможна лишь в социалистическом обществе, как социальную (с. 178).

Политическая демократия характеризуется Адлером как формальная, преодоление которой возможно лишь с преодолением государства, т.е. основанной на классовом господстве формы политической организации общества. Поэтому освобождение демократии от ее формальной сущности возможно только в таком государстве, где осуществлена "экономическая демократия".

Но понятие буржуазной демократии не исчерпывает собой понятия политической демократии, ибо последняя является той формой демократии, которая завоевана пролетариатом в классовом государстве и посредством которой он овладевает государством. Но это еще не будет социальной демократией, а лишь необходимым переходом к ней.

Неформальная демократия означает, что не существует господства большинства над меньшинством. Подлинная демократия означает свободу и равенство всех при обязательном условии принятия добровольного решения, а не подчинения решению других.

Поэтому демократия есть не что иное, как самоопределение. Демократия и автономия есть взаимозаменяемые понятия. Автономия в этом смысле непротиворечива только в случае органичного включения индивида в целостность, ибо только тогда индивид выступает в своей обобществленной сущности. Поэтому демократия вовсе не означает свободы и равенства индивида в качестве изолированного индивида. В противном случае демократия содержала бы в себе неразрешимое противоречие, ибо свобода индивида означает некоторый уровень несвободы для других. Именно поэтому свобода большинства ведет к несвободе для меньшинства, что придает демократии черты индивидуализма.

"Не принцип большинства является принципом демократии, - считает Адлер, - а идея всеобщности интересов, всеобщего блага, в котором все в равной мере участвуют и все в равной степени призваны создавать и обосновывать" (с. 179).

Но такое общество возможно только при условии, если оно организовано на началах солидарности, когда людей не разделяют антагонистические противоречия, когда имеется единство жизненных условий и интересов. При таких условиях возможно решение вопросов большинства без подрыва демократии, так как такое решение не будет голосованием в пользу интересов одних, в ущерб другим ввиду отсутствия антагонизма между членами общества.

Социальная демократия означает неразрывную социальную связь индивида с другими людьми, которая и охватывается понятием обобществления людей и в теории социализма выступает как обобществление человеческой жизни, а на практике ведет к осуществлению социализма.

В государстве невозможно осуществление подлинной демократии. "Под государством, — пишет Адлер, — мы понимаем такую организацию общества, которая основывается на экономических классовых противоречиях и представляет собой господство одного или нескольких классов над другими" (с. 180). В таком обществе господствуют не всеобщие интересы, а интересы власть имущих. Интересы других классов принимаются во внимание лишь в такой мере, в какой это необходимо, чтобы господство власть имущих не оказалось под угрозой.

Даже бесклассовое социалистическое общество будет организацией принуждения в той мере, в какой оно будет существовать в форме государства. Как и категория демократии, категория государства имеет два смысла, ничего общего не имеющих между собой. Один из них — классовый. В этом случае в обществе отсутствует солидарность. Другой — бесклассовый. При этом обществу присуща солидарность. Именно потому Маркс и Энгельс отказывались от характеристики социалистического общества как государства, так как государство предполагает классовое общество. Если государство рассматривать под этим углом зрения, то очевидно, что так называемое народное государство вообще не может существовать, ибо любое государство в таком случае не является государством народа, в нем остаются различия между собственниками и неимеющими собственности.

"Ни одно общество не может существовать без принуждения. Однако социальный характер этого принуждения в корне

различается, когда речь идет о солидарном или несолидарном обществе" (с. 183). В несолидарном обществе, в котором существуют классовые противоречия, принуждение осуществляется одним или несколькими социальными слоями и направлено против остальных. В солидарном обществе принуждение основано на общих интересах и выражает всеобщую волю всех его членов. Здесь никто не господствует над кем-либо, никто не навязывает свою волю другим. В этом обществе система принуждения представляет собой строй, основанный на самоопределении, т.е. является автономией. Если уж говорить о господстве, то здесь все господствуют над всеми. Принуждение, которое осуществляется в этом обществе, проистекает из условий жизни и труда всех и потому не воспринимается как принуждение, а как порядок в трудовых и жизненных отношениях.

Разумеется, и в солидарном бесклассовом обществе имеются серьезные противоречия взглядов и мнений и соответственно борьба между ними. Но высоко развитая духовность и нравственность солидарного общества позволяют разрешать противоречия иными путями, чем в обществе, в котором господствуют противоречия экономических интересов.

Противоречия, вытекающие из различных способностей людей, представляются острыми лишь с позиций сегодняшнего, но не завтрашнего человека, с позиций буржуазного мировоззрения. Необходимо, однако, подчеркнуть, что солидарное общество в подлинном смысле слова может быть продуктом только многих поколений. В этом нет утопии. Изменение внешних жизненных условий на протяжении многих поколений приведет к внутреннему изменению самого человека.

В будущем обществе низменные инстинкты людей будут преодолены, и потому проблема большинства и меньшинства в современном смысле слова перестанет существовать. В солидарном обществе меньшинство будет следовать решению большинства, когда оно при сохранении различий в интересах будет отдавать приоритет сохранению общности с большинством. В иных же случаях меньшинство просто отделяется от большинства.

Право отделения меньшинства от большинства и составля-

ет подлинную сущность демократии, и поэтому подчинение воле большинства в солидарном обществе будет только добровольным, но не принудительным. Таким образом, принцип большинства в солидарном обществе будет иметь совершенно иное содержание, чем в классовом. Он будет означать решение текущих дел во всеобщих интересах, т.е. решение будет осуществляться не правительственной властью над людьми, а органом управления.

Демократия в ее фальшивой форме всегда была в руках демагогов мощным средством осуществления власти путем мнимо народных голосований. Напротив, социальная демократия осуществляется посредством солидарности интересов, всеобщего внутренне обусловленного участия в системе и в судьбе общего дела. Все решения будут приниматься, исходя из роли каждого в процессе производства и распределения.

Социальная демократия ни в коем случае не будет представлять собой структуру, основанную на централизованном управлении со стороны государства. Она будет опираться на целостную систему автономных, но связанных друг с другом самоуправляемых организаций, созданных для управления экономической и культурной жизнью. Предпосылкой существования этих трудовых и общественных коллективов явятся такие отношения между их членами, которые основаны на совместных интересах и в целом на равной компетенции.

Социальная демократия свободна от противоречий в реализации человеческого обобществления. Она вытекает из жизненных условий, опирается на соответствующее воспитание молодежи, представляет собой форму солидарного сознания этого обобществления: признание интересов сообщества в целом и понимание его требований.

Обращаясь к проблемам диктатуры, Адлер замечает: понятие диктатуры приобрело огромную актуальность благодаря большевизму в России. Диктатура пролетариата или то, что в России называют ею, прославляемая одними и проклиняемая другими, тем не менее представляет собой вплоть до сегодняшнего дня бесспорно всемирно-историческое дело, которое русская Февральская революция никогда не могла бы в состоянии совершить с такой широтой, основательностью и быстротой: полное разрушение царской России (с. 189).

Неудивительно поэтому, что сущность и методы диктатуры оказались в центре внимания политических и теоретических дискуссий. Первоначально наиболее прогрессивные решительные и идеалистично настроенные слои международного пролетариата восприняли русскую революцию и диктатуру пролетариата с огромным энтузиазмом. Казалось, что это единственный путь, ведущий пролетариат к осуществлению его социалистических целей.

Напротив, представители буржуазии восприняли диктатуру со страхом и приложили все усилия для того, чтобы показать ее "ужасы" и "моральную порочность". Главный их аргумент заключался в том, что диктатура представляет собой смертельную противоположность демократии, поскольку она является системой насилия со стороны меньшинства.

Впоследствии, однако, события развивались для пролетариата таким роковым путем, что его силы раскололись именно по вопросу о диктатуре. Пролетариат вне России никогда не оказывался в таких своеобразных условиях, при которых в этой стране стало возможным политическое господство одной пролетарской партии (коммунистической). Поэтому широкие слои пролетариата вне России не могли без критики принять стремление коммунистов перенести в их страны большевистские методы классовой борьбы.

В России тактика насильственного захвата государственной власти пролетариатом оказалась возможной потому, что его поддержало подавляющее большинство остального населения — крестьянство, которое могло только выиграть от переворота. Напротив, вне России пролетариат имел в лице крестьянства своего противника, и всякая попытка установления диктатуры пролетариата вызвала бы гражданскую войну.

Несомненно также, что отрицанию большевистского пути во многом способствовал тот факт, что значительные слои пролетариата лишь формально принадлежали к социал-демократии, на деле же они давно отказались от революционной классовой борьбы, предпочитая отстаивать свои экономические интересы.

В результате борьба против коммунистов, особенно против их путчистской тактики, за которой в конечном счете стоя-

ла концепция диктатуры пролетариата, сделала для социал-демократов само это понятие подозрительным, причем настолько, что они вообще не желали слышать о нем. "Дело кончилось печальной путаницей понятий, которая и сегодня еще существует у слишком многих социал-демократов и состоит в том, что диктатура пролетариата стала восприниматься как нечто "коммунистическое" (с. 190). При этом напрочь было забыто, что Маркс и Энгельс в диктатуре пролетариата видели конечную цель его борьбы. Более того, "революционная социал-демократия" воскресила буржуазную концепцию абсолютного антагонизма диктатуры и демократии и встала - особенно в Германии - на позицию наиболее злобной критики русской революции. Если бы пролетарии получали информацию о русской революции только из социал-демократической печати, они не имели бы ни малейшего представления о "грандиозном историческом величии русской пролетарской революции и значении того, что совершил их собственный класс в России для дальнейшего развития социализма" (с. 190).

Напротив, буржуазия, в среде которой раскол пролетариата и слабость классового революционного сознания его крупных слоев возродили утерянное было мужество, проявила большой практический интерес к диктатуре. Она вновь начала мечтать о "сильной руке", зайдя настолько далеко, что готова пожертвовать своим собственным завоеванием - демократическим парламентом, главным образом потому, что в нем заседают представители рабочего класса, который близок к тому, чтобы получить там большинство.

Отсюда возросший интерес буржуазии к обновленным формам сословного представительства, несущим в себе новую фазу демократии и интерпретируемую как экономическая демократия. Но больше всего буржуазия мечтает о диктатуре. Муссолини, Хорти и им подобные становятся для нее священными персонами. Складывается трагикомическая ситуация, при которой господствующие силы мечтают о диктатуре, тогда как большая часть пролетариата решительно ее отрицает.

Эту путаницу в социалистическом сознании можно устранить, лишь осознав двойственность понятия "демократия" и более глубоко разобравшись в сущности категории "диктатура".

В действительности "диктатура находится в противоречии лишь с социальной демократией, но отнюдь не с политической" (с. 191), которая является лишь формой реализации диктатуры (буржуазии. — Реф.). Таким образом, диктатура противостоит такой демократии, которая просто еще не существует, и поэтому для осуществления диктатуры пролетариата, если она возможна и реальна, нет препятствий.

Диктатура пролетариата и политическая демократия отнюдь не противоречат друг другу и непонимание этого является одним из коренных недостатков социал-демократии. Более того, подчеркивает Адлер, диктатура пролетариата представляет собой наиболее последовательное осуществление демократии, поскольку она прокладывает путь к преодолению классового общества и классового государства. Однако пролетарская демократия является все еще политической, но не социальной демократией, хотя она закладывает основу последней.

Диктатура пролетариата может быть осуществлена парламентским путем, однако это маловероятно. Возможное внепарламентское, т.е. революционное, завоевание власти пролетариатом ничего не меняет в соотношении понятий "диктатура" и "политическая демократия". Господствующие классы теряют экономическую и политическую власть, но соотношение сил в парламенте остается прежним. Это — продолжение парламентаризма иными средствами.

Победа пролетариата не меняет характера государства как орудия классового господства. Пролетарское государство остается классовым и потому в нем не существует подлинной демократии; оно остается диктатурой. Лишь по мере того, как эта диктатура ликвидирует классовые противоречия старого общества, создает и развивает элементы нового солидарного общества, политическая демократия пролетарского государства превращается в социальную демократию социалистического общества. Лишь тогда не остается места для политической диктатуры, когда ликвидируются классы и соответственно противоречия между ними.

После мировой войны в ряде стран устанавливается равновесие классовых сил буржуазии и пролетариата, когда становится невозможным осуществлять господство одного класса

через посредство государства. Это приводит к возможности возникновения своеобразных новых форм государства и перед политикой пролетариата встают новые задачи.

Однако равновесие классовых сил не приводит к сглаживанию классовых противоречий и классовой борьбы. Для пролетариата это равновесие является необходимой предпосылкой готовности к революционным действиям. "Хотя равновесие классовых сил может... вести к компромиссам, само оно не является компромиссом между классами, не ведет к сближению между ними; оно выражает отношение чрезвычайного напряжения между ними" (с. 199). Правильнее было бы говорить вместо "равновесие классовых сил" "равная напряженность классовых сил" (с. 199).

Равновесие классовых сил никогда не может быть продолжительным. Оно является состоянием, в котором пролетариат может оказаться помимо своей воли. Но это именно та ситуация, при которой необходимо революционизировать массы путем их воспитания в социалистическом духе. Только тогда пролетариат может изменить равновесие в свою пользу. Но к этому он должен быть подготовлен.

Адлер полемизирует с Бауэром, который утверждал, что в периоды равновесия классовых сил государство утрачивает классовый характер, превращаясь в народную республику. В период равновесия сил государство перестает быть классовым только в том случае, если оно перестает быть политическим инструментом одного класса, возражает Адлер. В периоды равновесия, однако, экономическая власть продолжает оставаться в руках господствующих классов. Именно этим объясняется, "почему так называемое рабочее правительство, состоящее лишь из одних социал-демократов, даже если оно может опираться на социал-демократическое большинство, тем не менее никогда не может быть социалистическим правительством, пока пролетариат недостаточно силен для того, чтобы захватить также и экономическую власть в государстве" (с. 202).

Отсюда проистекает "историческая трагедия рабочего правительства, для которого в определенной внутривнутриполитической ситуации может оказаться необходимым стать всего лишь управляющим буржуазного государства, правда, при этом весь-

ма радикально соблюдая интересы рабочих и действуя в их интересах" (с. 202).

Поэтому рассуждения о современном государстве как о народном являются ошибочными. Народ в современном государстве в лучшем случае всего лишь юридическое понятие. На деле следует говорить о населении. Народ становится таковым лишь в солидарном обществе.

Тот механизм, который сложился в ходе австрийской революции, следует характеризовать не как народное государство, а как функциональную демократию. Она означает контроль над правительством со стороны организаций, представляющих интересы различных экономических кругов, и прежде всего пролетариата. Она означает далее, что пролетариат посредством профсоюзов, кооперативов, политических организаций и особенно благодаря тому, что он имеет прочные позиции в армии, получает возможность в высокой степени отстаивать свои классовые интересы внутри государства в недемократических формах.

Что касается экономической демократии, она представляет собой объединение граждан в санкционированные законом организации, представляющие их экономические интересы в дополнение к чисто политическим организациям.

Для того чтобы жизнь в государстве протекала на демократических началах, необходим контроль над органами управления и юстиции. Отсюда возникает требование замены враждебной народу бюрократии органами самоуправления. Подобное разделение власти придает демократии социальный облик.

Шагом на пути создания подобных органов стали организации, объединяющие все профессии, и отрасли экономики, имеющие публично-правовой характер: ремесленная, рабочая, торговая, сельскохозяйственная палаты и другие объединения, из которых должен быть в конечном счете сконструирован экономический парламент, чьи решения по экономическим проблемам имели бы силу закона. Такой орган практически будет направлен против политической демократии и будет осуществлять интересы господствующих классов, которым угрожает политическая демократия, так как они боятся завоевания рабочими парламентского большинства.

Задача социал-демократов заключается в том, чтобы разбить силы капитала путем создания экономических организаций масс, лишить его монополии на руководство экономикой.

Современный капитализм с его концернами и трестами породил новую организацию экономической жизни. Вопрос состоит в том, будет ли она служить олигархии капиталистов или всем. От решения этой проблемы зависит не только судьба трудящихся масс, но и развитие всей человеческой культуры. Нужно не забывать, что организация экономики в интересах капитализма вовсе не обязательно связана с нищетой пролетариата. "Напротив даже, весьма вероятно; что организованный капитализм в большой мере сможет обеспечить "своим" рабочим и служащим улучшение условий труда, удешевление продуктов питания, создание приличного жилья и даже институтов благосостояния - библиотек, театров, домов отдыха, детских садов и т.п." (с. 208). Сюда же относится широкая сеть социального обеспечения. Но за все это пролетариату придется заплатить потерей самоопределения. Он может оказаться в положении хорошо оплачиваемого лакея и даже проникнуться соответствующим самосознанием.

Сам Адлер считает такой путь маловероятным, ибо в этом случае потребуется объединение национальных экономик в международном масштабе.

Адлер обращает внимание на то, что интересы пролетариата находятся не только в материальной сфере. "Замечательные слова Евангелия: "Не хлебом единым жив человек", как и многие другие истины Евангелия, стали истинами революционного пролетарского социализма" (с.208). Свободное развитие свободной личности давно стало движущей силой социализма.

Для осуществления этих целей нужна экономическая демократия: право соучастия производителей и потребителей в производстве и распределении и передача этих прав органам самоуправления. Шагом на этом пути преобразования капиталистического строя является законодательное признание производственных советов. "Впервые капитализм ограничен в своем собственном доме, в своих правах экономического господства на фабрике и связан узаконенным правом содействия рабочих и служащих. Отныне работополучатели могут через посредство

своих выборных представителей соучаствовать во всех делах, относящихся к трудовому договору и оплате труда и даже, правда ограниченно, в вопросах увольнения. Возможность влиять на руководство предприятием и калькуляцию также не исключена, если члены производственных советов энергичны, компетентны и сознательны" (с. 209).

Но даже в экономической форме демократия в капиталистическом обществе остается глубоко внутренне противоречивой. Примечательно в этой связи, что производственные советы практически не используют имеющиеся у них, пусть даже небольшие, возможности употребить экономическую власть. Но вместе с тем, обсуждая свой опыт на собраниях, они способствуют воспитанию рабочего класса в духе социализма.

Адлер останавливается также на анализе функциональной демократии, под которой он понимает такую модификацию парламентаристского существования государства, в которой государственное волеизъявление больше не осуществляется только лишь путем парламентских решений. Это волеизъявление во все большей степени осуществляется посредством соглашения с организациями крупных экономических групп, в первую очередь с организациями, представляющими интересы рабочих и служащих. По своей сущности функциональная демократия представляет собой организованную силу трудящихся, существующую наряду с политической демократией и против нее.

Свою работу Адлер завершает мыслью о необходимости воспитания в массах социалистического сознания.

Г.Б.Ардаев

РЕННЕР К.

ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ И О СОЦИАЛИЗМЕ, В ОСОБЕННОСТИ О
ЗАДАЧАХ КООПЕРАТИВОВ И ПРОФСОЮЗОВ

RENNER K.

Wege der Verwirklichung; Betrachtungen über polit. Demokratie, Wirtschaftsdemokratie u. Sozialismus, insbesondere über die Aufgaben der Genossenschaften u. der Gewerkschaften. - В.: Dietz, Nfg, 1929. - 141, [3] S.

В предисловии К.Реннер отмечает, что данную книгу следует рассматривать как вторую часть задуманного им трехтомного исследования проблемы перехода от капитализма к социализму. В первой части "Экономика как совокупный процесс и социализация"¹⁾ рассматривается вопрос о том, может ли капитализм на основании законов своего развития "автоматически", т.е. ненасильственным путем, превратиться в социализм, или, другими словами, "насколько сам капитализм социализирует человеческое общество" (с.7). Реннер приходит к следующему выводу: капитализм "автоматически" осуществляет лишь пассивное обобществление, ко-

---

1) Renner K. Die Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung: Populär dargestellt nach Karl Marx' System. - В., 1924. - 391 S.

торое не затрагивает ни механизма прибавочной стоимости, ни массовой эксплуатации. Таким образом, внутренние закономерности развития капитализма сами по себе не смогут привести его к социализму. Реннер подчеркивает, что в первой части он не ставил перед собой задачи изучения тех социальных сил, которые в рамках буржуазного общества борются против устоев капитализма. Анализировалась лишь экономическая система капитализма в чистом виде.

В реферируемой работе исследуется деятельность эксплуатируемых классов буржуазного общества, которые отнюдь не представляют собой исключительно объекты подавления, жертвы. Эти классы и в условиях капитализма могут активно и творчески проявлять себя, создавая альтернативную экономическую систему, проводя социализацию буржуазного социума. До сих пор большинство теоретиков социализма недооценивали эту сторону бытия классов. Будучи полностью сосредоточенными на вопросах классовой борьбы, они фактически оставляли без внимания позитивную, творческую классовую работу. А она (эта работа) является как раз тем, что подготавливает социализм в целом и постепенно шаг за шагом осуществляет его "в частностях". Внутреннюю жизнь рабочего класса, его реальное историческое развитие можно понять лишь посредством изучения феномена экономической демократии. Без анализа данного феномена невозможно и ясное представление о путях осуществления социализма. Именно в социальном явлении экономической демократии в наиболее чистом виде, говорит Реннер, воплощается творческая сила пролетариата.

В третьей части трехтомного исследования ставится вопрос о том, насколько государство и право, понимаемые как "технические средства" социализации, являются годными, подходящими инструментами для ее проведения (т.е. для построения социалистического общества). В этой же части рассматривается проблема сущности и функций закона.

Реннер считает, что революционные события 1917–1919 гг. во многом изменили Европу. Буржуазное общество, пережив глубокие потрясения, нуждается в переустройстве. Об этом говорят и пишут идеологи капитализма. Должны для себя извлечь уроки и теоретики–марксисты. По мне–

нию Реннера, несмотря на все достижения и победы, революционное движение в Европе в целом потерпело поражение. Даже победоносная Октябрьская революция в России с точки зрения ее результатов немного дала рабочему классу.

В этой связи Реннер высказывает сомнение, что государство само по себе есть наиболее эффективное средство в деле осуществления социалистических преобразований, что захват государственной власти представляет собой путь, ведущий к построению социализма. Подвергается также сомнению и абсолютная ценность политической демократии, которую, видимо, следует дополнить демократией социальной. Реннер полагает, что в периоды спада и отступлений революционных движений перед рабочим классом встает задача осуществления социалистических реформ прежде всего в социально-экономической сфере, т.е. вне государственно-политических структур. В первую очередь необходимо позаботиться о человеке, стоящем у станка, о каждом конкретном рабочем. Надо облегчить его участь, дать ему большие права на производстве, ввести в органы, руководящие функционированием экономики. Это, по мнению Реннера, безусловно приблизит общество к социализму. Социалистическое реформирование социально-экономической сферы жизни общества, подчеркивает он, будет длительным (несколько десятилетий) и постоянно углубляющимся процессом.

Лозунгом современной эпохи, по утверждению Реннера, должна стать борьба рабочего класса за индустриальную или экономическую демократию. В экономике в отличие от политики по сей день господствуют антидемократические, авторитарные формы управления. Капиталистическое предприятие остается той "клеточкой" общества, где власть буржуазии абсолютна и ничем не ограничена. Следовательно, исторические интересы рабочего класса заключаются во внедрении на производстве демократических принципов и форм управления.

Реннер различает два пути построения социалистического общества. Первый – это путь государственного, соответственно муниципального социализма. Он возможен как социализация посредством государства. Иными словами, речь идет об использовании прежде всего политического инструмента-

рия и социализации прежде всего государственно-политических структур. Что касается экономики, то и она "подводится" к социализму государством и другими институтами системы политической демократии. С точки зрения такого социализма каждый отдельный рабочий рассматривается фактически как государственный служащий. Второй – это путь социализма "самопомощи", соответственно свободного, чисто общественного социализма. Сторонники подобного социализма считают, что экономическая жизнь развивается по своим внутренним законам ("из самой себя") и в сущности независимо от государства и институтов политической демократии. В связи с этим они утверждают, что социализация экономики возможна лишь экономическими средствами. Для теоретиков общественного социализма одной из основополагающих является идея "самостоятельности", "автаркичности" экономического и государственного развития.

Первый путь Реннер квалифицирует как политическую социализацию, второй – как общественную социализацию. Экономическая демократия и есть, по мнению Реннера, движение: к общественной социализации или сама общественная социализация в действии, в движении. С 1917 г. оба этих пути находятся в отношениях конкуренции друг с другом.

Реннер отмечает, что борьба за экономическую демократию по своей сути является классовой борьбой. Она – единственная реальная альтернатива государственному социализму и диктатуре пролетариата. Экономическая демократия противопоставляет насильственным, волюнтаристским и, в конечном счете, обреченным на неудачу методам политической социализации свободное творчество масс в социально-экономической сфере. Экономическая демократия и социализм – понятия неразделимые. Подлинная демократия в экономической сфере возможна лишь при социализме, но и социализм включает в себя как необходимый, фундаментальный принцип экономическую демократию.

В связи с необходимостью борьбы рабочего класса за экономическую демократию Реннер детально анализирует вопрос о роли, целях и функциях профсоюзов в этой борьбе. Он подчеркивает, что борьба за экономическую демократию

должна вестись прежде всего непосредственно на производстве. Производство в условиях капитализма является не только "инструментом эксплуатации" (с.67), но и той "сферой", где царят авторитарные формы управления. Следовательно, надо демократизировать систему управления производством. Подобно тому как в государственно-политической жизни абсолютизм уступил место народному представительству, т.е. парламентаризму, и на производстве необходимо ввести институт представительства рабочих. Это, безусловно, ограничит власть капитала и приблизит к социализму.

Реннер указывает, что в борьбе за экономическую демократию ни в коей мере нельзя ограничиваться введением института представительства на отдельных фабриках и заводах. Система экономической демократии должна охватить всю хозяйственную жизнь страны. Так же как принципы народного представительства суть основополагающие на всех уровнях и во всех клеточках государственно-политической организации социума – общинах, районах, провинциях (землях), так и хозяйственный комплекс должен функционировать на основе принципов представительства рабочих в органах управления. Но если характерной чертой системы политической демократии является ее территориальная организация, то систему экономической демократии, полагает Реннер, следует создавать по отраслям: экономики. Низовой уровень системы экономической демократии – это фабрично-заводские или производственные советы. Они защищают права рабочих непосредственно на производстве. Но данные советы не имеют статуса "корпорации публичного права" и потому их реальные, фактические права ограничены лишь вопросами "узкопроизводственного характера". Посему Реннер предлагает дальнейшее совершенствование деятельности "рабочих палат", в задачу которых входит защита интересов рабочих той или иной отрасли экономики. Именно эти "рабочие палаты", обладающие публично-правовым статусом, смогут противостоять многочисленным организациям предпринимателей: промышленным палатам, торговым палатам и т.п. "Рабочие палаты" – это средний уровень системы экономической демократии.

Однако по-настоящему эффективной, способствующей социалистическим преобразованиям экономическая демократия может быть лишь при условии создания органа представительства рабочих на общенациональном уровне. Такой орган должен быть наделен правами законодательства в сфере экономики, планирования хозяйственного развития и т.п. Другими словами, данный орган, по мнению Реннера, становится важнейшим элементом системы государственного управления, и, таким образом, экономическая и политическая демократия связываются воедино, образуя общесоциальный демократический комплекс.

Борьба за экономическую демократию, продолжает Реннер, имеет для профсоюзов эпохальное значение. Создание органов представительства рабочих (производственных советов) означает, что закончился этап борьбы за признание профсоюзов, их роли и функций в обществе. Это означает также, что деятельность профсоюзов отныне перестает быть только негативной, т.е. направленной исключительно на подрыв основ капитализма. Теперь профсоюзы, делегировав своих представителей в производственные советы, возложили на себя и конструктивные задачи. Уже в рамках капиталистического общества, утверждает Реннер, профсоюзы осуществляют функции позитивного соуправления. Постепенно в деятельности профсоюзов акцент переносится с борьбы за повышение заработной платы и улучшение условий труда (хотя все это остается важным направлением работы профсоюзов) на организацию и соуправление производством и экономикой в целом.

Реннер считает ошибочными концепции "рабочего контроля над производством", "самоуправления в промышленности" и "индустриальной демократии". Ошибочность этих концепций, по его мнению, состоит в том, что рабочие пока еще не в состоянии сами без сотрудничества с акционерами и верхушкой управленческого аппарата руководить экономикой. У них еще нет необходимых опыта, навыка, знаний и т.д. Пролетариат и его профсоюзы научились достаточно эффективно бороться с капиталистами, ныне они должны научиться с ними сотрудничать. Данное сотрудничество предназначено

не для достижения классового компромисса и удовлетворения "сиюминутных потребностей", а для того, чтобы перенять обязательные для всякой социальной группы, всякого класса профессиональное умение управлять производством. Разрушить капитализм и соответствующие ему несправедливые формы руководства хозяйственной жизнью — мало, надо заменить их более эффективными, более жизнеспособными и прогрессивными. В этом — главная задача рабочего класса и профсоюзов.

Капитализм со всеми его антагонистическими противоречиями и "недостатками" смог обеспечить невиданную дотоле производительность труда. Превзойти ее можно лишь при условии, если рабочие лучше организуют управление экономикой. Таким образом, производственные советы и "рабочие палаты", защищая интересы рабочих в борьбе с капитализмом в деле организации труда, должны на время пойти на выучку к капиталу. Это приблизит их к реальному социализму больше, чем все самые радикальные призывы немедленно передать рабочим всю власть на производстве.

Реннер отмечает, что вне политической сферы экономическая демократия есть главное направление классовой борьбы пролетариата, но отнюдь не единственное. За пределами государственных и экономических структур существует область социальной жизни, которой социалисты все еще уделяют недостаточное внимание. Речь идет о многочисленных общественных организациях, во многом определяющих жизнедеятельность современного социума и качественно отличающих его от всех предшествующих обществ. В высококодифференцированном и сложноструктурном обществе XX столетия господствует идея организации. Индивиды, объединенные каким-либо общим интересом (религиозным, профессиональным, культурным, образовательным, спортивным и т.д.), стремятся к созданию организации. Характерной чертой этих организаций является их демократическое устройство.

По словам Реннера, функционирование многочисленных общественных организаций оказывает значительное влияние на эволюцию государственных институтов. Так, "некоторые" новые органы системы государственного управления "вырос-

ли" из общественных организаций. В связи с этим Реннер подчеркивает, что "само государство ничего не изобретает, ничего не создает и ничего не обосновывает" (с.107) — оно только перенимает и реализует то, что уже успешно апробировано "обществом". Иными словами, расширение социальных функций государства происходит следующим путем: в обществе как бы осуществляется подготовительная работа, идет социальный эксперимент — возникает организация, затем в течение какого-то времени она доказывает свою общесоциальную необходимость. И на этом-то этапе государство, как правило, "присваивает" себе функции данной организации, т.е. создает новый орган власти.

По мнению Реннера, теоретикам социализма следует перейти к конкретному, детальному анализу системы демократических общественных организаций, их взаимоотношений с государством, классами, индивидами. Необходимо исследовать не только поведение индивидов и классов, но и то, как индивиды объединяются для достижения тех или иных целей в группы (организации), как данные группы взаимодействуют, "переплетаются", "прорастают сквозь классы" (с.108), как, наконец, превращаются в государственные учреждения и ведомства. Индивид и класс — две эти важнейшие "категории" современного общества — не могут быть правильно поняты, если не учитывать наличия механизма связи между ними, так сказать передаточного звена — социальной организации, союза, группы.

Реннер призывает отказаться от устоявшегося мнения, согласно которому между государством и обществом существует абсолютная, принципиальная противоположность. Государство как система органов принуждения и управления, указывает он, есть лишь средство функционирования общества, его выражение. Абсолютизация же действительно имеющихся, но не принципиальных по своей природе противоречий, противоположности государства и общества ведет к ошибочному выводу, что — де захват государственной власти и диктатура пролетариата смогут обеспечить социалистическое преобразование общества. Здесь же, по мнению Реннера, заключены непонимание сути государства, его "вторичности" по от-

ношению к обществу, явная переоценка его реальной значимости. Диктатура пролетариата имеет своим следствием разрушение сети свободных демократических организаций, т.е. ведет к аннигиляции¹⁾ общественной демократии. Она (диктатура пролетариата) исключает из социально-политического развития возможность общественного эксперимента, возможность общественного творчества. В конечном счете, этатизация всех сфер социальной жизни представляет собой, как полагает Реннер, явление реакционное, обрекающее общество на застой и деформацию.

Реннер, напротив, убежден, в том, что общественная демократия – это важнейшая сфера классовой борьбы пролетариата. Рабочий класс должен осуществлять программу социализации в общественных организациях и через них. Он обязан бороться за них, расширять в них свое влияние, использовать в своих интересах. Не посредством захвата государственной власти преобразовывать сложнейшую социальную ткань, а в ходе внедрения в систему общественной демократии, в ходе социализации общества изменять соотношение сил в механизме государства, перестраивать его на социалистический лад.

В заключение Реннер анализирует проблему соотношения экономической и политической демократии, а также проблему государства и его роли в социалистических преобразованиях общества. Учитывая огромное влияние государства на экономический процесс, он подчеркивает, что современное государство можно квалифицировать как экономическое. Но это экономическое государство имеет несколько ипостасей. В той сфере, где авторитарные капиталистические отношения остаются незыблемыми, экономическое государство предстает как капиталистическое. Там, где эффективно проявляют себя институты представительства и самоуправления рабочих, экономическое государство следует считать свободным. Безусловно, говорит Реннер, государство и экономика остаются пока еще по преимуществу капиталисти-

1)

Аннигиляция – уничтожение, исчезновение. – Прим. реф.

ческими, но "свободное экономическое государство" шаг за шагом отвоевывает себе новые позиции. В качестве примера приводятся факты о постоянном возрастании воздействия профсоюзов на хозяйственную жизнь общества, о росте количества и значения производственных советов и т.п.

Таким образом, подчеркивает Реннер, буржуазное государство и экономика находятся на пути к социализму – "в утробе старого мира рождается новый" (с.128). Долгое время теоретики марксизма, как замороженные, "следили" за развитием капитализма, его структурными изменениями, подъемами и циклическими кризисами, ожидая, что в какой-то определенной "точке", в какой-то определенный момент старое общество умрет, а на смену ему явится новое, социалистическое. В действительности же, полагает Реннер, социализм рождается в недрах капиталистической общественной формации, он медленно, но неуклонно зреет в рамках буржуазного общества. Главной формой и одновременно "плотью" социалистических преобразований в условиях господства капитализма является экономическая демократия. Термин "врастание в социализм", по мнению Реннера, неверно отражает суть формулируемой им концепции. В реальной жизни происходит не врастание в социализм, а борьба классов, творческая работа пролетариата с целью построения социалистического общества. И экономическая демократия является прежде всего борьбой рабочего класса с капиталом, борьбой ростков нового общества со старым.

Реннер отвергает два, по его мнению, ошибочных пути социалистических преобразований. Первый – чисто экономический – он определяет как политический квиетизм¹⁾. Вторым – чисто политический – как политический гиперактивизм. Сторонники первого пути ожидают, что экономические законы развития капитализма сами по себе, автоматически приведут буржуазное общество к социализму. Сторонники второго считают, что победу социализма обеспечит пролетарская политическая революция. И политический квиетизм, и политический гиперактивизм, по Реннеру, суть "примитивно-социалистические способы мышления" (с.129). И полити-

1) Квиетизм – безучастное, пассивное отношение к жизни. – Прим. реф.

ческие квиетисты, и политические гиперактивисты не понимают, не учитывают сущности изменений, происшедших в XX в. в буржуазном обществе. В первую очередь речь идет о таких феноменах, как экономическая и общественная демократии. Адепты политического гиперактивизма, пишет Реннер, проходят мимо такого громадного по своему значению факта, как то, что миллионы и миллионы рабочих борются за социализм в многочисленных демократических организациях. Именно эти демократические организации, лозунгом которых является "свободное, творческое самоопределение", ограничивают власть капитала и закладывают основы социализма. Следовательно, душой будущего социалистического общества должно быть свободное творческое самоопределение. Следовательно, социалистическое общество должно быть не диктатурой, а демократией нового, высшего типа.

А.П.Попов

**АВСТРОМАРКСИЗМ,
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ**

Реферативный сборник

**Технические редакторы Ю.А.Горохова, Н.А.Лапина
Корректор М.А.Борисова**

Сдано в набор 10/У-83 г. Подписано к печати 28/Х1-83
Формат 60х84/16

Печ.л. 16,5

Уч.-изд.л. 12,0

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1462Д

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/21.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр., 40:

042(02)9

